

арестомъ, удаленіемъ отъ должности экзекутора и запрещеніемъ харьковскимъ студентамъ вообще посѣщать театръ. Впрочемъ, въ послѣдствіи все это было смягчено.

5-я глава.

Просвѣтительное вліяніе университета на общественную среду.

Помимо непосредственнаго воздѣйствія на ввѣренную его попеченію молодежь, университетъ имѣлъ образовательное, просвѣтительное вліяніе и на болѣе широкіе круги общества—на учащихся и учащихся въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ огромнаго харьковского учебнаго округа¹⁾ и отчасти на мѣстное общество вообще. Главною, типическою, никогда потомъ не повторявшеюся особенностью устава 1804 года было то, что онъ предоставилъ университету полное и непосредственное завѣдываніе всѣми училищами въ округѣ—какъ средними, такъ и низшими, какъ правительственными, такъ и частными (пансіонами). Уже въ началѣ царствованія императора Николая Павловича, стремившагося къ усиленію правительственной централизаціи, въ 1826 году возникла мысль о передачѣ среднихъ и низшихъ школъ въ вѣдѣніе попечителей округовъ. Въ 1832 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ уничтоженіи училищныхъ комитетовъ университетовъ. Въ 1835 г. издано было положеніе объ учебныхъ округахъ, гдѣ было сказано, что «профессора не имѣютъ ни времени, ни надлежащихъ способностей къ практическому управленію и успѣшному обозрѣнію гимназій и училищъ, университетамъ трудно завѣдывать учебными заведеніями, разсѣянными на разстояніи 3 или 4 тыс. верстъ». Въ тотъ же годъ былъ изданъ новый университетскій уставъ, уничтожившій власть университетовъ надъ училищами. Но настоящая причина реформы коренилась не столько въ сущности дѣла, сколько въ соображеніяхъ политическаго характера. Министерство Уварова стремилось вообще къ ослабленію университетской автономіи, усиленію правительственной власти

¹⁾ Въ составъ его входили первоначально—Слободско-Украинская (или Харьк.), Ворон., Орлов., Курская, Черн., Полтав., Никол., Таврич., Екатерин. губ., земля Донскихъ и Черноморскихъ казаковъ; въ послѣдствіи онъ еще болѣе расширился.

въ университетахъ; понятно, слѣдовательно, почему прежде всего уничтожена была власть университета надъ училищами—въ ней наиболѣе ярко выразилась эта автономія. Существеннымъ можно признать только указаніе на умноженіе числа училищъ. Что же касается огромныхъ территорій округовъ, то онѣ и послѣ реформы остались весьма значительными и попечителю съ его помощникомъ было еще труднѣе ихъ обозрѣвать, чѣмъ училищному комитету, который располагалъ значительнымъ числомъ визитаторовъ. Что же касается «неспособности», будто бы проявленной профессорами въ этомъ дѣлѣ, то указаніе на нее является голословнымъ и опровергается тѣми богатыми документальными данными, которыя рисуютъ дѣятельность училищныхъ комитетовъ и хранятся въ нашихъ университетскихъ архивахъ. Впрочемъ, можно думать, что Уваровъ въ своемъ отзывѣ имѣлъ въ виду только свое время, когда дѣятельность училищныхъ комитетовъ, подъ вліяніемъ общихъ неблагоприятныхъ условій университетской жизни, отмѣченныхъ нами выше, ослабѣла, и, такъ сказать, замерла. Что же касается предшествоващаго времени, то во все царствованіе императора Александра I, никто не подымалъ вопроса о неудовлетворительномъ рѣшеніи этой трудной задачи университетами и въ то время подобная форма управленія являлась наиболѣе рациональной. По крайней мѣрѣ Харьковскій университетъ съ честью разрѣшилъ эту задачу, и его просвѣтительная дѣятельность на пользу училищъ «полуденнаго края» Россіи должна быть помянута съ величайшею признательностью въ настоящее время. Университетъ имѣлъ надзоръ за ученіемъ и воспитаніемъ, административною и хозяйственною частью во всѣхъ училищахъ округа, заботился объ открытіи новыхъ гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, опредѣлялъ и увольнялъ во всѣхъ училищахъ административный и педагогическій персоналъ, подвергалъ суду виновныхъ. Специальнымъ органомъ для управленія училищъ являлся училищный комитетъ, получавшій донесенія отъ директоровъ гимназій, составлявшій вѣдомости о состояніи училищъ, объ ихъ недостаткахъ и мѣрахъ къ ихъ направленію, достоинствамъ и недостаткамъ учителей, объ успѣхахъ учащихся. Для разрѣшенія болѣе важныхъ хозяйственныхъ вопросовъ комитетъ обращался въ правленіе университета, а по учебной части—въ совѣтъ. Совѣтъ посылалъ профессоровъ, въ качествѣ визитаторовъ, для личнаго осмотра училищъ извѣстнаго района и давалъ имъ при этомъ особую инструкцію. Отчеты визитаторовъ докладывались въ комитетъ, который систематическое извлеченіе изъ нихъ со своими замѣчаніями переносилъ въ совѣтъ, а этотъ послѣдній отсылалъ къ попечителю и министру. Работы, при томъ не только текущей и творческой,—было очень много. И она

началась еще до фактическаго открытія университета, при первомъ замѣчательномъ дѣятелѣ университета въ этой области—проф. П. О. Тимковскомъ, который до самаго выхода своего въ отставку въ 1811 г. продолжалъ посвящать свое время, главнымъ образомъ, школьному дѣлу. Университетъ официально засвидѣтельствовалъ это слѣдующимъ журнальнымъ постановленіемъ: «университетъ всегда съ величайшею признательностью будетъ вспоминать, что устройство весьма многихъ училищъ въ округѣ его, теперь цвѣтущихъ, обязано благоразумію, усердію и неутомимому труду проф. Тимковского». Съ открытіемъ университета началась плодотворная дѣятельность его училищнаго комитета, отличавшаяся въ высшей степени разнообразнымъ характеромъ и стоявшая въ полномъ соотвѣтствіи съ требованіемъ устава и жизни. Прежде всего комитетъ привелъ въ извѣстность школьное наслѣдіе, доставшееся ему отъ прежней эпохи, а затѣмъ сталъ заботиться о преобразованіи екатерининскихъ училищъ и объ открытіи новыхъ по уставу 1804 г. Главныя народныя училища екатерининскихъ временъ теперь были преобразованы въ гимназіи и это преобразование сопряжено было съ большими трудностями: нужно было позаботиться и о соотвѣстныхъ помѣщеніяхъ, и о подборѣ подходящихъ учителей, и о средствахъ, и объ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, и о достаточномъ контингентѣ учащихся,—и однако уже въ первый годъ дѣятельности комитета такое преобразование совершилось въ Харьковѣ, Черниговѣ, Екатеринославѣ и Черкасскѣ на-Дону. Малыя народныя училища преобразовывались въ уѣздныя. Штатныхъ суммъ было недостаточно, и университетъ обратился къ содѣйствію общества, которое откликнулось на его призывъ. На мѣстахъ побуждали къ пожертвованіямъ визитаторы. Начали строить или отводить помѣщенія для училищъ учрежденія (городскія и крестьянскія общества) и отдѣльныя лица (помѣщики, купцы и т. п.). Были и крупныя пожертвованія: Судіенко на училища въ Малороссіи далъ 40 тыс., братья Безбородко—210 тыс., землю съ садомъ въ Нѣжинѣ и по 15 тыс. ежегодно на содержаніе гимназіи высшихъ наукъ; приняли на себя содержаніе училищъ—Полтавская губ., области Войска Донскаго и Черноморскаго; Таганрогская коммерческая гимназія должна была содержаться, главнымъ образомъ, на счетъ города; Одесская также получала крупныя пожертвованія. В. Н. Каразинъ открылъ приходское училище въ своемъ селѣ, кругомъ обезпечивъ его содержаніе ежегодною суммой. Алымовъ пожертвовалъ Харьковской гимназіи 22 тыс. руб. на содержаніе бѣдныхъ учениковъ. Еще ближе къ сердцу комитетъ принималъ учебную сторону дѣла, здѣсь онъ былъ еще компетентнѣе, чѣмъ въ хозяйственной.

Добывать удовлетворительныхъ учителей было трудно, въ особенности для приходскихъ училищъ, и комитетъ проявлялъ не канцелярское, а живое отношеніе къ этому дѣлу. Визитаторы Тимковскій и Осиповскій возбудили важный вопросъ о неудовлетворительности господствовавшихъ тогда механическихъ методовъ обученія. Выдвинуть былъ вопросъ объ устройствѣ приходскихъ училищъ при уѣздныхъ, въ качествѣ ихъ низшихъ отдѣленій. Заботился всегда комитетъ о снабженіи училищъ книгами и учебными пособіями—съ этою цѣлью, между прочимъ, университетъ завелъ собственный книжный магазинъ. Нельзя не отмѣтить заботъ комитета о недостаточныхъ ученикахъ, которымъ онъ постановилъ даромъ раздавать учебники. Весьма полезенъ былъ его надзоръ надъ пансіонами, содержимыми иностранцами, часто не имѣвшими необходимаго образовательнаго ценза—теперь общій уровень образованія въ пансіонахъ, благодаря надзору и контролю комитета, повысился. На учительской педагогической средѣ благотворно отразилось и то научно-литературное движеніе, которое существовало въ университетѣ: говорились рѣчи, издавались учебники, пособія, переводы, даже научныя сочиненія и, наконецъ, представлялись въ училищный комитетъ многочисленные рукописные труды историческаго, географическаго, статистическаго характера, метеорологическія наблюденія и т. п. Въ числѣ этихъ трудовъ была капитальная «Исторія о Донскомъ Войскѣ», составленная директоромъ училищъ земли Войска Донскаго Поповымъ; многія темы рѣчей навѣяны были сюжетами рѣчей университетскихъ преподавателей. Учителямъ стали подражать ученики, которые также начали выступать съ публичными рѣчами. Извѣстный намъ университетскій адъюнктъ Склабовскій былъ преподавателемъ словесности въ пансіонѣ Коваленкова, и результатомъ его дѣятельности тамъ явился печатный сборникъ ученическихъ стихотвореній. Гулакъ-Артемовскій преподавалъ въ пансіонѣ Делявинъ—и подъ его непосредственнымъ руководствомъ воспитанницы перевели цѣлый рядъ литературныхъ отрывковъ, которые потомъ также хотѣли издать особымъ сборникомъ.

Огромное значеніе имѣли визитаціи профессоровъ: ихъ обширные отчеты представляютъ, по-истинѣ, драгоценный матеріалъ для характеристики тогдашняго положенія училищъ, ихъ свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ, ихъ потребностей и недостатковъ. Въ теченіе перваго десятилѣтія было 32 визитаціи, т. е. въ среднемъ по 3 въ годъ, при чемъ на долю Тимковского и Дегурова приходится по 6 визитацій, Стойковича 4, Осиповскаго, Васильева, Успенскаго по 2, Рижскаго, Умляуфа, Якоба, Шумлянскаго, Роммеля, Каменскаго, Книгина, Срезневскаго, Нельдехена, Ланга и Гизе по одной. Больше всего посчастливилось по части

визитацій Одессы съ Херсонской губ., Воронежской и Курской губ., землѣ Войска Донского и г. Харькову. Несомнѣнно, что школьное дѣло выиграло бы, если бы было еще больше визитацій. Но районъ учебнаго округа былъ слишкомъ великъ, и путешествія по отдаленнымъ и захолустнымъ мѣстностямъ были сопряжены тогда съ большими лишеніями. Конечно, профессора русскаго происхожденія могли съ лучшими результатами исполнять обязанности визитаторовъ, чѣмъ иностранцы, вынужденные брать русскихъ секретарей и переводчиковъ. Въ послѣдующее двадцатилѣтіе визитаціи были уже менѣе часты. Намъ извѣстны слѣдующія: въ 1815 г.—Каменскаго и Рейта, въ 1818 г.—Васильева, въ 1819 г.—Успенскаго и Джунковскаго (1-й ѣздилъ въ Кіевъ, 2-й въ Одессу), въ 1826 г.—Павловскаго, въ 1828—Филомафитскаго и Комлишинскаго. Особенною обстоятельностью отличались отчеты Васильева, Павловскаго и Филомафитскаго. Кромѣ исполненія своихъ прямыхъ обязанностей, визитаторы собирали еще свѣдѣнія о мѣстныхъ древностяхъ. Дегуровъ привезъ найденныя имъ рукописи и составилъ отчасти на основаніи своихъ наблюденій сочиненіе о Ногайскихъ татарахъ, Рижскій представилъ описаніе городища древней Ольвии и собралъ много древнихъ памятниковъ. Визитаторы давали описаніе не только школъ, но и городовъ,—ихъ замѣчанія представляютъ поэтому и цѣнный историко-географическій матеріалъ въ настоящее время.

О плодотворной дѣятельности училищнаго комитета по части открытія новыхъ школъ ярко свидѣлствуютъ статистическія данныя. До открытія дѣятельности училищнаго комитета въ Харьк. уч. окр. было всего 46 училищъ (7 главныхъ народныхъ, 36 малыхъ народныхъ и 3 приходскихъ). За 20 лѣтъ (съ 1785 по 1805 годъ) открывалось, слѣдовательно, въ среднемъ по $2\frac{1}{4}$ школы въ годъ. Число учащихся въ 1805 году равнялось 3967 д. Послѣ девятилѣтней дѣятельности комитета число школъ возросло до 163, т. е. увеличилось болѣе, чѣмъ въ $3\frac{1}{2}$ раза; ежегодный приростъ школъ равенъ 39% , а ежегодный приростъ учениковъ $23\frac{2}{3}\%$ въ годъ; въ числѣ ихъ было уже—12 гимназій (вмѣсто прежнихъ 7 гл. нар. училищъ), 65 уѣздныхъ училищъ, 17 малыхъ народныхъ и 69 приходскихъ; число однѣхъ среднихъ школъ увеличилось почти въ 2 раза, а низшихъ въ 4 раза; особенно возросло число приходскихъ школъ. Вновь открытыхъ школъ было 117, преобразованныхъ 27, оставшихся безъ измѣненія 19. По годамъ преобразование и открытіе школъ распределяется такъ: въ 1805 г. было преобразовано и открыто 11 школъ, въ 1806 г.—15, въ 1807 г.—8, въ 1808 г.—13, въ 1809 г.—8, въ 1810 г.—10, въ 1811 г.—9, въ 1812 г.—54, въ 1813 г.—16. Въ среднемъ ежегодно открывалось по

13 школъ, т. е. почти въ 6 разъ болѣе, чѣмъ въ доуниверситетскій періодъ Любопытна огромная цифра числа школъ, открытыхъ въ годъ Наполеоновскаго нашествія. Учителей въ школахъ было 412, учениковъ 8478, въ томъ числѣ 329 дѣвочекъ. Приростъ учащихся за 9 лѣтъ равняется 4511, т. е. 213⁰/₀, что въ среднемъ составитъ по 23²/₃⁰/₀ въ годъ. Суммъ въ остаткѣ къ 1-му января 1814 года было 362215 руб.

Если теперь попробуемъ сравнить число училищъ въ началѣ и концѣ слѣдующаго двадцатилѣтія (въ 1815 и 1834 году), то окажется слѣдующее. Въ 1815 году въ 11 губ. и областяхъ округа было 13 гимназій съ 1006 учениками, 64 уѣздныя училища съ 5054 учениками, 15 малыхъ народныхъ училищъ съ 875 учениками и 71 приходское съ 1255 учениками,—всего 163 училища съ 8190 учащимися. Общее число училищъ по сравненію съ 1813 годомъ осталось безъ измѣненія, а число учащихся уменьшилось. За 20 слѣдующихъ лѣтъ число школъ увеличилось на 65 или на 65⁰/₀ и число учащихся въ нихъ на 3079 душъ, т. е. почти на 59⁰/₀; годичный приростъ числа школъ выразится цифрою 3¹/₃⁰/₀, а число учащихся 3⁰/₀. Иными словами, приращеніе числа училищъ было въ эпоху общей реакціи въ 17,1 разъ менѣе значительно, чѣмъ въ первые либеральные годы царствованія импер. Александра, а число учащихся почти въ 8 разъ. Число гимназій осталось прежнее, но число учащихся въ нихъ увеличилось на 100⁰/₀; число уѣздныхъ училищъ возросло на 69⁰/₀, а число учащихся на 58⁰/₀; число приходскихъ училищъ увеличилось на 100⁰/₀, а число учащихся въ нихъ на 142⁰/₀. Малыя народныя училища—наслѣдіе Екатерининской эпохи—теперь всѣ исчезли или, точнѣе говоря, были преобразованы въ уѣздныя или приходскія. Сильно возросло и число пансіоновъ. Открылась въ Харьковѣ и ланкастерская школа взаимнаго обученія. Наименѣе устойчивыми являлись приходскія училища. Какъ бы то ни было, школьное дѣло въ округѣ подъ руководствомъ университета развивалось и въ періодъ времени съ 1815 по 1835 годъ, хотя и далеко не столь успѣшно, какъ въ 1-е десятилѣтіе. Есть данныя, свидѣтельствующія о томъ, что и внутреннее состояніе училищъ постепенно улучшалось и преподаватели гимназій относились къ стоявшему во главѣ училищъ университету съ истинною любовью и уваженіемъ. Огромное значеніе дѣятельности университета по части устройства и управленія училищъ прекрасно понимали уже современники. Это пониманіе нашло себѣ яркое выраженіе въ публичныхъ рѣчахъ поп. гр. С. О. Потоцкаго, проф. Рижскаго, говорившаго о занятіяхъ университета по училищной части въ 1805—1806 гг., Каменскаго и Борзенкова; проф. Роммель въ 1815 г. изъ-за границы (изъ Касселя) просилъ ректора

университета сообщить ему свѣдѣнія о числѣ училищъ, университетомъ открытыхъ. «Всѣ ученые въ Россіи и Германіи, кого я только видѣлъ, писалъ онъ, приглашали меня обнародовать эти свѣдѣнія, такъ какъ всѣ признавали и признаютъ, какія заслуги Харьковскій университетъ оказалъ южной Россіи въ столь короткое время. Пусть же будетъ извѣстно всему образованному міру, что нами сдѣлано въ это время». Касались этого вопроса и профессора Харьковского университета болѣе поздняго времени—И. И. Срезневскій, Н. А. Лавровскій, Д. И. Каченовскій,—и всѣ они также отдають должное университету за эту сторону его просвѣтительной дѣятельности.

Таково было благотворное образовательное воздѣйствіе университета на одну часть тогдашняго общества—мѣстную педагогическую среду, разбросанную на огромномъ пространствѣ и заключающую въ себѣ тысячи учащихся и учащихся. Но университетъ дѣйствовалъ просвѣтительнымъ образомъ и на остальную часть общества, которой не чужда была хотя самая скромная степень образованія.

Мы видѣли уже въ концѣ предыдущей главы, что многіе научные труды харьковскихъ профессоровъ имѣли и широкое общественное образовательное значеніе: они пробуждали уваженіе къ наукѣ и разсадникамъ ея въ Россіи—университетамъ. Важнымъ доказательствомъ образовательнаго вліянія Харьковского университета на мѣстное общество является широкое распространеніе въ немъ профессорскихъ сочиненій. Этому способствовалъ прежде всего не строго спеціальныи, а довольно популярный характеръ большинства этихъ работъ, рассчитанныхъ на болѣе широкіе круги читателей. Что книги имѣли въ виду постороннюю публику, доказыаается тѣмъ, что авторы обыкновенно объявляли на нихъ предварительную подписку, которая нерѣдко достигала значительныхъ размѣровъ (фамиліи подписчиковъ печатались; для многихъ это былъ своего рода аттестатъ на образованность). Благопріятною средою являлся административный и педагогическій персоналъ училищъ, подвѣдомственныхъ университету. На одну изъ монографій Стойковича (Предохраненіе отъ молніи) оказалось 1000 пренумерантовъ. 2-го изданія книги Успенскаго разошлось по предварительной подпискѣ 570 экз., изъ коихъ огромное большинство падаетъ на города тогдашняго Харьковскаго учебнаго округа; кромѣ педагоговъ, есть не мало и постороннихъ лицъ.

Сами университетскіе дѣятели того времени сознавали важное образовательное значеніе университетовъ. Въ этомъ отношеніи особенно интересна и поучительна (даже и для послѣдующаго времени) рѣчь проф. Якоба объ университетахъ, которые онъ сравниваетъ съ фабри-

ками, ибо и тамъ, и здѣсь широко примѣняется принципъ раздѣленія труда, который одинъ только способенъ до совершенства произвести. Всѣ орудія для производства собраны въ университетскихъ книгохранилищахъ и кабинетахъ, чтобы каждый могъ пользоваться тѣмъ, что ему необходимо. Для профессоровъ открыто обращеніе съ цѣлымъ ученымъ міромъ, и они могутъ пользоваться результатами общечеловѣческихъ открытій для пользы своего отечества. Въ собственномъ кругу они могутъ оказывать другъ другу взаимныя услуги по части интересующихъ ихъ вопросовъ. Не останавливаясь на тѣхъ обскурантахъ, которые, будучи преисполнены челоуѣконенавистническихъ намѣреній, стараются вообще о подавленіи наукъ, Якобъ дальнѣйшее изложеніе посвящаетъ разбору того мнѣнія, по которому устройство школъ должно быть предоставлено свободной инициативѣ самихъ гражданъ, потому будто бы, что правительственная помощь привлекаетъ въ школы и неспособныхъ преподавателей, и неспособныхъ воспитанниковъ. Якобъ резонно замѣчаетъ на это, — если правительство не будетъ затрачивать средствъ на училища, а учебное дѣло будетъ предоставлено свободной инициативѣ гражданъ, то образованіе сдѣлается только привилегіей богатыхъ и такимъ образомъ дарованія недостаточныхъ классовъ останутся потерянными для общественнаго блага; а всякій знаетъ, прибавляетъ Якобъ, какъ рѣдко попадаютъ въ небольшомъ кругѣ богатыхъ и знатныхъ даровитые умы и какъ рѣдко они стремятся къ усовершенствованію. Пусть въ этомъ государственномъ насажденіи будетъ расти и терніе, пусть будутъ тутъ и уродливыя деревья, пусть нѣкоторые отпрыски окажутся посаженными на непригодную для нихъ почву, — но эта потеря съ избыткомъ вознаградится безконечными выгодами. Историческими примѣрами Якобъ доказываетъ благотѣльное вліяніе университетовъ на развитіе науки и образованіе. Огромной пользы ожидаетъ онъ отъ училищъ, открытыхъ при имп. Александрѣ, и въ заключеніе указываетъ на ту пользу, которую приносятъ Харьковскій университетъ. И другія рѣчи распространяли въ мѣстномъ обществѣ идею о теоретической и практической пользѣ образованія и въ частности старались указать на связь умственнаго развитія съ эстетическимъ и этическимъ.

Общее направленіе актовыхъ рѣчей перваго десятилѣтія дышитъ благородствомъ, которое съ избыткомъ искупаетъ ихъ основной недостатокъ — риторичность. Объ авторахъ ихъ можно сказать, что они сообщали своимъ слушателямъ живыя мысли и пробуждали добрыя, гуманныя чувства. Чтобы достойно оцѣнить ихъ, не слѣдуетъ забывать условій тогдашней жизни. Теперь, напримѣръ, мысль Якоба о томъ, что образованіе должно распространиться на всѣ слои общества, является

уже общимъ мѣстомъ. Но тогда, когда огромное большинство русскаго народа составляли рабы, она требовала для своего выраженія значительной смѣлости и искренности убѣжденія. И русскіе, и иностранные профессора не упускали изъ виду общественно-образовательныхъ задачъ университета. У нихъ жило сознаніе общей принадлежности къ живому общественному организму—университету, представлявшему не механическое соединеніе отдѣльных факультетовъ, а органическое сочетаніе комплекса наукъ. Они съ живѣйшею радостью отмѣчали первые успѣхи университета на поприщѣ просвѣщенія и рисовали себѣ умиленные картины будущаго, когда дѣло окрѣпнетъ и начнетъ приносить болѣе богатые плоды. Въ послѣдующее двадцатилѣтіе измѣнились духъ, характеръ и направленіе рѣчей. Большинство изъ нихъ проникнуто было не гуманно-просвѣтельными, а реакціонно-піетистическими тенденціями. Въ нихъ не было уже той вѣры въ прогрессъ, которою проникнуты были рѣчи перваго десятилѣтія. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить только рѣчь проф. Т. О. Степанова о значеніи политическихъ наукъ (1833 г.), въ которой онъ, рисуя будущее человѣчества, съ вѣрою и надеждою взирая на будущее Россіи, высказывается противъ войны, стоитъ за просвѣщеніе и за расширеніе благосостоянія.

Университету обязано мѣстное общество появленіемъ въ Харьковѣ первыхъ газетъ и журналовъ. Не безъ вліянія университета явилась въ 1812 году въ Харьковѣ первая газета—«Еженедѣльникъ», которую издавалъ университетскій книгопродавецъ Лангнеръ, разрѣшалъ къ выходу въ свѣтъ цензурный комитетъ университета, въ которой сотрудничали нѣкоторые профессора. Просуществовала она менѣе года. Первое десятилѣтіе въ жизни университета, кромѣ того, подготовило почву для развитія журналистики во второе десятилѣтіе. Инициаторы журнальнаго дѣла въ Харьковѣ—Филомафитскій, Гонорскій, Артемовскій-Гулакъ, Склабовскій—были преподавателями Харьковскаго университета; Масловичъ былъ его питомцемъ и получилъ въ немъ степень доктора изящныхъ наукъ; всѣ эти лица получили вкусъ къ журнальной дѣятельности въ литературной атмосферѣ Харьковскаго университета и были духовными чадами Рижскаго и Срезневскаго, одинъ только Г. О. Квитка не имѣлъ прямого отношенія къ университету. Но университетъ дѣйствовалъ и на общество, уровень культурныхъ потребностей котораго подъ его вліяніемъ расширился, и естественнымъ результатомъ этого было развитіе мѣстной журналистики. Изъ среды университетскихъ преподавателей и его питомцевъ вышли сотрудники для харьковскихъ повременныхъ изданій. Печатались эти изданія въ университетской типографіи. Университету принадлежала и цензура этихъ изданій, ко-

торая была благожелательна и справедлива, а это обстоятельство имѣло огромное значеніе. На нѣкоторые изданія университетъ отпускалъ даже собственныя средства; въ другихъ случаяхъ ихъ вели на свой рискъ университетскіе преподаватели. Наконецъ, въ вѣдѣніи университета были тогда, какъ мы видѣли, среднія и низшія учебныя заведенія, составлявшія съ нимъ какъ бы одну педагогическую семью. Эти учебныя заведенія, ихъ учебный персоналъ, учащіеся—составили и первоначальный, основной контингентъ подписчиковъ періодическихъ изданій, а къ нимъ присоединились и представители общества—почетные смотрители училищъ и родители учениковъ. Районъ, который входилъ въ составъ Харьковскаго учебнаго округа, былъ огроменъ,—и все это обезпечивало нѣкоторый, правда, небольшой контингентъ читателей этихъ журналовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ журналы эти особо рекомендовались попечителемъ округа. Въ періодъ времени съ 1816 по 1825 годъ издавались въ Харьковѣ журналы: Украинскій Вѣстникъ, Харьковскій Демокритъ, Харьковскій Домоводъ и газета Харьковскія Извѣстія. Кромѣ того, было ходатайство объ изданіи журнала «Харьковская Муза», но оно не увѣчалось успѣхомъ по препятствіямъ цензурнаго свойства. Украинскій Вѣстникъ, издававшійся первоначально подъ редакціей трехъ лицъ—Филомафитскаго, Гонорскаго и Квитки (съ выходомъ послѣдняго—двухъ, а со смертію Гонорскаго—одного Филомафитскаго)—просуществовалъ 4 года (въ 1816, 1817, 1818 и 1819 годахъ), не только окупалъ расходы, но даже давалъ нѣкоторый чистый доходъ, что свидѣтельствуетъ о его успѣхѣ у публики, и прекратился только вслѣдствіе цензурныхъ стѣсненій министерства народнаго просвѣщенія при князѣ Голицынѣ. Программа его была довольно широка и разнообразна (онъ состоялъ изъ 5 отдѣловъ—наукъ, изящной прозы, стихотвореній, харьковскихъ записокъ и смѣси), и онъ выполнялъ ее весьма удовлетворительно. Редакторамъ удалось сгруппировать у себя значительныя литературныя силы. Особенный интересъ долженъ былъ представлять мѣстный отдѣлъ, котораго не было въ столичныхъ журналахъ и который наполнялся интересными свѣдѣніями о харьковской общественной жизни того времени: тамъ мы находимъ данныя объ университетѣ, о различныхъ харьковскихъ обществахъ—библейскомъ, ученомъ, филотехническомъ—о городской хроникѣ и т. п. Въ 1819 г. положеніе «Украинскаго Вѣстника» сдѣлалось однако чрезвычайно тяжелымъ, благодаря цензурному гнету, шедшему изъ министерства. Характерно, что рѣзкое замѣчаніе вызвала невинная замѣтка, которая, какъ оказалось, была сообщена редакціи редакторомъ Осиповскимъ. Затѣмъ инкриминировано было редактору его мнѣніе о проф. Шадѣ, какъ о прекраснѣйшемъ

латинистъ. «Харьковскій Демокритъ» Масловича (1816 г.) отличался сатирическимъ характеромъ и потому, вѣроятно, былъ недолговѣченъ. Сотрудниками здѣсь были, кромѣ Масловича, Квитка, Срезневскій, Гонорскій, Райдаровскій и др.; печатались въ немъ и посмертныя сочиненія Нахимова. «Украинскій Домоводъ» издавался подъ редакціей профессора Пильгера въ 1817 г. и былъ посвященъ вопросамъ сельскаго хозяйства. На смѣну «Украинскаго Вѣстника» явился «Украинскій Журналъ», задуманный новымъ ректоромъ Джунковскимъ и попечителемъ З. Я. Карнѣевымъ для распространенія въ обществѣ «правильныхъ понятій о благочестіи и христіанскихъ добродѣтеляхъ и истинно полезныхъ и пріятныхъ сочиненій». Редакторомъ его былъ назначенъ Склабовскій, выполнялъ, какъ мы знаемъ, подходившій по направленію къ его инициаторамъ. Попечитель нѣсколько разъ рекомендовалъ журналъ училищамъ. Журналъ выходилъ отъ имени университета небольшими книжками по 2 раза въ мѣсяцъ. Въ немъ помѣщались ученые статьи, художественная проза и стихотворенія; былъ и мѣстный отдѣлъ, а въ концѣ 1824 г. появился новый отдѣлъ «Малороссійская старина», а въ 1825 г. — библіографія, внутреннія и заграничныя извѣстія и смѣсь. Издавался онъ въ 1824 и 1825 г.г. и особеннаго успѣха не добился, хотя имѣлъ не мало и постороннихъ сотрудниковъ. Газета «Харьковскія Извѣстія» стала выходить въ Харьковѣ съ 1817 года еженедѣльно подъ редакціей канд. Вербицкаго, съ 4 отдѣлами: 1) внутреннихъ и мѣстныхъ извѣстій, 2) заграничныхъ извѣстій, 3) анекдотовъ и 4) объявленій. Харьковская хроника нашла себѣ здѣсь довольно полное выраженіе. Въ 1818 году газета прекратилась по недостаточному числу подписчиковъ, въ 1820 г. она стала издаваться отъ имени университета и выходила до 1824 г. подъ редакціей нѣсколькихъ адъюнктовъ и наблюденіемъ особой комиссіи изъ профессоровъ; это было сдѣлано для того, чтобы редакция не пошла по тому «предосудительному» пути, которымъ шла покойная редакция «Украинскаго Вѣстника».

Въ 1825 г. журнальная дѣятельность въ Харьковѣ прекратилась, и послѣ этого выходили только альманахи — научно-литературные сборники: въ 1831 году «Украинскій Альманахъ» и въ 1833 году «Утренняя Звѣзда», при участіи дѣятелей студенческаго научно-литературнаго движенія (Петрова, Срезневскаго и др.); здѣсь мы находимъ и произведенія мѣстныхъ малорусскихъ писателей — Квитки-Основьяненка и Артемовскаго-Гулака, а также отрывки изъ сочиненій Котляревскаго и Гребенки. Только въ 1834 г. возникла мысль объ изданіи «Ученыхъ Записокъ» Харьковскаго университета, но ходатайство объ этомъ затнулось на нѣсколько лѣтъ.

Въ журналахъ, о которыхъ мы только-что говорили, видное мѣсто занимали, какъ мы видѣли, произведенія изящной словесности. Эта послѣдняя опять-таки обязана своимъ развитіемъ университету. До учрежденія университета въ Харьковѣ мѣстной художественной литературы почти не было: извѣстны были только духовные стихи и басни Г. С. Сковороды, которые, впрочемъ, ходили въ рукописяхъ, а отпечатаны не были. Съ открытіемъ университета первые преподаватели словесности, Рижскій и Срезневскій, сразу возбудили въ своихъ слушателяхъ живой интересъ къ художественной словесности и вызвали опыты самостоятельнаго творчества. Срезневскій самъ писалъ стихи, и при томъ въ большомъ количествѣ, и нѣкоторые изъ нихъ были напечатаны университетомъ, напр., «Побѣдная пѣснь Россовъ», ораторія на торжество избавленія отъ Наполеона. Филомафитскій, Гонорскій и особенно Склабовскій и Артемовскій-Гулакъ, будучи преподавателями университета и журналистами, въ то же самое время были и плодовитыми писателями въ прозѣ и стихахъ и переводчиками иностранныхъ художественныхъ произведеній; Склабовскій выпустилъ въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ сборникъ своихъ стихотвореній, а Гулакъ-Артемовскій, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ родоначальниковъ новой малорусской литературы, талантливымъ продолжателемъ Котляревскаго. Изъ студентовъ перваго десятилѣтія выдвинулись на литературномъ поприщѣ два настоящихъ писателя—Нахимовъ и Масловичъ, особенно первый, занявшій видное мѣсто среди русскихъ первоклассныхъ баснописцевъ. Нахимовъ получилъ кандидатскую степень въ Харьковскомъ университетѣ, а потомъ преподавалъ въ немъ русскую грамматику на курсахъ для чиновниковъ; первымъ руководителемъ его въ области поэзіи былъ Рижскій.

Нахимовъ въ своихъ произведеніяхъ, проникнутыхъ то добродушною ироніею, то еще чаще злымъ сарказмомъ, бичевалъ главнымъ образомъ невѣжество и взяточничество. Сочиненія его пользовались большимъ успѣхомъ у современниковъ. Масловичъ также напечаталъ отдѣльною книгою собраніе своихъ басенъ, но по таланту онъ былъ несравненно ниже Нахимова. Близкое соприкосновеніе съ университетомъ имѣлъ и третій харьковскій литераторъ Палицынъ, глава цѣлаго литературнаго кружка; за свои литературные опыты онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ университета; нѣсколько стихотворныхъ рукописей своихъ онъ подарилъ университету, который и напечаталъ ихъ на свой счетъ и въ свою пользу. Литературное движеніе, начавшееся въ первомъ десятилѣтіи, развилось и окрѣпло и расширилось во второмъ и третьемъ десятилѣтіи существованія университета. Основ-

нымъ источникомъ, могучимъ двигателемъ его была тогдашняя русская литература съ ея корифеями: Карамзинымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, наконецъ, Гоголемъ и такими второстепенными представителями, какъ Дмитріевъ. Смѣна ея направленій находила себѣ отраженіе и въ Харьковѣ, который медленно, постепенно перешелъ такимъ образомъ отъ Шишкова къ Пушкину и Гоголю. А рядомъ съ этой основной русской литературной стихіей выдвигалась и крѣпла малорусская литература въ мѣстномъ обществѣ, — стихія, удовлетворявшая живому естественному чувству народности у образованныхъ уроженцевъ «полуденнаго края» Россіи, усвоившихъ уже себѣ русское образованіе, но не порвавшихъ еще связи съ простымъ народомъ въ области языка и особенностей его духовной культуры. Это естественное стремленіе къ народному языку нашло себѣ поддержку и практическое оправданіе въ появленіи въ сосѣдней Полтавской губерніи малорусскихъ произведеній Котляревскаго, особенно его перелицованной «Энеиды». И вотъ, продолженіемъ Полтавскаго малорусскаго движенія является Харьковское, выдвинувшее такихъ двухъ замѣчательныхъ представителей, какъ Артемовскій-Гулакъ въ области стихотворной поэзіи и Квитка въ области прозы. Что въ этомъ движеніи не было ничего искусственнаго, навѣяннаго извнѣ, это неопровержимо доказывается личными свойствами Гулака-Артемовскаго. По своимъ воззрѣніямъ онъ всегда стоялъ на патріотическо-охранительной почвѣ, всецѣло былъ поглощенъ служебною карьерою, не придавалъ никогда серьезнаго значенія своей литературной дѣятельности, — а между тѣмъ былъ всегда истиннымъ писателемъ-художникомъ: творилъ въ силу глубокой внутренней потребности, обладалъ большимъ запасомъ художественнаго матеріала и въ совершенствѣ владѣлъ формою, т. е. языкомъ.

Такимъ образомъ, журнальная и чисто литературная дѣятельность профессоровъ Харьковскаго университета и его питомцевъ въ концѣ 10-хъ, въ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ XIX ст. имѣла широкое просвѣтительное вліяніе на общество и въ значительной степени компенсировала недостатокъ чисто научнаго вліянія университета. Свободная отъ регламентаціи, она укрѣпляла духъ общественности и выдвигала вопросы высшаго нравственнаго порядка.

Большое общественное образовательное значеніе имѣли, наконецъ, многія учебно-вспомогательныя учрежденія. Университетская бібліотека, какъ показываютъ факты, была доступна отчасти и для постороннихъ лицъ, а она долго оставалась чуть ли не единственнымъ книгохранилищемъ въ Харьковѣ (кроме нея, была хорошая бібліотека въ духовной семинаріи и въ губернской гимназіи). Съ учрежденіемъ уни-

верситета появились въ Харьковѣ и книжные магазины, ибо понадобились въ значительномъ числѣ книги какъ для самого университета, такъ и для подвѣдомственныхъ ему среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Съ другой стороны, заведены были сношенія со столичными и иностранными книготорговцами для выписки спеціально иностранныхъ книгъ. Даже переплетное дѣло было поставлено правильно и широко, благодаря переплетчику, привезенному В. Н. Каразинымъ изъ Петербурга. И вообще можно сказать, что мастера, привезенные В. Н. Каразинымъ изъ Петербурга, положили начало нѣкоторымъ ремесламъ въ Харьковѣ, вызваннымъ новыми культурными потребностями. Таковъ былъ, напримѣръ, словолитчикъ, специалистъ-садовникъ и т. п. Мало того, скоро университетъ открылъ свой собственный книжный магазинъ, главнымъ образомъ для того, чтобы снабжать книгами ввѣренные ему училища. Еще несравненно большее общественное значеніе имѣла университетская типографія, въ которой сосредоточилось печатаніе почти всѣхъ научныхъ и литературныхъ произведеній г. Харькова, Харьковской губ. и сосѣднихъ мѣстностей (кроме университетской, была еще только типографія приказа общественного призрѣнія, но тамъ печатались очень немногія частныя изданія). Можно сказать, слѣдовательно, что типографія въ одинаковой степени служила духовнымъ нуждамъ университета и мѣстнаго общества. Она была прекрасно оборудована. И дѣло велось на широкихъ коммерческихъ основаніяхъ: за десять первыхъ лѣтъ въ ней было напечатано 207 книгъ и брошюръ, т. е. въ среднемъ болѣе 20 названій въ годъ; въ послѣдующее двадцатилѣтіе 240, т. е. въ среднемъ по 12 въ годъ (и здѣсь сказалось вліяніе реакціи). Въ числѣ ихъ были толстыя книги; есть изданія съ рисунками; не мало книгъ на иностранныхъ языкахъ; въ ней печатались ноты, календари и журналы. Образовательное значеніе для общества имѣли и университетскія коллекціи: минцъ-кабинетъ и кабинетъ рѣдкостей, куда стали поступать и мѣстныя находки; кабинеты—физическій, астрономическій, технологическій, зоологическій, минералогическій, ботанический. Въ ботаническомъ кабинетѣ было богатѣйшее собраніе мѣстной украинской флоры; въ зоологическомъ и минералогическомъ также видное мѣсто занимали мѣстныя находки; въ химической лабораторіи производились анализы мѣстныхъ минеральныхъ водъ. Наконецъ, въ широкое общественное пользованіе была предоставлена большая часть университетскаго сада—такъ называемый англійскій садъ, служившій въ первое время предметомъ особыхъ заботъ университета и попечителя Потоцкаго.

Кабинеты или классы свободныхъ искусствъ (живописи, музыки, танцевъ, фехтованія, верховой ѣзды) съ ихъ преподавателями также.

несомнѣнно, оказали свое благотворное вліяніе на мѣстное общество, прививая у него вкусъ къ этимъ занятіямъ и затѣмъ удовлетворяя назрѣвшимъ потребностямъ. Университетскіе преподаватели этихъ предметовъ занимались преподаваніемъ ихъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ частныхъ домахъ; одинъ изъ нихъ (Витковскій) открылъ потомъ первый въ Харьковѣ музыкальный магазинъ, другой (Штейнъ) взялъ театральную антрепризу, Гесъ-де-Кальве, Шуманъ начали впервые давать въ Харьковѣ настоящіе концерты и т. д. и т. д. Общество съ своей стороны не оставалось глухо и поддерживало учебно-вспомогательныя учрежденія своими пожертвованіями. Такъ создавалось столь желанное взаимодѣйствіе университета и общества. Въ обществѣ мало-по-малу крѣпло уваженіе къ университету и наукѣ, развивалось убѣжденіе въ огромной пользѣ, приносимой имъ краю и всей Россіи, расширялось столь слабое вначалѣ стремленіе къ высшему образованію. Особенно ощутительную пользу отъ университета долженъ былъ получить (и дѣйствительно получилъ) г. Харьковъ, который, кромѣ благъ высшаго образованія и просвѣщенія, имѣлъ еще отъ него огромную матеріальную выгоду. Можно сказать, что Харьковъ своимъ ростомъ и развитіемъ въ первой половинѣ XIX в. обязанъ столько же университету, сколько и торговлѣ, и даже, пожалуй, больше университету, если принять во вниманіе, что образованіе есть само по себѣ цѣнный капиталъ и является наилучшимъ показателемъ богатства государствъ и народовъ. Затѣмъ, университетскія клиники приносили огромную пользу населенію, излечивая и облегчая его болѣзни, спасая его отъ смерти, подавая помощь сотнямъ и тысячамъ страждущихъ, не находившихъ доселе врачебной помощи въ городѣ вслѣдствіе отсутствія ея или малой доступности. Нельзя не вспомнить здѣсь съ чувствомъ признательности и о томъ, что профессора медицинскаго факультета и окончившіе въ немъ курсъ молодые врачи приходили на помощь населенію во время такихъ народныхъ бѣдствій, какъ эпидеміи; они безкорыстно оказывали помощь во время бывшей въ Россіи и Харьковѣ въ 1830 г. холеры. Наконецъ, Харьковскій университетъ первый поднялъ вопросъ объ ужасныхъ гигіеническихъ условіяхъ г. Харькова и предложилъ рядъ мѣръ къ ихъ улучшенію.

Но, и помимо этого прямого, непосредственнаго вліянія на окружающую среду, университетъ оказывалъ еще косвенное, но весьма благотворное, являясь живымъ культурнымъ центромъ въ краѣ, вызывая подражаніе, наглядно, собственнымъ примѣромъ, поднимая уровень культурныхъ потребностей окружающаго общества.

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ:

ИСТОРІЯ УНИВЕРСИТЕТА ПРИ ДѢЙСТВІИ УСТАВА 1835 года (съ 1835 по 1863 г.)¹⁾

1-я глава.

Университетское самоуправленіе.

Еще до изданія университетскаго устава 1835 года въ Харьковскомъ университетѣ, по примѣру Кіевскаго, по представленію попечителя гр. Головкина, была отдѣлена административная часть отъ учебной: должности непремѣннаго засѣдателя, синдика, секретаря совѣта и инспектора казеннокоштныхъ студентовъ, возложенныя уставомъ 1804 г. на профессоровъ и адъюнктовъ, по Высочайшему повелѣнію 28 мая 1835 г. были предоставлены постороннимъ чиновникамъ. Мотивъ былъ приведенъ тотъ, что завѣдываніе хозяйственною и административною частью въ университетѣ отвлекало профессоровъ отъ ихъ прямой обязанности—«умственного образованія ввѣренныхъ имъ студентовъ»; кромѣ того, это правило должно было войти и въ новый уставъ,—и министр считалъ полезнымъ подготовить такимъ образомъ Харьковскій университетъ къ предстоящему преобразованію. Въ іюнѣ 1835 г.

¹⁾ Настоящій очеркъ 2-го періода въ исторіи Харьковскаго университета основанъ частью на печатныхъ источникахъ, а отчасти на невѣданныхъ матеріалахъ, извлеченныхъ изъ архива мин. нар. просвѣщенія. Въ основу его положены главнымъ образомъ официальные отчеты университета, обзорніи преподаванія, воспоминанія современниковъ. Пособій для этой эпохи не имѣется. Составляя только первоначальную канву будущаго 3-го тома моей исторіи Харьковскаго университета (еще не написаннаго), онъ, естественно, не отличается такимъ богатствомъ содержанія и выводовъ, какъ предыдущій, въ основу котораго были положены 2 тома моего «Опыта». Впрочемъ, и значеніе 2-го періода, т. е. дѣйствія устава 1835 г., гораздо менѣе значительно, чѣмъ 1-го. *Д. Багалый.*

было утверждено «Положеніе объ учебныхъ округахъ», изъявшее училища изъ вѣдѣнія университетовъ и передавшее ихъ въ управленіе попечителей. Обѣ эти мѣры явились какъ бы введеніемъ къ новому общему университетскому уставу, утвержденному 26 іюля того же 1835 года. «Уставъ 1835 г., говоритъ современный изслѣдователь, отразилъ въ себѣ глубокую, давно подготовлявшуюся въ правительственныхъ сферахъ, перемѣну во взглядахъ на значеніе университетовъ, какъ ученыхъ и учебныхъ заведеній, на предѣлы университетскаго самоуправленія, на объемъ и направленіе университетскаго преподаванія. То, что доселѣ выражалось въ разныхъ проектахъ, инструкціяхъ и отдѣльныхъ административныхъ мѣрахъ, теперь обобщалось и получало законодательную санкцію. Подобно тому, какъ въ уставѣ 1804 г. нашла себѣ яркое выраженіе либеральная эра царствованія имп. Александра I-го, такъ точно въ уставѣ 1835 года выразился общій духъ и режимъ царствованія имп. Николая Павловича. Уваровъ осуществлялъ, такимъ образомъ, программу, вполне соотвѣтствовавшую охранительной политикѣ государя, программу, въ основу которой была положена тройственная формула—православія, самодержавія и народности,—но не съ такимъ пониманіемъ ея, съ какимъ выступили позже, въ 40-хъ годахъ, московскіе славянофилы, подвергавшіеся за нее даже преслѣдованію. Здѣсь преслѣдовалась идея народности; но еще въ болѣе степени новый уставъ былъ проникнутъ началами официальной государственности и бюрократизма; бюрократическое начало нашло себѣ выраженіе и въ усиленіи попечительской власти, и особенно въ ограниченіи университетской автономіи.

Обратимся теперь къ содержанію устава 1835 года и посмотримъ, какъ онъ опредѣлилъ дѣятельность органовъ университетскаго самоуправления по сравненію съ уставомъ 1804 года. Теперь университетъ былъ «ввѣренъ особенному начальству—попечителю». Попечителю предоставлено было окончательное разрѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ, направленіе въ министерство другихъ и общій контроль надъ университетомъ. Попечитель, напримѣръ, рѣшалъ разногласія между совѣтомъ и синдикомъ, утверждалъ сверхштатные расходы правленія въ суммѣ свыше 500 р. и т. п. Онъ долженъ былъ употреблять всѣ средства къ приведенію университета въ цвѣтущее состояніе, строго наблюдая, чтобы принадлежащія къ нему мѣста и лица неупустительно исполняли свои обязанности, обращать вниманіе на способности, прилежаніе и благонравіе профессоровъ, адъюнктовъ и чиновниковъ университета, исправлять нерадивыхъ замѣчаніями и принимать законныя мѣры къ удаленію неблагонадежныхъ. Жить онъ теперь долженъ былъ постоянно въ Харьковѣ, отлучаясь изъ него только для осмотра округа;

въ важныхъ, не терпящихъ отлагательства случаяхъ онъ могъ принимать экстренныя мѣры, доводя только о нихъ до свѣдѣнія министра; онъ могъ предсѣдательствовать въ совѣтѣ и правленіи; ему совѣтъ доставлялъ ежемѣсячно выписки изъ протоколовъ и ежегодно полный отчетъ. У него былъ помощникъ, который также имѣлъ право получать свѣдѣнія обо всѣхъ университетскихъ дѣлахъ, дабы въ случаѣ надобности съ полнымъ знаніемъ вступить въ отправленіе обязанностей попечителя. Управление училищами перешло отъ университета, въ которомъ училищный комитетъ былъ уничтоженъ, къ попечителю, который только предлагалъ на обсужденіе совѣта нѣкоторые вопросы, требовавшіе ученыхъ соображеній. Такимъ образомъ, попечитель являлся настоящимъ начальникомъ университета, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже съ дискреціонною властью, и на немъ лежалъ щекотливый надзоръ надъ профессорами и въ учебномъ, и въ нравственномъ отношеніи. Ректорская власть теперь также была усилена: ректоръ избирался на 4 года и долженъ былъ имѣть ближайшее попеченіе о благоустройствѣ университета, наблюдая, чтобы всѣ мѣста и лица исполняли свои обязанности и чтобы университетское преподаваніе шло съ надлежащимъ успѣхомъ. Въ то время какъ прежде правленіе имѣло право суда надъ ректоромъ, теперь ректоръ получилъ право дѣлать выговоры и замѣчанія профессорамъ въ случаѣ замѣченныхъ имъ упущеній и неисправностей съ ихъ стороны; онъ также получилъ помощника въ лицѣ проректора. Инспекторъ теперь долженъ былъ избираться не изъ профессоровъ, а назначался попечителемъ изъ военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ; вмѣсто прежнихъ магистровъ или кандидатовъ, помогавшихъ инспектору въ его должности, теперь самъ инспекторъ выбиралъ себѣ помощниковъ изъ постороннихъ лицъ—военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ, не занятыхъ другими должностями. Инспекторъ теперь былъ непосредственно подчиненъ попечителю; онъ долженъ былъ имѣть особенный и ближайшій надзоръ за нравственностью студентовъ. Въ нужныхъ случаяхъ онъ приглашался въ засѣданія правленія съ правомъ рѣшающаго голоса. Ему разрѣшено было также присутствовать при испытаніи студентовъ. Прежде университету принадлежала цензура всѣхъ книгъ, печатаемыхъ въ округѣ; теперь за нимъ оставлена была только цензура ученыхъ сочиненій, имъ или профессорами его издаваемыхъ; при этомъ онъ обязанъ былъ руководствоваться общимъ цензурнымъ уставомъ, который былъ очень строгъ. Прежде самому университету принадлежало право суда и надъ семьями профессоровъ и чиновниковъ. Теперь судебная компетенція университета была сокращена, но все-таки всякій арестованный полиціей или военной стражей

преподаватель, чиновникъ или студентъ, не обвиняемый въ уголовномъ преступленіи, долженъ былъ быть доставленъ ректору университета; при уголовномъ же слѣдствіи только присутствовалъ представитель отъ университета. Пенсія въ размѣрѣ оклада жалованья назначена была за 25 лѣтъ. Объ ученыхъ обязанностяхъ университета теперь уже ничего не говорится, только предоставляется право ему учреждать ученые общества по специальнымъ наукамъ; штаты Харьковскаго университета были увеличены со 130 тыс. на 370 тыс. руб. ас., т. е. почти втрое. Уставъ 1835 г., впрочемъ, не остался безъ измѣненія до своей отмены, а, подобно уставу 1804 года, подвергался и дополненіямъ, и измѣненіямъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ самымъ рѣшительнымъ образомъ нарушали его сущность, — можно сказать, разрушили его въ самомъ корнѣ.

Къ числу естественныхъ, такъ сказать, дополненій, не искажавшихъ его смысла и характера, можно отнести, напримѣръ, слѣдующія: расширеніе курса преподаванія, новое положеніе объ ученыхъ степеняхъ, регулированіе пріема молодыхъ людей въ университетъ въ связи съ ихъ возрастомъ и подготовкою. Нѣкоторые же изъ этихъ мѣръ были чрезвычайно плодотворны, напримѣръ, введеніе института доцентовъ и особенно давшія блестящіе результаты мѣры къ подготовкѣ университетскихъ преподавателей въ Дерптскомъ институтѣ и за границей. Но наступили въ Европѣ извѣстныя политическія событія 1848 года, и они-то вызвали по отношенію къ университетамъ рядъ новыхъ мѣропріятій, шедшихъ вразрѣзъ даже съ умѣреннымъ консерватизмомъ министра, который и самъ старался дѣйствовать въ духѣ времени. Подъ вліяніемъ событій 1848 г. министръ предпринялъ рядъ новыхъ мѣръ, долженствовавшихъ оградить русскіе университеты отъ бурь, «волнующихъ окрестныя государства» (усиленіе дисциплины, усиленіе строгости экзаменовъ «для очищенія университетовъ», сокращеніе программъ политическихъ и юридическихъ наукъ). Но имп. Николай Павловичъ рѣшилъ дѣйствовать еще болѣе энергично и радикально. Государь приказалъ ввести комплектъ въ университеты въ 300 студентовъ (такимъ путемъ хотѣли направить дворянъ въ корпусъ). Запрещены были столь полезныя поѣздки съ ученой цѣлью за границу. «Съ этого времени Уваровъ сталъ терять престижъ самостоятельнаго руководителя своего вѣдомства и сдѣлался пассивнымъ исполнителемъ такихъ мѣропріятій, которыя уже нарушали созданную имъ систему». Все это такъ подѣйствовало на него, что съ нимъ случился нервный ударъ и въ томъ же 1849 г. онъ вышелъ въ отставку. Назначая преемникомъ Уварову кн. Ширинскаго-Шихматова, Николай Павловичъ ему сказалъ: «Законъ Божій есть единственное твердое основаніе всякому полезному

ученію». Новый министр положилъ въ основу своей дѣятельности православную вѣру, основанную на ней нравственность и любовь къ отечеству. Немедленно по выходѣ въ отставку гр. Уварова, въ 1849 г., сокращено было дѣйствіе выборнаго начала: право назначенія ректора на неопредѣленный срокъ было предоставлено министру; министру же было предоставлено право продолжать срокъ деканства и представлять о назначеніи декановъ и помимо университетскихъ выборовъ. Для усиленія надзора за университетскимъ преподаваніемъ были введены особыя инструкціи ректору и деканамъ (съ 1850 года). Въ 1849 г. министр вошелъ съ докладомъ объ исключеніи изъ программъ государственнаго права. Государь положилъ резолюцію: «дѣльно, совершенно лишнее». Въ 1850 г. упразднено было преподаваніе философіи свѣтскими профессорами, а взамѣнъ ея поручено было чтеніе логики и психологіи преподавателямъ богословія. Ширинскій-Шихматовъ умеръ въ 1853 году. «Болѣзнь и смерть его, по словамъ Никитенка, были слѣдствіемъ чрезмѣрнаго напряженія силъ и огорченій. Онъ не былъ государственнымъ человѣкомъ—да и гдѣ же у насъ государственные люди? И постъ министра засталъ его, такъ сказать, врасплохъ, неожиданно: онъ самъ сознавалъ свою несостоятельность въ этомъ отношеніи.

На министра народнаго просвѣщенія смотрѣли съ нѣкотораго рода пренебреженіемъ, которое было естественнымъ слѣдствіемъ его политическаго безсилія. Преемникомъ Ширинскаго-Шихматова былъ А. С. Норовъ, «человѣкъ гуманный и просвѣщенный, но не обладавшій твердымъ характеромъ и легко поддававшійся постороннимъ вліяніямъ. Норовъ понималъ необходимость вывести ввѣренное ему министерство изъ тѣхъ крайне стѣснительныхъ условій, въ какія оно было поставлено при его предшественникѣ». Но приступилъ онъ къ этому только съ восшествіемъ на престолъ имп. Александра II-го. Онъ изыскъ, между прочимъ, учебные округа изъ-подъ власти генералъ-губернаторовъ. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ онъ высказался рѣшительно за восстановленіе заграничныхъ ученыхъ командировокъ для подготовки профессоровъ. Съ 1856 г. сталъ восстанавливаться прежній порядокъ университетской жизни, согласный съ уставомъ 1835 года. Въ 1856 г. отмѣнено преподаваніе военныхъ наукъ и экзерцицій, введенныхъ въ 1854 г. Въ 1857 г. возобновлено преподаваніе въ университетахъ государственнаго права и были уничтожены ограниченія относительно публичности диспутовъ. Преемникомъ и продолжателемъ дѣятельности Норова былъ Е. П. Ковалевскій (съ 1858 по 1861-й годъ), вышедшій въ отставку вслѣдствіе несогласія въ мнѣніяхъ съ комиссіями, занимавшимися изслѣдованіемъ вопроса о причинахъ студенческихъ безпорядковъ. Въ 1859 г.

возстановлено право университетовъ выписывать изъ-за границы безъ цензуры изданія. Въ 1860 г. возстановлено было преподаваніе исторіи философіи въ университетахъ; въ 1861 г. возстановлено право университетовъ на выборы ректоровъ и проректоровъ согласно уставу 1835 года. Рѣшено было пересмотрѣть пресловутую инструкцію ректорамъ и деканамъ. Частичныя реформы закончены были, наконецъ, общемою университетскою реформою 1863 года. Такимъ образомъ, съ уставомъ 1835 года произошло то же самое, что и съ уставомъ 1804 г.: въ первоначальномъ видѣ онъ просуществовалъ немного лѣтъ, затѣмъ его начали обрѣзывать и искажать, а потомъ снова возстановливать. И все это дѣлалось подъ вліяніемъ различныхъ теченій, происходившихъ въ правящей средѣ. Получался, такимъ образомъ, *circulus vitiosus*, столь характерный для исторіи русской общественной жизни вообще и исторіи русскаго просвѣщенія въ частности. Уставъ 1835 года, не смотря на свои несовершенства по сравненію съ уставомъ 1804 года, представлялъ значительный шагъ впередъ сравнительно съ его искаженіями, доведшими университеты до состоянія полного упадка, а ихъ преподавательскій персоналъ до апатіи и равнодушія. Въ такомъ именно состояніи, какъ мы знаемъ, находился и Харьковскій университетъ въ эпоху реакціи. Со введеніемъ новаго устава, 1835 г., и онъ оживился, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ современникъ, бывшій тогда студентомъ Н. И. Костомаровъ. Огромная заслуга Уварова заключается въ томъ, что онъ принялъ самыя рѣшительныя мѣры къ пополненію и обновленію преподавательскаго персонала. И въ Харьковскій университетъ были направлены новыя научныя силы, которые создали въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ эпоху пышнаго расцвѣта преподавательской дѣятельности его профессоровъ, преданныхъ наукѣ и университету, проникнутыхъ духомъ идеализма. Во второй половинѣ 40-хъ годовъ, благодаря реакціи и гнету, научно-преподавательская дѣятельность профессоровъ и благотворное вліяніе ихъ на студентовъ сильно падаютъ, и университетъ снова начинаетъ возрождаться только подъ живительнымъ дѣйствіемъ эпохи «великихъ реформъ» имп. Александра II въ самомъ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ». Таковъ былъ общій ходъ эволюціи.

Проводниками правительственной политики на мѣстѣ, въ университетѣ, были попечители учебнаго округа, сильно вліявшіе на академическую жизнь и самоуправленіе.

Попечителями Харьковскаго учебнаго округа при дѣйствіи университетскаго устава 1835 года были: гр. Ю. А. Головкинъ до смерти, послѣдовавшей 21 января 1846 г.; по смерти его должность попечителя

была возложена имп. Николаемъ Павловичемъ на Харьковскаго, Черниговскаго и Полтавскаго ген.-губ. кн. Николая Андреевича Долгорукова, несшаго ее до кончины (11 апр. 1847 г.); съ 10 мая 1847 г. его преемникомъ былъ назначенъ ген.-губ. Сергѣй Александровичъ Кокошкинъ, остававшійся на этомъ посту до 27 декабря 1856 года. Его преемникомъ былъ отдѣльный уже попечитель, тайный совѣт. Катакази (въ 1856—1857 г.г.); на его мѣсто назначенъ П. В. Зиновьевъ (съ 28 апр. 1857 по 1860 г.); а потомъ ген.-лейт. Дмитрій Сергѣевичъ Левшинъ (изъ дворянъ Слободско-Украинской губ.), бывшій дотолѣ директоромъ училищъ военного вѣдомства. Такъ какъ гр. Головкинъ былъ очень дряхлѣ и слабѣ, а смѣнявшіе его генералъ-губернаторы въ роли попечителей не могли всецѣло отдаться новой должности, то естественно, что въ это время усилилось значеніе помощника попечителя, каковую должность долгое время послѣ ухода гр. Панина занималъ кн. Цертелевъ (съ начала 1838 г. по 28 марта 1859 г.). Въ отзывахъ современниковъ личность и управленіе Головкина выступаютъ передъ нами въ положительномъ свѣтѣ. По словамъ Де-Пуле, бывшаго студентомъ въ началѣ 40-хъ годовъ, «гр. Головкинъ былъ тогда дряхлымъ старикомъ, больше проживавшимъ за границей, чѣмъ въ Харьковѣ, но съ тѣмъ либеральнымъ складомъ ума, какимъ отличались люди Екатерининскаго вѣка, которому онъ вполне принадлежалъ. Не только мѣстная губернская администрація, но и генералъ-губернаторы малороссійскіе, переселившіеся изъ Полтавы въ Харьковъ, изъ боязни оскорбить престарѣлаго графа, не касались университета; даже приснопамятный своею сварливостью и придирчивостью тогдашній Харьковскій епископъ Смарагдъ Крыжановскій его побаивался». С. И. Кованько сообщаетъ, что все свое жалованье по должности попечителя Головкинъ предоставлялъ университету. Студентъ 40-хъ годовъ В. Пашковъ въ своихъ воспоминаніяхъ рассказываетъ, что Головкинъ отпускалъ изъ своихъ средствъ порядочную сумму на празднованіе университетскаго акта 30 августа. При Головкинѣ происходило примѣненіе къ Харьковскому университету новаго устава и штатовъ, и это серьезное дѣло должно было потребовать отъ него значительнаго напряженія силъ. Изъ тѣхъ многочисленныхъ проектовъ реформъ и улучшеній, которые были предложены министерству имъ и его помощникомъ Панинымъ, прошло, въ сущности, только отдѣленіе въ университетѣ ученой части отъ административной. Затѣмъ, еще до утвержденія новаго устава, Уваровъ запросилъ Головкина, какіе изъ наличныхъ профессоровъ Харьковскаго университета могутъ по способностямъ, свѣдѣніямъ и усердію остаться и при новомъ уставѣ и при какихъ именно каѳедрахъ, и какіе должны быть уволены.

Представлены были Головкинымъ къ увольненію слѣдующія лица: адъюнктъ анатоміи Леоновъ («имѣлъ весьма ограниченныя познанія и по слабости здоровья часто пропускалъ лекціи»), орд. профессоръ прикладной математики Архангельскій («имѣлъ слабыя способности и ограниченныя свѣдѣнія»), Паки-де-Совиньи («хотя имѣетъ хорошія свѣдѣнія и прежде исполнялъ свою должность рачительно, но теперь, по старости, не можетъ быть удовлетворительнымъ профессоромъ»), проф. богословія прот. Могилевскій («неясно и медлительно излагаетъ свой предметъ; старъ и обремененъ обязанностями священническаго сана»), экстр. проф. Рейпольскій («имѣлъ хорошія познанія, былъ дѣятеленъ, трудолюбивъ и усерденъ, но совершенно лишень дара преподаванія»), Мауреръ («имѣлъ до такой степени странное произношеніе, что даже возбуждалъ смѣхъ»), Комлишинскій и Громовъ («благодаря административнымъ занятіямъ своимъ, отвыкли даже отъ преподаванія») и адъюнктъ Правицкій («по ограниченности познаній»). Для этихъ лицъ попечитель просилъ пенсіи, но пенсія назначалась за $\frac{2}{3}$ служебнаго срока. Само министерство назначило профессорами въ Харьковскій университетъ воспитанниковъ профессорскаго института—докторовъ Лунина (по всеобщей исторіи), Оедотова (по римскому праву), Куницына (по гражданскимъ законамъ), Платонова (по благоустройству и благочинію). Попечитель просилъ о назначеніи на кафедру греческой словесности доктора философіи Валицкаго. Для рѣшенія вопроса о томъ, по какимъ кафедрамъ могутъ быть, кромѣ ординарныхъ профессоровъ, еще экстраординарные и адъюнкты, попечитель пригласилъ къ себѣ своего помощника, декановъ и ректора, а также и факультеты, которые составили таблицу будущаго распредѣленія кафедръ, значительно однако измѣненную въ министерствѣ. Большое затрудненіе представлялъ вопросъ о назначеніи профессорами тѣхъ преподавателей, которые занимали уже кафедры, но не имѣли докторской степени. Попечитель ходатайствовалъ о томъ, чтобы министерство не примѣняло къ нимъ новаго требованія объ ученыхъ степеняхъ, котораго не было въ уставѣ 1804 года, ибо законъ обратной силы не имѣетъ. Вопросъ шелъ о Криницкомъ, Протопоповѣ, Якимовѣ, Гордѣнкѣ и Кригерѣ. Министромъ предоставлена была та льгота, что они освобождены были при достиженіи докторской степени отъ экзамена, но съ тѣмъ чтобы представили диссертации въ годичный срокъ. Этою льготою въ Харьковскомъ университетѣ рѣшили воспользоваться Сокальскій, Протопоповъ и Якимовъ, которымъ вмѣнено было въ обязанность написать и защитить диссертации не-премѣнно въ теченіе одного года. По медицинскому факультету министръ допустилъ, въ видѣ опыта, распредѣленіе предметовъ, составленное

факультетомъ. Фактическое введеніе новаго устава однако естественно задержалось до 1837 года тѣмъ обстоятельствомъ, что только съ этого года ассигнована была на университетъ сумма по новому штату.

Изъ таблицы распредѣленія кафедръ, съ указаніемъ необходимаго для нихъ числа преподавателей по уставу 1835 года, оказывается, слѣдующее.

На 1-мъ отдѣленіи философскаго факультета (нынѣшнемъ историко-филологическомъ) оставались вакантными все-таки кафедры славянскихъ нарѣчій и восточной словесности; по 2-му отдѣленію—по физикѣ, по зоологіи, по технологіи, по сельскому хозяйству и архитектурѣ; на юридическомъ факультетѣ—по энциклопедіи, по законамъ о госуд. повинностяхъ и финансахъ, по началамъ общенароднаго права; на медицинскомъ—по анатоміи, умозрительной хирургіи, судебной медицинѣ, исторіи медицины и скотолеченія. Оставалась вакантною и внѣфакультетская кафедра богословія. Кромѣ того, нѣкоторые лица были указаны предположительно: занятіе ими кафедра находилось въ зависимости отъ того, получать ли они въ указанные сроки докторскія степени. Всего нужно было 39 профессоровъ—26 ординарныхъ и 13 экстраординарныхъ; имѣлось же на лицо: 12 ординарныхъ, 2 экстраординарныхъ, 5 докторовъ и 4 магистра; оставалось профессорскихъ вакансій 16; адъюнктовъ на лицо было 5, вакансій адъюнктскихъ 3. Сверхъ того, дѣлались вакантными внѣфакультетская кафедра богословія и лектуры французскаго и англійскаго языковъ; безъ замѣстителей оставались также должности прозекторовъ и преподавателя фехтованія.

Такимъ образомъ, отчисленіе за штатъ значительнаго числа преподавателей, на мѣсто которыхъ не имѣлось въ виду не только болѣе достойныхъ, но какихъ бы то ни было кандидатовъ, поставило на первыхъ порахъ университетъ въ затруднительное положеніе. Нѣкоторыхъ изъ прежнихъ профессоровъ, конечно, необходимо было удалить въ интересахъ самого преподаванія (напримѣръ, Паки-де-Совиньи), для того чтобы расчистить почву для лучшаго порядка вещей, для обновленія университета,—иначе пришлось бы вливать вино новое въ мѣхи старые; но здѣсь приходилось невольнo считаться съ обычнымъ хроническимъ недостаткомъ ученыхъ силъ. И, въ концѣ концовъ, изъ двухъ золъ нужно было предпочесть меньшее—оставить на время до пріисканія достойнаго кандидата и не вполнѣ удовлетворительнаго профессора, дабы вовсе не оставлять кафедры безъ преподавателя. Такой компромиссъ былъ необходимъ и тѣмъ болѣе возможенъ, что и само министерство дѣлало льготы прежнимъ дѣтелямъ, и это было вполнѣ справедливо, такъ какъ законъ обратной силы не имѣетъ.

И, въ самомъ дѣлѣ, — странно, и едва ли справедливо было требовать, на примѣръ, отъ профессора Черняева или Криницкаго, стяжавшихъ себѣ извѣстность за границей, докторскаго диплома, котораго у нихъ не было, — а между тѣмъ отъ Криницкаго его требовали.

Отдѣленіе административной части отъ учебной въ Харьковскомъ университетѣ, въ связи съ временнымъ штатомъ для него, было фактически введено уже въ 1835 году и, по отзыву попечителя, принесло очевидную пользу: учебное дѣло пошло лучше, потому что профессора имѣли теперь гораздо больше времени «заниматься настоящимъ своимъ дѣломъ воспитанія и обученія юношества и слѣдовать истинному своему назначенію, а не производить канцелярскія дѣла, которыя доселѣ были въ самомъ запутанномъ состояніи, именно потому, что производились учеными, т. е. людьми, несвѣдущими въ ихъ производствѣ, вслѣдствіе чего профессора не достигали, надлежащихъ успѣховъ ни въ наукѣ, ни въ канцелярскихъ дѣлахъ». Въ заключеніе попечитель просилъ о продленіи этого порядка до введенія новаго устава. Тогда же выработана была инструкція для инспектора, и, согласно представленіямъ Головкина, прибавлено 2 новыхъ помощника инспектора (прежніе педеля были уничтожены). Но въ 1839 году министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ призналъ недостаточнымъ надзоръ инспекціи надъ студентами Харьковскаго университета, и вслѣдствіе этого подъ предсѣдательствомъ попечителя графа Головкина состоялось особое совѣщаніе, которое выработало рядъ еще болѣе строгихъ мѣръ для наблюденія за студентами. Тогда же графъ Головкинъ представилъ въ министерство предложеніе объ усиленіи за студентами надзора по учебной части въ педагогическомъ институтѣ, съ проектомъ инструкціи для его директора, каковую должность долженъ былъ занимать проректоръ. Далѣе, составлена была специальная инструкція синдику, который являлся въ роли главнаго начальника всего канцелярскаго дѣлопроизводства въ университетѣ, и выработаны были (въ 1839 г.) правила для студенческихъ экзаменовъ. Этимъ послѣднимъ введена была теперь подробная и точная регламентація дѣла. По ходатайству Головкина, разрѣшено было на хозяйственныя суммы университета произвести ремонтъ въ его помѣщеніяхъ. При Головкинѣ открыты были публичныя лекціи по техническимъ наукамъ и поднятъ былъ вопросъ о заведеніи земледѣльческаго хутора. Проф. Рославскій-Петровскій въ 1841 году напечаталъ обзоръ Импер. Харьковскаго университета, гдѣ далъ характеристику «цвѣтущаго» состоянія университета въ первые четыре года дѣйствія новаго устава. Никогда ранѣе, говоритъ онъ тамъ, университетъ не былъ въ такомъ блестящемъ положеніи, какъ нынѣ. Въ доказательство своей мысли онъ приводитъ ста-

тистическія данныя, указывающія на возрастаніе въ это время числа студентовъ, лицъ, получившихъ кандидатскую степень, и сочиненій, изданныхъ преподавателями. Гр. Головкинъ часто проживалъ въ Харьковѣ, и Уваровъ въ 1842 году рекомендовалъ его помощнику кн. Цертелеву конфиденціально сноситься въ важныхъ случаяхъ съ Харьковскимъ генер.-губер кн. Ник. Андр. Долгоруковымъ.

Конечно, это было сдѣлано помимо вѣдѣнія гр. Головкина, и этотъ шагъ былъ какъ бы переходною ступенью къ формальной передачѣ попечительской власти въ руки генералъ-губернатора, что и совершилось немедленно по смерти гр. Головкина, а въ февралѣ 1846 года Уваровъ увѣдомилъ кн. Долгорукова, что государь Высочайше соизволилъ, чтобы онъ принялъ на себя главное наблюденіе за Харьковскимъ университетомъ и округомъ на правахъ попечителя. Кн. Долгоруковъ отнесся къ университету, повидимому, весьма благожелательно—это видно изъ его представленія о нуждахъ университета, сдѣланнаго въ 1846 г. и явившагося результатомъ обсужденія ихъ деканами въ факультетахъ и членами совѣта. Между прочимъ, онъ высказался рѣшительно за ежегодную заграничную командировку преподавателей медицинскаго факультета. Текущая дѣятельность по управленію университетскими дѣлами находилась однако по-прежнему въ рукахъ помощника попечителя кн. Цертелева. Кн. Николай Андреевичъ Цертелевъ «былъ много лѣтъ помощникомъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа, именно съ 1838 года по 28 марта 1859 г., при нѣсколькихъ попечителяхъ: Головкинѣ, Долгоруковѣ, Кокошкинѣ, Катакази и Зиновьевѣ. При Головкинѣ кн. Цертелевъ дѣлалъ все, что хотѣлъ, по дряхлости самого Головкина; кн. Долгоруковъ знать не хотѣлъ, игнорировалъ Цертелева, по своему сатрапству, и посылалъ его на ревизіи въ округъ; Цертелевъ былъ человѣкъ себѣ на умѣ, но неразумный, хотя казался умнымъ: его называли псевдоразумнымъ, псевдософомъ. Извѣстный харьковскій оригиналъ И. Н. Рейпольскій называлъ его княземъ тьмы, а другіе—отрывкомъ Кавказа. Цертелевъ былъ изъ кавказцевъ, вѣроятно, грузинскихъ князьковъ, которыхъ великое множество. «Духъ времени» сказался въ представленіи о неутвержденіи деканомъ 1-го отдѣленія философскаго факультета проф. Валицкаго, между прочимъ, и по причинамъ политическаго свойства (за то, что онъ будто бы оказывалъ излишнее покровительство своимъ землякамъ-студентамъ, уроженцамъ западныхъ губерній) и въ громкомъ дѣлѣ о сожженіи диссертациі Н. И. Костомарова. Эпизодъ съ магистерскою диссертацией Н. И. Костомарова «Объ униі» является однимъ изъ рѣзкихъ проявленій отсутствія свободы научнаго изслѣдованія. Его диссертациія была олобрена

факультетомъ и затѣмъ отпечатана. Въ 1849 году назначенъ былъ диспутъ. «Наканунѣ этого дня, говоритъ Н. И. Костомаровъ, является прибитое къ стѣнамъ университета объявленіе, въ которомъ говорится, что по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ защищеніе диссертациі Костомарова отлагается на неопредѣленное время. Деканъ факультета, на мой вопросъ объ этомъ, сообщилъ мнѣ, будто Иннокентій написалъ какую-то бумагу помощнику попечителя, въ которой предлагаетъ остановить диспутъ до сношенія съ министромъ. Я видѣлъ въ словахъ архіерея скрытность. Прошло между тѣмъ болѣе мѣсяца. Меня извѣстили, что министръ народного просвѣщенія, которымъ былъ тогда графъ С. С. Уваровъ, прислалъ написанный проф. Устряловымъ разборъ моей диссертациі и вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ уничтожить всѣ экземпляры, которые были напечатаны, а мнѣ дозволить писать новую диссертацию». Документальныя данныя доказываютъ, что первый толчокъ дѣлу далъ преосв. Иннокентій, пріостановилъ диспутъ и сдѣлалъ представленіе о диссертациі Костомарова товарищу министра кн. Ширинскому-Шихматову кн. Цертелевъ, а Устряловъ далъ неблагопріятный отзывъ относительно ея направленія, и на основаніи его Уваровъ велѣлъ ее сжечь. Что дѣло происходило именно такъ, это доказывается собственнымъ признаніемъ преосв. Иннокентія въ письмѣ его къ петербургскому другу. «А въ здѣшнемъ университетѣ, пишетъ преосвященный, вышло небольшое приключеніе: вскорѣ по пріѣздѣ моемъ, одинъ кандидатъ вздумалъ держать экзаменъ на степень магистра по разсужденію объ униі. Я, къ удивленію, нашелъ, что оно писано очень въ нехорошемъ, почти не въ русскомъ духѣ, такъ что скорѣе можетъ быть выставлено въ любомъ журналѣ иностранномъ, какъ доказательство, что изъ русскихъ есть люди, кои смотрятъ на унию не по-русски. Это заставило меня сказать свое *опасеніе главамъ здѣшняго университета*,—и онѣ, вполнѣ раздѣляя его, рѣшились, пріостановивши диспутанта, послать это разсужденіе къ вамъ на просмотръ предварительный. Мѣра весьма благоразумная: вамъ виднѣе дѣла сего рода, и вашъ приговоръ положить конецъ недоумѣніямъ. Только во всякомъ случаѣ множество *дерзкихъ выражекій* на счетъ восточной церкви и ея патріарховъ, кажется, не должны быть пропущены, ибо они кромѣ того, что *антиполитическія*, противны исторіи и публичное защищеніе ихъ можетъ произвести соблазнъ».

Едва ли нужно доказывать полную несостоятельность мотивовъ Уварова для истребленія диссертациі Костомарова. Предметъ для диссертациі былъ выбранъ Костомаровымъ очень удачный: это былъ одинъ изъ самыхъ основныхъ капитальныхъ вопросовъ западно-русской исторіи и его разрабатывалъ и до, и послѣ Костомарова цѣлый рядъ по-

ченныхъ и благонамѣренныхъ изслѣдователей — Вантышъ-Каменскій, митр. Евгеній, Кояловичъ, посвятившій ему двухтомное изслѣдованіе (1859 и 1861) и мн. др. И самъ Костомаровъ въ послѣдствіи вернулся къ предмету своей первой магистерской диссертациі. Мало того: нѣкоторые изъ мнѣній Костомарова, послужившія для министра поводомъ къ истребленію книги, получили развитіе и обоснованіе въ трудахъ и матеріалахъ, изданныхъ въ послѣдующее время. Наконецъ, если и были ошибки и увлеченія въ сочиненія Костомарова, то это были недостатки ученые и исправить ихъ нужно и можно было только посредствомъ ученой критики, т. е. напечатаніемъ отзыва Устрялова, а отнюдь не истребленіемъ самой книги; послѣдній же пріемъ напоминаетъ средства инквизиціи и плохо мирится съ тою репутаціею «ученаго мужа», какую пытался создать себѣ Уваровъ. Кн. Долгоруковъ не долго исполнялъ обязанности попечителя, а его преемникомъ былъ ген.-губ. Кокошкинъ. Въ 1850 г. онъ вошелъ съ предложеніемъ къ министру народнаго просвѣщенія кн. Ширинскому-Шихматову о полномъ уничтоженіи функцій совѣта университета.

Попечительство Кокошкина было печальною эпохою въ исторіи Харьковскаго университета какъ потому, что оно совпало съ самой тяжелой реакціей въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, такъ отчасти и вслѣдствіе личныхъ особенностей самого попечителя, генералъ-губернатора. По словамъ Депуле, «довольный результатами водворяемаго имъ благочинія и чистоты въ городѣ, новый попечитель не выносилъ поэтическихъ вольностей въ студенческомъ костюмѣ. Онъ началъ останавливать студентовъ, застегнутыхъ не на всѣ крючки и пуговицы, критиковать подробности ихъ костюма, требовать соблюденія формы, о чемъ при Головкинѣ и Долгорукомъ никто и не думалъ, — требовалъ строгаго отчета, почему они все «шатаются» по городу, а не сидятъ дома и „не учатъ уроковъ“. Началось дѣло выговорами и замѣчаніями, а потомъ пошли аресты и исключенія». Въ результатѣ «было паденіе факультетовъ словеснаго и юридическаго, пониженіе *minimum'a* уровня общаго образованія и деморализація не только университетской коллегіи, но и всего педагогическаго сословія. Духъ времени дѣлалъ свое дѣло: аудиторія университетская опустѣла; голоса или смолкли, или замерли на вѣки; умственная тишь и гладь», т. е. посредственность и духовная нищета стали считаться идеаломъ, «Божьею благодатью»; харьковскіе натуралисты поспѣшили именемъ Кокошкина назвать какое-то растеніе «Кокошкинія метельчатая».

Въ заслугу Кокошкина нужно поставить приведеніе въ должный видъ университетскихъ зданій, которые дотодѣ находились въ крайне

печальномъ состояніи. Кокоскинъ оставался въ должности довольно долго, до Высочайшаго указа 27 декабря 1855 года, когда снова была восстановлена самостоятельная попечительская власть и попечителемъ назначенъ сенаторъ Катакази, занимавшій этотъ постъ съ 1856 по 1857 годъ. Катакази представилъ въ 1856 году министру довольно обширный отчетъ о состояніи университета, гдѣ говоритъ, что при посѣщеніи лекцій профессоромъ онъ могъ удостовѣриться въ благонамѣренности учащихся и «учащихся», но замѣтилъ нѣкоторые недочеты въ учебной части. Противъ Катакази въ студенческой средѣ было какое-то возбужденіе, выразившееся, между прочимъ, въ составленіи памфлета, вложеннаго въ уста проф. богословія прот. Лебедева, будто бы произнесшаго его въ видѣ поученія въ университетской церкви. Преемникомъ его былъ Павелъ Васильевичъ Зиновьевъ (съ 28-го апрѣля 1857 по 18 февраля 1860 года). При немъ происходила студенческая исторія въ Харьковскомъ университетѣ. Во время ея попечитель поднялъ вопросъ и о нѣкоторыхъ профессорахъ, которые, по его словамъ, держали себя очень непокорно. Ихъ попечитель обвинялъ въ поддержкѣ студенческихъ волненій.

Въ 1858 г., при Зиновьевѣ, Харьковскій университетъ посѣтилъ императоръ Александръ II. Онъ выразилъ неудовольствіе по поводу происходившихъ въ университетѣ безпорядковъ, несоблюденія правилъ ношенія формы и подтвердилъ: «что подчиненіе полиціи не освобождаетъ студентовъ отъ надзора инспекціи». При Левшинѣ приняты были нѣкоторыя подготовительныя мѣры ко введенію новаго устава: въ 1860 г. восстановлена была кафедра философіи, при чемъ на вознагражденіе новаго преподавателя предполагалось отпускать жалованье, получавшееся 4-мя помощниками инспектора и учителемъ гимнастики (ихъ должности рѣшили упразднить); въ 1861 году разрѣшено было профессору богословія Добротворскому читать для всѣхъ курсы богословія и церковной исторіи. При Левшинѣ же былъ введенъ новый университетскій уставъ 1863 года, который для огромнаго большинства членовъ совѣта былъ желаннымъ и ожидаемымъ актомъ. 21 января 1863 года Левшинъ былъ переведенъ попечителемъ въ Московскій округъ, а попечителемъ Харьковскаго назначенъ, 4 февраля 1863 г., его помощникъ К. Фойгтъ.

Дѣятельность совѣта, при указанныхъ выше условіяхъ, не могла совершаться и развиваться свободно. На него оказывали сильное давленіе и министерство, и попечители. Во второй же половинѣ 40-хъ и первой 50-хъ годовъ члены его были такъ запуганы господствующимъ режимомъ, что заботились только о томъ, какъ бы не прослыть не-

благонамѣренными. Но съ водареніемъ императора Александра II, съ началомъ эпохи великихъ реформъ почувствовалось обновленіе и въ Харьковскомъ университетѣ, гдѣ глашагаемъ новой Россіи, главою либеральнаго западничества выступилъ проф. Д. И. Каченовскій, а вмѣстѣ съ нимъ проф. И. П. Сокальскій и другіе передовые дѣятели, ведшіе упорную борьбу въ совѣтѣ со старыми ретроградными теченіями. Въ 1858 г. проф. И. П. Сокальскій смѣло поднялъ свой голосъ въ совѣтѣ противъ инспекціи. Въ 1861 году домашняя учительница Людмила Ожигина обратилась съ просьбою къ попечителю Харьковского учебнаго округа о разрѣшеніи ей слушать лекціи на медицинскомъ факультетѣ Харьковского университета. Попечитель (Левшинъ) не встрѣтилъ съ своей стороны къ этому препятствій, но, не находя указаній на это въ законѣ, просилъ распоряженія министра народнаго просвѣщенія (Е. И. Ковалевскаго). Министръ повергъ это дѣло на Высочайшее воззрѣніе, а государь повелѣлъ разсмотрѣть его въ главномъ правленіи училищъ. Это послѣднее запросило мнѣнія по этому вопросу въ его общей постановкѣ университетскіе совѣты, изъ коихъ Харьковскій, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, далъ прекрасный мотивированный положительный отвѣтъ. Обычная дѣятельность совѣта и правленія требовала отъ членовъ этихъ коллегій, по-прежнему, сильнаго напряженія и большой работы. Ректорами (по выбору совѣта) были: Комлишинскій (въ 1836—1837 г.), Павловскій (въ 1837—1839 г.), Куницынъ (въ 1839—1842 г.), Гулакъ-Артемевскій (въ 1842—1849 г.), Куницынъ (исправлялъ должность ректора въ 1849—1850 г.); далѣе, въ 1850 г. былъ назначенъ ректоромъ Полюмбецкій, затѣмъ въ 1852 году назначенъ преемникомъ его профессоръ Казанскаго университета К. Фойгтъ, не читавшій вовсе лекцій въ Харьковскомъ университетѣ (чего не было ни раньше, ни позже). Его назначеніе непосредственною властью министра состоялось благодаря тому, что попечитель округа (Кокошкинъ), «не имѣя никого въ виду для замѣщенія ректорской должности, предоставилъ замѣщеніе ея министру», который назначилъ Фойгта по лестной рекомендаціи казанскаго попечителя. Фойгтъ впоследствии былъ помощникомъ попечителя и попечителемъ, а ректоромъ Рославскій-Петровскій. Послѣдній передъ введеніемъ устава 1863 г. былъ оставленъ за штатомъ, а ректоромъ избранъ 6 сентября 1862 г. Кочетовъ. Нѣкоторые изъ ректоровъ, сами по себѣ, были хорошіе люди, напримѣръ: Павловскій, Паломбецкій, Фойгтъ, Рославскій-Петровскій. Но ихъ положеніе при тогдашнемъ режимѣ было тяжелое: они не имѣли самостоятельности и всецѣло зависѣли отъ попечителя и его канцеляріи. Любопытныя данныя объ этомъ мы находимъ въ автобіографіи Т. О. Сте-

панова: Павловскій былъ избранъ ректоромъ по желанію попечителя гр. Ю. А. Головкина и при ближайшемъ содѣйствіи самого Степанова и правителя канцеляріи попечителя де-Роберти. «Къ сожалѣнію, говоритъ Т. О. Степановъ, я жестоко обманулъ въ Павловскомъ: онъ рѣшительно не имѣлъ способности и нужныхъ свойствъ для своего званія. При томъ онъ, безъ сомнѣнія, направленный Кронебергомъ, шелъ противу меня (Степановъ былъ тогда проректоромъ), не имѣя ко мнѣ никакого довѣрія; вѣрилъ, будто я дѣйствую противъ его и такимъ образомъ своими распоряженіями часто огорчалъ графа, къ тому еще часто бывалъ боленъ. Графъ сердился на него и вмѣстѣ досадовалъ на меня. Сколько ни старался я уладить это дѣло, сколько ни оправдывалъ Павловскаго и истинно желалъ ему добра—но все было напрасно. Павловскій какъ будто нарочно поступалъ безразсудно, такъ что раздосадованный графъ велѣлъ ему уволиться отъ должности ректора. Вмѣсто него былъ избранъ ректоромъ проф. Куницынъ... При избраніи Куницына въ ректоры новый помощникъ попечителя кн. Церетелевъ предлагалъ, по желанію графа Головкина, мнѣ это мѣсто, говоря, что Куницынъ будетъ просить увольненія, да и самъ Куницынъ просилъ меня о томъ же. Но я рѣшительно отказался отъ этого: я всегда опасался слабости своего здоровья, да и чувствовалъ въ себѣ отсутствіе многихъ качествъ, нужныхъ для этого званія. Странное дѣло, какъ сей Куницынъ, вѣроятно, тоже научаемый моими врагами, не смотря на то, что я всегда былъ къ нему искренно расположенъ, способствовалъ его разнымъ выгодамъ и радовался, что онъ, занимая мѣсто ректора, *можетъ поправить свое состояніе, имѣя у себя студентовъ, дѣлалъ мнѣ тысячи непріятностей*». Какъ видимъ отсюда, выборы ректора представляли изъ себя фикцію, въ дѣйствительности избраніе рѣшалось въ канцеляріи попечителя. То же самое, очевидно, было и въ попечительство Долгорукаго и Кокошкина. Во всякомъ случаѣ Гулакъ-Артемевскій пользовался дурною репутаціей въ качествѣ ректора университета и былъ извѣстенъ вообще своимъ искательствомъ передъ сильными міра сего. Такимъ образомъ, можно сказать, что, въ сущности, правомъ исполнѣ свободнаго избранія ректоровъ Харьковскій университетъ не пользовался въ теченіе всего второго періода своей исторіи. К. К. Фойгтъ былъ расположенъ къ университету, но назначеніе посторонняго лица въ ректоры, по отсутствію подходящаго кандидата среди всѣхъ профессоровъ Харьковского университета, нельзя не признать въ высшей степени страннымъ и ненормальнымъ: это было такое *testimonium paupertatis*, котораго университетъ не заслужилъ. Выборы почетныхъ членовъ университета въ это время также свидѣ-

тельствуютъ о вялой жизни важнѣйшаго органа университетскаго самоуправленія—совѣта: число почетныхъ членовъ, избранныхъ въ этотъ періодъ, было не велико и качественная сторона избранныхъ лицъ стояла не высоко. Только съ возрожденіемъ университетской жизни, въ концѣ 50-хъ годовъ, измѣняется къ лучшему и эта сторона совѣтской дѣятельности: Харьковскій университетъ, благодаря проф. Каченовскому, вступилъ въ дѣятельныя связи съ корифеями западно-европейской науки.

Вотъ фактическія данныя о выборахъ почетныхъ членовъ. Въ 1836/7 г. въ почетные члены были избраны: епископъ Чигиринскій Иннокентій и Воронежскій губернаторъ ген.-м. Лавыгинъ; въ 1837/8 г. исправ. должность Черн., Полт. и Харьк. ген.-губ. гр. Александръ Григорьевичъ Строгановъ и профессоръ Петербургской медико-хирургической академіи Буяльскій; въ 1839/40 г.—дир. Пулковской обсерваторіи Струве и проф. Казанскаго университета Симоновъ; въ 1849/50 г. были единогласно избраны въ почетные члены проф. А. О. Павловскій; въ 1851/2 г.—преосв. Филаретъ, еп. Харьковскій, и кн. Вас. Ю. Мещерскій; въ 1852/3—президентъ академіи наукъ гр. С. С. Уваровъ, Дм. Андр. Донецъ-Захаржевскій, б. профъ. Т. Л. Ванцетти и капитанъ М. Д. Тебеньковъ; въ 1854/5 г. по случаю пятидесятилѣтія университета въ почетные члены его были избраны слѣдующія лица: Ал. Ир. Левшинъ, А. Н. Демидовъ, лейбъ-медикъ М. А. Маркусъ, лейбъ-медикъ Н. О. Арендтъ, лейбъ-мед. М. М. Мандтъ, И. В. Енохинъ, презид. мед.-хир. ак. В. В. Пеликанъ, дир. гл. пед. ин. И. И. Давыдовъ, ректоръ Пет. у-та П. А. Плетневъ, рект. Моск. у-та А. А. Альфонскій, П. П. Гулакъ-Артемовскій, П. А. Нарановичъ, О. И. Иноземцевъ, пр. А. И. Оверъ, пр. К. А. Неволинъ, А. О. фонъ Рейцъ; въ 1855/6 г.—Кокоскинъ, въ 1856/7 г.—Макарій, М. А. Корфъ, В. П. Титовъ, Губе, Н. И. Пироговъ, А. Х. Востоковъ, проф. Каз. у-та О. М. Ковалевскій; въ 1857/8 г.—ген. К. В. Чевкинъ, Э. А. Ленцъ, А. Я. Купферъ, Б. С. Якоби, П. И. Кеппенъ, О. Брандтъ, ген. Гельмерсенъ, А. С. Норовъ; въ 1858/9 г.—кн. Н. А. Цертелевъ, проф. Е. С. Гордѣнко; въ 1859/60 г.—кн. Барятинскій, ак. Остроградскій, гр. Кушелевъ-Безбородко, лордъ Маколей, знаменитый историкъ Грогъ, Льюисъ, Гладстонъ, Мурчиссонъ, Кобденъ, Пасси, Лабулэ, Лоранъ, Торбеке, Вреде, Акерсданкъ, Р. Моль, Кетле, Филиморъ, Шйялоя, Кольмейро; «все означенныя лица были избраны въ воздаяніе ихъ ученыхъ и общественныхъ заслугъ, а равно за содѣйствіе, оказанное проф. Каченовскому въ его заграничномъ путешествіи»; въ 1860/1 г.—вел. кн. Константинъ Николаевичъ, Палацкій, Эрбенъ, Мацѣвскій,

Куколевичъ-Сакцинскій, Миклошичъ; въ 1861/2 году — презид. мед.-хир. ак. Дубовицкій, проф. Харьк. у-та Ганъ, Моро де Жоннестъ, Кольбъ и Вапеусъ; въ 1862/3 г. — Рославскій-Петровскій и Терещенко.

2-я глава.

Преподавательская и научная дѣятельность профессоровъ.

Обращаемся теперь къ характеристикѣ преподавательской и научной дѣятельности профессоровъ и адъюнктовъ Харьковскаго университета въ періодъ времени съ 1835 по 1865-й годъ. Всѣхъ ихъ было 81 чел., изъ коихъ отъ предыдущаго періода осталось 14 и новыхъ поступило 67¹⁾; въ томъ числѣ на словесномъ факультетѣ было 22²⁾; физико-математическомъ 27³⁾; этико-политическомъ 14⁴⁾; и медицинскомъ 18⁵⁾; кромѣ того, сюда нужно еще присоединить трехъ профессоровъ богословія⁶⁾, которое не было приурочено къ опредѣленному факультету. Въ первое 30-лѣтіе жизни университета въ немъ мы насчитали 92 преподавателя; въ 28 послѣдующихъ лѣтъ 81 чел. — вмѣсто приоста мы видимъ въ общемъ уменьшеніе. Составъ профессорской коллегіи сильно обновился: старыхъ профессоровъ осталось очень мало. Всѣ члены ея, за исключеніемъ Ванцетти, были русскими учеными

1) На словесномъ: прежнихъ 5 и новыхъ 17, на физико-математическомъ — прежнихъ 4 и новыхъ 23, на этико-политическомъ — 2 старыхъ и 12 новыхъ, на медицинскомъ — 3 старыхъ и 15 новыхъ.

2) Якимовъ, Метлинскій, Костырѣ, Н. Лавровскій, Потебня, Кроненбергъ, Т. Сокальскій, Лукьяновичъ, Юргевичъ, Тихоновичъ, Валицкій, Протопоповъ, Луницъ, Славинскій, Рославскій-Петровскій, Петровъ, Лявскій, Артемьевскій-Гулакъ, Зернинъ, Изм. Срезневскій, И. Сокальскій, П. Лавровскій.

3) Павловскій, Дьяченко, Вейеръ, Гречина, Соколовъ, Шагинъ, Шидловскій, Федоренко, Лапшинъ, Морозовъ, Котляровъ, Эйбродтъ, Ходневъ, Бекетовъ, Терняевъ, Кирилловъ, Щеглеевъ, А. Бекетовъ, А. Питра, Калениченко, Борисякъ, Верный, Масловскій, Озерскій, Коссовъ, Тонъ, Кочетовъ.

4) Клобуцкій, Палюмбецкій, Станиславскій, Куницынъ, А. Оедотовъ, Мицкевичъ, Кенигъ, Платоновъ, Максимовъ, Пахманъ, Г. Гордѣнко, Степановъ, Орнатскій, Каченовскій.

5) Нарановичъ, Свиридовъ, Иллинскій, Дударевъ, Вилкомирскій, Калениченко, Дабеловъ, Е. Гордѣнко, Бутковскій, Рыдловскій, Робинзонъ, Демонсъ, Груше, Лянкъ, Ванцетти, Груше, Ганъ, Альбрехтъ.

6) Зимина, Лебедева и Добротворскаго.

и поданными. Ванцетти былъ родомъ изъ Италіи и туда же возвратился обратно изъ Харькова, гдѣ былъ красною и гордостью университета. Въ противоположность предыдущему періоду, почти всѣ новые профессора 30—50 годовъ имѣли ученые степени, если не доктора, то магистра. Многіе и изъ прежнихъ преподавателей, какъ мы видѣли, получили эти степени при введеніи въ дѣйствіе новаго устава безъ экзамена, при посредствѣ одной диссертациіи. Много лицъ со степенями далъ тогда же Харьковскому университету при введеніи устава 1835 года Дерптскій педагогическій институтъ. Не мало преподавателей вышло изъ среды питомцевъ самого Харьковского университета. Университетъ подготовилъ къ профессорской дѣятельности цѣлый рядъ своихъ студентовъ посредствомъ командировокъ за границу: Свиридова (по медицинѣ), Изм. Срезневскаго (по славяновѣдѣнію), Ю. Морозова (по физикѣ), Потебню (по русскому языку), О. Тихоновича (по технической химіи), И. Зарубина (по хирургіи), П. Степанова (по зоологіи), Делярю (по математикѣ), Гарничъ-Гарницкаго (по химіи). Однако почти всѣ эти командировки совпадаютъ съ эпохою возрожденія Харьковскаго университета въ началѣ царствованія императора Александра II-го. Исключеніемъ являются только первыя двѣ, относящіяся къ начальнымъ годамъ. Къ тому же начальному періоду относится командировка въ Петербургъ (для подготовки по геологіи) Борисяка и изъ постороннихъ—Кочетова за границу. Обращаемся теперь къ обзорѣ преподавательской дѣятельности профессоровъ и адъюнктовъ. По уставу 1835 года опредѣлялось 3 факультета, но ихъ въ сущности оставалось 4, потому что одинъ изъ нихъ, философскій, дѣлился на два вполне самостоятельныхъ — историко-филологическій и физико-математическій. По сравненію съ уставомъ 1804 года, мы замѣчаемъ слѣдующія наиболѣе существенныя измѣненія. На историко-филологическій факультетъ были перенесены изъ юридическаго философія и политическая экономія, къ которой прибавлена статистика, прибавлена кафедра славяновѣдѣнія, уничтожена географія; историко-филологическій факультетъ сдѣлался по составу предметовъ наиболѣе интереснымъ. На физико-математическомъ чистая и прикладная математика, имѣвшія 2 кафедры, соединены въ одну, технологія и сельское хозяйство также въ одну, но зато естественная исторія, соединенная раньше въ одну кафедру, была раздѣлена теперь на 3; кафедра военныхъ наукъ упразднена. Соединеніе вышеуказанныхъ кафедръ не могло послужить къ пользѣ преподаванія. На юридическомъ факультетѣ кафедры богословія и церковной исторіи сдѣлались внѣфакультетскими, кафедры философіи и политической экономіи перенесены на историко-фило-

логическій факультетъ—осталась только приуроченная раньше, къ этой послѣдней дипломатика, т. е. международное право; осталось гражданское и уголовное право. Устранена была каѳедра естественнаго, политическаго и народнаго права. Каѳедра правъ древнихъ и новыхъ народовъ была сведена къ одному римскому праву. Но зато прибавлены были каѳедры—энциклопедіи, законовъ благоустройства (полицейское право) и финансовъ (финансовое право). Такимъ образомъ, составъ каѳедръ на юридическомъ факультетѣ радикально измѣнился по сравненію съ прежнимъ временемъ: предметомъ преподаванія служили только науки, заключавшія положительное законодательство и отчасти исторію его. Въ основу ихъ было положено русское право. При реформѣ преподаванія на юридическомъ факультетѣ преслѣдовались постороннія, не академическія цѣли. На медицинскомъ факультетѣ единая каѳедра анатоміи, фізіологіи и судебной медицины была раздѣлена на 3; хирургіи—также на 2; введена каѳедра семіотики. Здѣсь мы видимъ раціональное умноженіе каѳедръ, вызванное ростомъ и дифференціаціей предметовъ.

Посмотримъ теперь, какъ обставлено было преподаваніе на всѣхъ факультетахъ въ изучаемый нами періодъ времени—каковы были преподаватели и какіе они читали курсы. На словесномъ факультетѣ каѳедру русской словесности занималъ первоначально Вас. Ал. Якимовъ, читавшій общую теорію словесности (эстетическую и филологическую часть), частную теорію русской словесности и исторію русской литературы и ведшій практическія занятія, состоявшія въ разборѣ сочиненій лучшихъ писателей и студенческихъ сочиненій и переводовъ; студентамъ педагогическаго института онъ читалъ методику русской словесности; при немъ адъюнктомъ былъ А. Л. Метлинскій, читавшій теорію языка и прозы, общую и частную эстетику и исторію эстетики, исторію словесности и разбиравшій со студентами на практическихъ занятіяхъ сочиненія писателей; его смѣнилъ въ 1850 году адъюнктъ, а потомъ профессоръ, Костырѣ, читавшій тѣ же курсы, что и его предшественникъ, а потомъ, съ 1852 г., выступившій въ качествѣ представителя каѳедры исторіи русской литературы; кромѣ того, онъ практически упражнялъ студентовъ въ русскомъ слогѣ; въ 1853/4 акад. году былъ перерывъ въ преподаваніи русской словесности; съ 1855 г. снова вступилъ на каѳедру въ качествѣ ордин. проф. Метлинскій, читалъ теорію и исторію словесности и занимался разборами писателей; съ 1857 года началъ читать курсъ исторіи русскаго языка занимавшій каѳедру педагогіи Н. А. Лавровскій; съ 1858 года онъ одинъ велъ преподаваніе, читая исторію русскаго языка и русской словесности

и теорію эпоса, а съ 1859 г. онъ занялъ и кафедру русской словесности; въ этомъ году открылъ курсъ исторіи русскаго языка кандидатъ, а съ 1850 года магистръ, А. А. Потебня; въ 1861/2 ак. году курса русской словесности не было, и А. А. Потебня читалъ славянскія древности; въ 1862/3 читалъ одинъ профессоръ Н. А. Лавровскій. Кафедру латинскаго языка и словесности занималъ И. Я. Кронбергъ; онъ читалъ энциклопедію филологіи, объяснял Цицерона, Горація; П. И. Сокальскій тогда же читалъ римскія древности и Цицерона (до 1837/8 акад. года); съ 1839/40 года представителемъ кафедры сдѣлался одинъ С. С. Лукьяновичъ, читавшій исторію римской литературы, энциклопедію филологіи, грамматику и древности, Тацита, Горація, Цицерона, Плавта и нѣкоторыхъ легкихъ писателей (Саллюстія); въ 1845/6 ак. году адъюнктъ Юргевичъ переводилъ Ювенала, Горація и Цицерона и велъ практическія занятія по латинскому языку. Затѣмъ Юргевича замѣнилъ магистръ Тихоновичъ, объяснявшій въ 1858/9 ак. году легкихъ прозаиковъ, ведшій практическія упражненія, въ 1861/2 акад. году сдѣлавшійся единственнымъ представителемъ двухъ кафедръ—латинской и греческой словесности и читавшій исторію римской литературы, римской древности, Тацита, Горація и Плавта; въ началѣ 40-хъ годовъ Валицкій училъ казеннокоштныхъ студентовъ говорить и писать по-латыни. Кафедру греческаго языка и словесности занималъ послѣ Маурера А. О. Валицкій, читавшій греческую грамматику, древности на латинскомъ языкѣ, исторію греческой словесности, Оукидида, Гомера, Ксенофонта, Софокла, Эврипида, Эсхила, Платона, Пиндара, Оеокрита, Геродота, Аристофана, Демосѳена; студентамъ педагогическаго института онъ читалъ педагогику и дидактику, древнюю метрику, энциклопедію филологіи; съ 1845/6 акад. года въ качествѣ адъюнкта выступилъ Юргевичъ, читавшій греческую грамматику, греческія древности, объяснявшій Ксенофонта, Аристофана, Софокла, Геродота, Эліана; его смѣнилъ Тихоновичъ, читавшій греческую грамматику, греческія древности, исторію греческой литературы, объяснявшій Гомера, Лукіана, Плутарха, Геродота, Платона, Софокла, Оукидида. Кафедру философіи занималъ М. Н. Протопоповъ, читавшій логику, психологію, нравственную философію, исторію философіи; въ 1850/1 акад. году эта кафедра была упразднена и чтеніе логики и психологіи поручено профессору богословія прот. П. И. Лебедеву; съ 1858/9 акад. года сталъ читать эти предметы новый профессоръ богословія прот. В. И. Добротворскій. Кафедру всеобщей исторіи занималъ до 1845 акад. года докторъ философіи М. М. Лунинъ, читавшій древнюю, среднюю и новую исторію и спеціально исторію Рима; въ педагогическомъ

институтъ онъ велъ практическія занятія съ казеннокоштными студентами; съ 1839/40 г. читалъ курсъ средней исторіи и географіи адъюнктъ И. А. Сливинскій; съ 1845/6 акад. года сталъ читать всеобщую исторію Рославскій-Петровскій (исторію Востока, Греціи, Рима, среднюю исторію); въ 1847/8, 1848/9 и 1851/2 г.г. раздѣлялъ съ нимъ трудъ преподаванія и Зернинъ, читавшій среднюю, новую и новѣйшую исторію; съ 1852/3 года вступилъ на кафедру всеобщей исторіи первоначально въ качествѣ адъюнкта М. Н. Петровъ, читавшій среднюю исторію, исторію XIV и XV в.в. (переходъ къ новымъ вѣкамъ), новую исторію; Рославскій-Петровскій остался при одномъ курсѣ древней исторіи; но въ 1858/9 акад. году, по случаю заграничной командировки М. Н. Петрова, Рославскій-Петровскій читалъ среднюю, а Зернинъ новую исторію; въ 1859/60 г. читалъ одинъ Зернинъ (среднюю исторію); въ 1860/1 г. — старшій учитель Харьковской гимназіи Э. О. Ливскій (древнюю исторію); въ 1861/2 г. снова открылъ чтенія М. Н. Петровъ, объявившій курсъ среднихъ вѣковъ, и читалъ краткій курсъ средней исторіи Зернинъ; въ 1862/3 г. читалъ одинъ М. Н. Петровъ — древнюю и новую исторію. Кафедру русской исторіи продолжалъ занимать проф. П. П. Артемовскій-Гулакъ, читавшій исторію государства російскаго (разные ея періоды, въ томъ числѣ и новѣйшій) и источники до-монгольскаго періода; съ 1847/8 акад. года, до конца періода, первоначально въ качествѣ адъюнкта, сталъ преподавать А. П. Зернинъ, съ 1849/50 г., послѣ выхода въ отставку П. П. Гулакъ-Артемовскаго, сдѣлавшійся единственнымъ представителемъ кафедры и читавшій также разные періоды русской исторіи (древній, московскій, императорскій) и спеціальныя курсы — исторію распространенія русскаго владычества въ Сибири, исторію Малороссіи, исторію преобразованій Петра Великаго, кромѣ того, онъ велъ и практическія занятія, состоявшія въ разборѣ источниковъ. Кафедру политической экономіи занялъ съ 1837/8 г. бывшій профессоръ латинскаго языка П. И. Сокальскій, читавшій политическую экономію, ея теорію и исторію, а статистику читалъ до 1839/40 г. адъюнктъ Изм. Ив. Срезневскій; послѣ него статистику сталъ читать, первоначально въ качествѣ адъюнкта, А. П. Рославскій-Петровскій (введеніе въ статистику, теорію ея, статистику европейскихъ государствъ и Россіи); съ переходомъ Рославскаго-Петровскаго на кафедру всеобщей исторіи (въ 1847/8 г.) статистика не читалась; съ 1849/50 ак. года политическую экономію вмѣсто Сокальскаго сталъ читать проф. И. В. Платоновъ; курсъ статистики возобновилъ съ 1850/1 года Рославскій-Петровскій; съ 1851/2 г. на кафедре политической экономіи перешелъ, съ упраздненіемъ кафедры философіи, ея преподаватель

М. Н. Протопоповъ, читавшій этотъ предметъ до 1858 года, когда кафедрѣ политической экономіи и статистики занялъ И. П. Сокальскій, читавшій оба предмета до 1862/3 акад. года. Первымъ представителемъ новой кафедрѣ славянскихъ нарѣчій былъ Изм. Ив. Срезневскій, занимавшій ее съ 1843/4 по 1847/8 акад. годъ и читавшій энциклопедію славяновѣдѣнія, исторію, языкъ и литературу славянъ, историко-топографическое обозрѣніе западныхъ славянъ, объяснявшій Краледворскую рукопись и Дочь Славы Колара, писателей старославянскихъ, сербскихъ, чешскихъ, польскихъ и хорутанскихъ; чтенія по этой кафедрѣ возобновились послѣ 5-лѣтняго перерыва, въ 1852/3 акад. году, П. А. Лавровскимъ, который читалъ славянскія древности, исторію литературы славянъ, общее филологическое и этнографическое обозрѣніе славянъ, грамматику старославянскаго церковнаго нарѣчія, древніе памятники русской письменности, старопольской письменности, критическій обзоръ памятниковъ о Кириллѣ и Меѳодіи; въ 1861/2 акад. году читалъ временно курсъ славянскихъ древностей А. А. Потебня. Кафедрѣ педагогіи занималъ съ 1853/4 года Н. А. Лавровскій, читавшій курсъ педагогіи (теорію и исторію педагогіи) и ведшій практическія занятія по педагогикѣ и дидактикѣ. Какъ видимъ отсюда, перерывъ въ преподаваніи былъ — кратковременный по русскому языку и словесности и довольно долгій (въ 13 лѣтъ) — по славяновѣдѣнію.

Переходимъ теперь къ обозрѣнію преподаванія на 2-мъ отдѣленіи философскаго факультета, т. е. на нынѣшнемъ физико-математическомъ факультетѣ. Кафедрѣ чистой и прикладной математики занимали первоначально А. О. Павловскій и Н. А. Дьяченко; первый читалъ дифференціальное и интегральное счисленіе, алгебру, высшую геометрію, тригонометрію, коническія сѣченія, приложеніе алгебры къ геометріи, введеніе въ теорію функцій; второй — алгебру, тригонометрію, введеніе въ дифференціальное счисленіе, приложеніе алгебры къ геометріи и механику, статику, динамику, гидростатику и гидродинамику; съ 1846/7 ак. года выступилъ въ качествѣ преподавателя математики И. Бейеръ, читавшій алгебру, тригонометрію, аналитическую геометрію, теорію логарифмическихъ и тригонометрическихъ функцій, элементарную теорію коническихъ сѣченій, интегральное и дифференціальное счисленіе; въ 1858/59 г. выступилъ въ качествѣ лектора по алгебрѣ и геометріи, тригонометріи и коническимъ сѣченіямъ канд. Котляровъ; Г. В. Гречина читалъ механику (статику и движеніе матеріальной точки); его смѣнилъ въ 1840/1 ак. году Соколовъ, читавшій механику (статику, динамику, гидростатику), теорію постройки машинъ. Кафедрѣ астрономіи занималъ до 1843/4 ак. года проф. А. Ф. Шагинъ, читавшій сферическую

и практическую астрономію, теорію движенія небесныхъ тѣлъ, высшую геодезію и знакомившій студентовъ съ употребленіемъ инструментовъ; въ 1844/5 ак. году его смѣнилъ проф. А. П. Шидловскій, читавшій разные курсы по астрономіи, геодезію до 1856/7 года (до перехода въ Кіевъ); съ 1859/60 г. занялъ эту кафедру И. И. Федоренко. Кафедру физики занималъ В. И. Лапшинъ, читавшій физику, физическую географію, метеорологію, климатологію; съ 1859/60 года выступилъ въ качествѣ преподавателя по физикѣ канд. Ю. И. Морозовъ. Кафедру химіи занималъ Е. С. Гордѣнко, читавшій неорганическую и органическую химію и упражнявшій студентовъ въ производствѣ химическихъ опытовъ; читалъ 2 раза курсы химіи (неорганической и органической) и Лапшинъ; съ 1842/3 ак. года сталъ читать лекціи органической и неорганической химіи П. П. Эйнобродтъ, излагавшій также правила химическаго анализа съ примѣненіемъ ихъ къ судебно-химическимъ изслѣдованіямъ, и курсъ аналитической химіи; съ 1847/8 ак. года выступилъ преподавателемъ по этой кафедрѣ и А. И. Ходневъ, читавшій органическую химію, упражненія въ анализѣ; затѣмъ представителемъ этой кафедры сдѣлался Н. Н. Бекетовъ, читавшій неорганическую, органическую и аналитическую химію. Кафедру ботаники занималъ В. М. Черняевъ, читавшій органографію и физиологію, прикладную ботанику, исторію ботаники и методологію, систему Линнея, ботаническую географію растений и занимавшійся лѣтомъ со студентами ботаническими экскурсіями, а зимою показывавшій имъ сухія растенія въ кабинетѣ; адъюнктами у него были — Кирилловъ, читавшій краткій курсъ ботаники и ея исторіи; С. С. Щеглеевъ, читавшій анатомію и физиологію растений, морфологію и токсѳомію ихъ; затѣмъ съ 1859/60 г. занялъ эту кафедру проф. А. Н. Бекетовъ, читавшій исторію ботаники, географію растений и ботанику; адъюнктомъ у него былъ А. С. Питра, читавшій анатомію, физиологію и патологию растений. Представителемъ кафедры минералогіи и геогнозіи былъ И. О. Калениченко, читавшій также и палеонтологію; съ 1843/4 ак. года эту кафедру занялъ Н. Д. Борисякъ, читавшій разные курсы минералогіи и геогнозію. Зоологію (обыкновенную и медицинскую) и зоотомію съ 1842/3 ак. года сталъ читать В. М. Черняевъ; и только въ 1845/6 ак. году эта кафедра получила самостоятельнаго представителя въ лицѣ адъюнкта, а потомъ профессора, А. В. Черная, который читалъ общую и частную зоологію и дѣлалъ экскурсіи; онъ излагалъ также сравнительную анатомію, эмбриологію, гистологію, анатомію, физиологію и эмбриологію челоуѣка, велъ микроскопическія демонстраціи; затѣмъ выступилъ въ качествѣ доцента—со спеціальнымъ курсомъ А. Д. Масловскій, читавшій анатомію

и физиологію челоѣка. Каѣдру технологіи занималъ А. Ф. Озерскій, читавшій общій курсъ технологіи, а съ 1847/8 года сталъ читать этотъ предметъ И. Коссовъ. Архитектуру (начертательную и практическую теорію строительнаго искусства, черченіе плановъ), преподавалъ А. А. Тонъ, а потомъ М. П. Львовъ, читавшій теорію изящныхъ искусствъ, строительнаго искусства и исторію архитектуры. Временно читалъ архитектуру Соколовъ. Преподавателемъ по сельскому хозяйству съ 1846/7 года выступилъ В. А. Кочетовъ, читавшій курсъ земледѣлія, сельской экономіи, энциклопедія лѣсоводства, луговодства и скотоводства. Такимъ образомъ, на физико-математическомъ факультетѣ былъ перерывъ въ преподаваніи астрономіи и зоологіи и нѣтъ не читалось сельское хозяйство.

По юридическому факультету преподаваніе было обставлено такъ.

Каѣдра энциклопедіи законовѣдѣнія и россійскихъ государственныхъ законовъ была временно занята М. П. Клобуцкимъ, который читалъ основные законы Россійской имперіи, государственныя учрежденія и законы о состояніяхъ; съ 1839/40 ак. года читалъ энциклопедію законовѣдѣнія, законы о состояніи, основные законы Рос. имп. и законы состоянія—А. И. Паломбецкій; далѣе, представителемъ этой каѣдры сдѣлался, съ 1854/5 года, проф. А. Г. Станиславскій, читавшій тѣ же курсы, что и его предшественникъ. Энциклопедію законовѣдѣнія и исторію русскаго права читалъ одно время и А. В. Куницынъ. Каѣдру римскаго права занималъ А. А. Бедотовъ, читавшій исторію и систему римскаго права; его смѣнилъ въ 1839/40 ак. году А. Н. Мицкевичъ, читавшій тѣ же курсы, а также о семейномъ и наследственномъ правѣ у римлянъ; въ 1859/60 ак. году преподаваніе этого предмета было поручено иностранному доктору правъ І. І. Кенигу. Каѣдру гражданскаго права занималъ А. В. Куницынъ, читавшій русское гражданское право и судопроизводство. Каѣдру законовъ благоустройства и благочинія занималъ И. В. Платоновъ, читавшій уставы государственнаго благоустройства и благочинія; съ 1849/50 года онъ еще открылъ курсъ политической экономіи; въ 1858/9 году преподавалъ по этой каѣдрѣ, въ качествѣ исправляющаго должность экстраординарнаго профессора, Максимовъ, а съ 1859/60 года сдѣлался ея представителемъ проф. С. В. Пахманъ. Каѣдру уголовныхъ и полицейскихъ законовъ занималъ Г. С. Гордѣнко, читавшій русское уголовное право (съ особенною частію) и полицейскіе законы; а съ 1842/3 ак. года его временно замѣнялъ А. И. Паломбецкій, читавшій уголовное право и судопроизводство; съ 1845 года снова вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей Г. С. Гордѣнко, читавшій, кромѣ вышеуказанныхъ

курсовъ, и уголовное судопроизводство до 1849/50 года, когда снова этотъ предметъ сталъ читать А. И. Паломбецкій; особенную часть уголовного права читалъ и А. В. Куницынъ, уголовное судопроизводство—А. Н. Мицкевичъ и общую часть уголовного права И. В. Платоновъ. Каѳедру международного права занималъ до 1846/7 года Т. Ю. Степановъ, читавшій начала международного права и дипломатію; съ 1846/7 г. сталъ читать этотъ предметъ проф. Орнатскій; съ 1851/2 ак. года вступилъ на эту каѳедру Д. И. Каченовскій, читавшій общенародное право и дипломатію и временно курсы А. И. Паломбецкаго (энциклопедію законовѣдѣнія, государственные законы Россійской имперіи). Законы о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ началъ читать съ 1839/40 ак. года М. П. Клобуцкій. Кромѣ того, проф. богословія П. И. Лебедевъ читалъ дополнительный курсъ церковнаго права или законовѣдѣнія; затѣмъ преподавалъ этотъ предметъ проф. богословія В. И. Добротворскій. Какъ видимъ отсюда, на юридическомъ факультетѣ одному и тому же профессору приходилось нерѣдко вести преподаваніе по нѣсколькимъ предметамъ.

На медицинскомъ факультетѣ преподаваніе велось такъ.

Каѳедру анатоміи занималъ П. А. Нарановичъ, читавшій общую и патологическую анатомію и занимавшійся со студентами вскрытіемъ труповъ; сравнительную анатомію нѣкоторое время преподавалъ адъюнктъ Н. А. Свиридовъ; прозекторъ Дударевъ читалъ одно время патологическую анатомію. Затѣмъ представителемъ этой каѳедры сдѣлался Т. С. Иллинскій, читавшій общую и описательную анатомію и ведшій практическія занятія на трупахъ; подъ его руководствомъ велъ также преподаваніе по анатоміи прозекторъ Вилкомирскій. Каѳедру фізіологіи занималъ И. О. Калениченко, преподававшій фізіологію и общую патологию. Курсъ медицинской зоологіи читалъ ад. А. В. Чернай. По каѳедрѣ врачебнаго веществословія преподавали: Р. Х. Дабеловъ, читавшій токсикологію, гигиену, діететику, Е. С. Гордѣнко, читавшій фармацію; читалъ фармакологию и рецептуру проф. Бутковскій; Г. С. Рындовскій читалъ общую терапію, фармакогнозію, токсикологію, общую фармацію, рецептуру; съ 1842/3 г. эту каѳедру занялъ Е. С. Гордѣнко, читавшій фармакологию съ фармакогнозіей, рецептуру, ученіе о минеральныхъ водахъ, фармацію, врачебное веществословіе съ токсикологіей; въ 1859/60 г. началъ читать курсъ фармаціи и фармакогнозіи ученый аптекаръ А. П. Робинзонъ. Каѳедру внутреннихъ болѣзней занималъ П. А. Бутковскій, читавшій частную патологию и терапію съ психіатріей, объ острыхъ хроническихъ и душевныхъ болѣзняхъ; діагностику и спеціальный курсъ о сифилисѣ читалъ Г. С.

Рындовскій; въ 1845/6 ак. году занялъ эту кафедру проф. К. А. Демонси, читавшій частную патологию, терапію и психіатрію. Кафедру умозрительной хирургіи занималъ А. К. Струве, читавшій теоретическую хирургию и десмургію и науку о вывихахъ; десмургію и науку о вывихахъ читалъ также одно время и адъюнктъ А. В. Линкъ. Кафедру оперативной хирургіи, офталмологіи и клиники занималъ Т. Л. Ванцетти, читавшій оперативную хирургию, акиургію, офталмологію, посѣщавшій со студентами клинику и занимавшійся съ ними хирургическою анатоміей на трупахъ и въ хирургической клиникѣ; за 15 лѣтъ своей дѣятельности въ Харьковскомъ университетѣ онъ произвелъ 1704 операціи въ клиникѣ, не считая городскихъ; его смѣнилъ И. А. Нарановичъ, занявшій должность и директора клиники и читавшій тѣ же курсы, что и его предшественникъ; временно велъ преподаваніе по этой кафедрѣ и Струве; въ 1859/60 году эту кафедру занялъ блестящій представитель ея проф. В. О. Грубе, читавшій оперативную хирургию, хирургическую анатомію и ведшій практическія занятія въ клиникѣ. Кафедру акушерства занималъ О. И. Ганъ, читавшій курсъ женскихъ и дѣтскихъ болѣзней и повивальнаго искусства, упражнявшій студентовъ въ оспопрививаніи, въ акушерствѣ на фантомѣ и въ клиникѣ. По кафедрѣ судебной медицины читалъ лекціи Р. Х. Дабеловъ (судебную медицину и медицинскую полицію) и велъ практическія занятія; его въ 1844/5 ак. году смѣнилъ адъюнктъ И. А. Свиридовъ, читавшій тѣ же курсы, что и Дабеловъ, и ведшій, подобно ему, судебно-медицинскія вскрытія; адъюнктомъ былъ А. С. Питра, читавшій также медицинскую полицію съ гигиеной и діететикой, а также судебную медицину. Кафедру ветеринаріи занималъ К. Ф. Вишневскій, преподававшій ветеринарную энциклопедію, эпизоотію, ветеринарную діететику, судебную ветеринарію, зоотомію и зоономію, зоофармакологию, зоохирургію, зоотерапію, зоопатологию; съ 1848/9 года сталъ временно преподавать по этой кафедрѣ прозекторъ ветеринарнаго училища Н. Д. Галицкій, читавшій о повальныхъ болѣзняхъ животныхъ и ветеринарную полицію. Кафедру семіотики занималъ проф. Ф. К. Альбрехтъ (директоръ клиники), читавшій общую терапію, занимавшійся со студентами въ клиникѣ и имѣвшій амбулаторію; адъюнктомъ у него въ клиникѣ былъ Г. С. Рындовскій. Дополнительные курсы преподавали: курсъ исторіи медицины, энциклопедію и методологию медицины читалъ исправлявшій должность адъюнкта А. В. Линкъ (съ 1839/40 до 1848/9 ак. года); эти же предметы и діететику одно время читалъ адъюнктъ И. А. Свиридовъ; кромѣ того, Линкъ читалъ курсъ о болѣзняхъ уха, гигиену съ діететикой и о минеральныхъ водахъ; въ 1859/60 году энциклопедію и

методологию медицины читалъ Ф. К. Альбрехтъ. Ад. Чернай читалъ курсъ медицинской зоологіи, сравнительную анатомію и эмбриологию; смѣнилъ его А. Ф. Масловскій, читавшій зоологию и сравнительную анатомію. А. И. Ходневъ преподавалъ химию примѣнительно къ физиологіи и патологіи, физику и физическую географію; читалъ временно химию и Коссовъ. Н. Д. Борисякъ читалъ минералогию. В. Н. Лапшинъ читалъ физику съ физической географіей и климатологіей. В. М. Черняевъ читалъ ботанику въ примѣненіи къ медицинѣ. А. С. Питра читалъ ветеринарную полицію и эпизоотию. А. Г. Станиславскій читалъ основные законы Россійской имперіи и уставъ о службѣ гражданской. Преподаваніе велось и въ педагогическомъ институтѣ. Остановимся теперь на самыхъ выдающихся преподавателяхъ университета. Богатымъ источникомъ суждений объ этомъ могутъ служить отзывы современниковъ, относящіеся къ блестящему періоду—40-мъ годамъ XIX-го вѣка, расцвѣту *идеализма*. Въ 40-хъ годахъ словесныя отдѣленія философскихъ факультетовъ, т. е., по-нашему, историко-филологическіе факультеты, «играли, по словамъ современника, въ университетахъ преобладающую роль какъ по общезанимательности предметовъ, доступныхъ почти всѣмъ студентамъ, такъ и по складу тогдашняго общественнаго образованія и по характеру литературы». Самое видное мѣсто среди преподавателей его занимали Лунинъ и Валицкій. «Лунинъ, по словамъ Де-Пуле, былъ замѣчательнымъ полиглотомъ. Ему знакомы были всѣ литературы—древнія, европейскія, азіатскія, кромѣ, кажется, славянскихъ. Эрудиція его была громаднa, какъ это обнаруживалось на лекціяхъ и особенно на диспутахъ и какъ это доказываютъ наброски его лекцій. Лекціи свои Лунинъ читалъ по тетрадкѣ, но производилъ сильное впечатлѣніе благодаря художественному изложенію. Онъ принадлежалъ къ школѣ историковъ-художниковъ и особенно живописно изображалъ феодальную жизнь и рыцарство—на эти блистательныя лекціи соби-
рались цѣлыя толпы слушателей. Языкъ его отличался изяществомъ, напоминающимъ историческое изложеніе его ученика Н. И. Костомарова. Популярность его среди студентовъ была огромна, и имя его неразрывно связывалось съ именемъ Харьковскаго университета, какъ имя Грановскаго съ Московскимъ». «Лунинъ не былъ нѣмецкимъ гелертеромъ, но идеалистомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова: въ ученой работѣ, въ своемъ трудѣ онъ находилъ отраду и вдохновеніе, которыхъ не давала ему жизнь». Конечно, для такого необычайнаго вліянія на молодежь было необходимо соотвѣтственное настроеніе и у этой послѣдней,—и таковое настроеніе дѣйствительно тогда существовало и прочно держалось у нѣсколькихъ поколѣній студентовъ 40-хъ годовъ.

Это былъ—идеализмъ. Другимъ наиболѣе популярнымъ профессоромъ былъ Валицкій. «Популярность Валицкаго, по словамъ Де-Пуле, была также очень велика и вполне заслуженная; онъ ее не искалъ и не популярничалъ—онъ заслужилъ ее своими дарованіями, лекціями, симпатичностью своего характера и возвышеннымъ образомъ своихъ мыслей. Валицкій былъ едва ли не даровитѣе Лунина, хотя и уступалъ ему въ эрудицію, въ средствахъ, которыми онъ располагалъ какъ профессоръ, и въ трудолюбіи; впрочемъ, научныя средства Валицкаго были все еще замѣчательно велики. Въ университетѣ читалъ онъ греческій языкъ, литературу и древности, которыя зналъ превосходно; но также зналъ онъ языкъ и литературу римскіе и большинство факультетскихъ предметовъ. Онъ былъ замѣчательнымъ, прирожденнымъ ораторомъ; лекціи его нерѣдко бывали импровизаціями, потрясавшими слушателей. Большую пользу онъ приносилъ казеннокоштнымъ студентамъ, готовившимся къ учительской должности.... На студентовъ Валицкій вліялъ не какъ ученый, но какъ поэтъ и ораторъ, своими переводами по-русски и по-латыни греческихъ поэтовъ, въ особенности трагиковъ и Гомера,—вліялъ эстетически, стало-быть, опять-таки художественно. Отзывъ Де-Пуле подтверждается и другимъ современникомъ—В. Пашковымъ. Третьимъ замѣчательнымъ преподавателемъ въ изучаемый нами періодъ времени былъ Измаиль Ивановичъ Срезневскій, впоследствии знаменитый академикъ. Сначала, до своего путешествія въ славянскія земли, онъ читалъ статистику и политическую экономію, а вернувшись оттуда, открылъ въ 1843 г. курсъ славяновѣдѣнія. В. Пашковъ говоритъ: «Возвратившійся въ 1842 г. изъ-за границы Изм. Ив. Срезневскій сразу прославился. Новость предмета и богатство его содержанія, при живомъ, интересномъ и увлекательномъ изложеніи профессора, привлекли къ нему почти весь университетъ... «Славянскія древности» Шафарика, Краковская рукопись, Остромирово евангеліе, Дочь Славы Колара были главными и любимыми его темами на лекціяхъ; было много также и другихъ темъ изъ историческаго и литературнаго славянскаго міра, съ которыми онъ знакомилъ слушателей увлекательно и превосходно. Цѣль народной и глубоко-поэтической «Дочери Славы» онъ многое декламировалъ на лекціяхъ на память, дѣлился живыми новостями со студентами, задавалъ имъ не мало работы по своему предмету... Срезневскій имѣлъ большой умъ, рѣдкій даръ слова и удивительную проницательность. Идеалистъ въ душѣ, онъ сильно трудился и стремился къ своему завѣтному идеалу—сблизить и объединить въ одну великую семью, по крайней мѣрѣ духовно, и потому хорошо шевелилъ и русскую, и польскую, и украинскую молодежь, сближая ее своими предметомъ».

Идеалистомъ, благотворно вліявшимъ на молодежь, былъ и Амвросій Лукьяновичъ Метлинскій. Надъ его вышностью посмѣивались. «Но замѣчательно, говоритъ Де-Пуле, что чѣмъ болѣе зрѣлыми становились юноши, тѣмъ серьезнѣе относились они къ дѣятельности Метлинскаго, тѣмъ свѣтлѣе рисовался потомъ въ ихъ воспоминаніи его нравственный образъ. Плохой, по слабости легкихъ, чтецъ, профессоръ не болѣе какъ только удовлетворительный, Метлинскій своими лекціями, въ особенности же требованіями отъ слушателей сочиненій, былъ весьма полезнымъ всѣмъ студентамъ первыхъ курсовъ, потому что въ это время въ гимназіяхъ еще дѣйствовали педагоги изъ литературной школы 20-хъ годовъ, писавшіе и заставлявшіе учениковъ писать разныя пѣсно-пѣнія и не признавшіе еще права гражданства въ литературѣ не только Гоголя, но даже самого Пушкина... Весь этотъ литературный сумбуръ Метлинскому предстояло регулировать, надобно было отучить молодежь отъ дикихъ понятій, вычурности въ изложеніи мыслей, отъ самонадѣяннаго и беззастѣдливаго легкаго отношенія къ литературѣ и приучить ее къ простотѣ изложенія и трезвости взгляда, — и Метлинскій вполне этого достигалъ не лекціями, а разборомъ студенческихъ сочиненій. Страстный любитель Малороссіи — ея языка, пѣсенъ и вообще поэзіи, — Метлинскій охотно принималъ и великороссовъ и поляковъ, помогалъ каждому, чѣмъ могъ, но чаще другихъ навѣщали его квартиру студенты-малороссы, зна-токи пѣнія и пѣсенъ украинскихъ, улаждая душу звуками родныхъ мелодій». На юридическомъ факультетѣ выдающимися преподавателями были Т. О. Степановъ, А. И. Паломбецкій и Г. С. Гордѣнко. «Изъ адъюнктовъ, по словамъ Де-Пуле, самымъ вліятельнымъ былъ А. И. Паломбецкій, читавшій тогда основные законы имперіи и русскія государственныя учрежденія, слушаніе которыхъ было обязательно для студентовъ всѣхъ факультетовъ, неюристы были въ восторгѣ отъ неприязнительности почтеннаго профессора. Гордѣнко, криминалистъ, былъ для юридическаго факультета въ своемъ родѣ то же, что Лунинъ для словеснаго — образцомъ учености и честности; къ сожалѣнію, этотъ достойный профессоръ, подобно Лунину, не имѣлъ на студентовъ прямого, непосредственнаго вліянія, былъ такой же идеалистъ, чуждавшійся современной дѣйствительности, но, подобно Лунину, оставшійся навсегда для своихъ слушателей идеаломъ нравственной высоты, такъ благотворно вліяющей на юность. Степановъ отчасти напоминалъ собою другую знаменитость словеснаго факультета — Валицкаго: напоминалъ и жгучимъ краснорѣчіемъ. Степановъ, собственно, былъ энциклопедистомъ, эक्лектикомъ, и по эрудиціи его не только нельзя было сравнить съ Валицкимъ, но даже и съ другими его товарищами по факультету —

съ Куницынымъ и Платоновымъ. Читалъ онъ международное право, которое зналъ поверхностно, считаясь, по справедливости, лучшимъ знакомъ политической экономіи въ Харьковскомъ университетѣ—предмета, поставленнаго тогда самымъ жалкимъ, самымъ несчастнымъ образомъ. Степановъ былъ по натурѣ публицистъ, но весьма замѣчательный и даровитый, какъ истый харьковецъ стараго закала. Степановъ жилъ и дѣйствовалъ въ словѣ: въ немъ онъ былъ глубоко искрененъ и честенъ (какъ это нерѣдко встрѣчается въ русской натурѣ), а потому и имѣлъ громадное вліяніе, не художественное, подобно Валицкому, а реальное, прямо относящееся къ тогдашней современности, къ соціальному безобразію и попираемому праву, противъ чего краснорѣчивый профессоръ возставалъ самымъ пламеннымъ, самымъ смѣлымъ образомъ.

Съ 1848 наступилъ въ отношеніи правительства къ университетамъ рѣзкій поворотъ, отразившійся самымъ неблагопріятнымъ образомъ на ходѣ и успѣхахъ преподаванія. Профессора вынуждены были читать по даннымъ имъ программамъ, которыя оставались неизмѣнными, и, не считаясь съ развитіемъ и успѣхами наукъ, заключали преподавателей въ узкія и тѣсныя рамки, обрекая ихъ на повтореніе изъ года въ годъ одного и того же матеріала. Но этого мало: самую печальною стороною дѣла являлось то, что теперь преподаванію были поставлены не научныя, а политическія цѣли, чѣмъ, конечно, подрывалась его научная основа. Снова повторяли ту роковую для успѣховъ высшаго образованія ошибку, какую дѣлало раньше министерство кн. А. Н. Голицына, съ тою только разницею, что тогда центръ тяжести былъ въ піэтизмѣ, а теперь въ патріотизмѣ, который, какъ прежде благочестіе, пытались насаждать исключительно виѣшними средствами и репрессіей. Не удивительно, конечно, что при такихъ условіяхъ вмѣсто искренняго здороваго патріотическаго чувства, которое является крѣпкою основою внутренней силы и мощи всякой жизнеспособной и правильно развивающейся націи, у насъ въ дѣлѣ университетскаго преподаванія насаждалась среди профессоровъ показная политическая благонамѣренность. Учащаяся молодежь, привыкшая раньше, въ началѣ 40-хъ годовъ, слышать съ кафедръ живое, искреннее слово своихъ профессоровъ, гуманистовъ и идеалистовъ, вдохновляемыхъ только преданностью одной наукѣ, теперь охладѣла къ лекціямъ своихъ наставниковъ, перестала увлекаться ими и черпать изъ нихъ ту нравственно-облагораживающую струю, которая нерѣдко служила прочнымъ фундаментомъ для всей послѣдующей жизни студента-идеалиста. Само собою разумѣется, что не всѣ профессора поддались въ одинаковой степени господствующему духу времени—были и такіе, которые продолжали оставаться на чисто

научной основѣ и потому не утратили любви и уваженія молодежи; такъ-
вые были главнымъ образомъ среди преподавателей точныхъ наукъ—
медицинскихъ и физико-математическихъ; отъ нихъ трудно было
требовать преподаванія ихъ предметовъ въ «духъ времени». Гораздо
меньше ихъ оказалось на историко-филологическомъ и юридическомъ
факультетахъ, потому что здѣсь читались общественныя и гуманитарныя
науки, на которыхъ тяжелѣе всего отозвалась реакція, потому что пре-
подаватели ихъ главнымъ образомъ должны были явиться въ своихъ
ученіяхъ проводниками политическихъ началъ и строить на нихъ свои
курсы. Слѣдить за направлениемъ и духомъ преподаванія на своихъ фа-
культетахъ должны были теперь деканы, а общее наблюденіе за всѣми,
въ томъ числѣ и за деканами, поручено было ректору и попечителю.
Ежегодно составлялся и отправлялся въ министерство *«отчетъ о
духѣ и направленіи преподаванія»*. Въ отчетѣ о духѣ и направленіи
преподаванія въ 1849/50 г. говорится, что «оно согласовалось вездѣ
съ началами чистой нравственности и освящающимъ ее ученіемъ
православной церкви или же по свойству науки имѣло вообще нрав-
ственное направленіе. Съ такою же строгостію преподаваніе соотвѣт-
ствовало и духу отечественныхъ и государственныхъ учреждений и
существующему образу правленія, когда оно имѣло ихъ непосредственно
своимъ предметомъ или могло и должно было находиться съ ними въ
извѣстномъ соотношеніи; оно оставляло неприкосновенными начала
нашего устройства и общественного порядка, старалось укоренить въ
слушателяхъ понятія, которыя могли бы предохранить ихъ отъ одно-
стороннихъ превратныхъ взглядовъ и утвердить въ умахъ ихъ главныя
положенія нашего государственнаго права на тѣхъ основаніяхъ, которыя
даны нашею исторіею. Эта благонамѣренность направленія не была
холодною благонамѣренностью, потому что преподаватели старались
внушить своимъ слушателямъ вообще уваженіе къ отечественнымъ уста-
новленіямъ и усилить въ нихъ чувство преданности къ престолу». Въ
моемъ распоряженіи имѣется цѣлый рядъ такихъ отчетовъ, дающихъ
ясное представленіе какъ о направленіи, такъ и содержаніи курсовъ
и потому являющихся важнымъ источникомъ для характеристики тогда-
шняго преподаванія. Но воспользоваться ими въ настоящемъ краткомъ
очеркѣ нѣтъ возможности.

Съ воцареніемъ имп. Александра II, и въ особенности съ началомъ
«эпохи великихъ реформъ», наступили лучшіе дни и для Харьковскаго
университета: исчезло прежнее уныніе и апатія въ профессорской
коллегіи. Исполнились, наконецъ, завѣтныя мечты такихъ дѣятелей ея,
какъ Степановъ или Каченовскій—пало рабство миллионовъ крѣпостныхъ,

противъ котораго эти благородные люди вели, хотя и прикровенно, инсказательно, такую упорную борьбу съ кафедръ еще тогда, когда оно считалось краеугольнымъ камнемъ нашего гражданского строя и когда всякое слово противъ него могло быть сочтено за покушеніе противъ существующаго порядка вещей. Такимъ образомъ, и Степанова, и особенно его ученика и преемника по кафедрѣ Каченовскаго, мы можемъ поставить въ числѣ тѣхъ мѣстныхъ дѣятелей, которые, дѣйствуя на почвѣ науки, способствовали скорѣйшему проведенію въ сознаніе своихъ многочисленныхъ слушателей—нѣсколькихъ поколѣній студентовъ, изъ среды которыхъ вышло потомъ много помѣщиковъ, необходимости великаго дня 19 февраля 1861 г. Каченовскій не только продолжалъ дѣйствовать въ духѣ лучшихъ традицій своихъ предшественниковъ—идеалистовъ 1-й половины 40-хъ годовъ, но и пошелъ далѣе ихъ. Д. П. Каченовскій вступилъ на кафедру совѣтъ юношею—22 лѣтъ отъ роду въ 1849 г., но, по словамъ Де-Пуле, ретивый юноша, превосходно образованный и отлично подготовленный къ своей дѣятельности, Каченовскій, съ самаго вступленія своего на университетскую кафедру, сталъ звѣздою первой величины. Онъ унаслѣдовалъ отъ своихъ лучшихъ предшественниковъ все, что они могли дать ему—глубину знанія, идеализмъ, честность, непреклонность убѣжденій и высоту мысловъ; но онъ рѣшился пойти дальше ихъ—и пошелъ!... Имя Каченовскаго такъ же слилось съ именемъ Харьковскаго университета въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, какъ въ 40-хъ имя Лунина, въ 30-хъ имя Кронеберга. Кто изъ образованныхъ людей въ Россіи не зналъ его. Въ своихъ слушателяхъ онъ любилъ будущихъ слугъ новой Россіи, гордился ими и высоко цѣнилъ имя студента. Онъ самъ, по его словамъ, былъ за границей путешествующимъ харьковскимъ студентомъ. И звучала въ аудиторіи его вдохновенная рѣчь, и пробуждала она въ молодыхъ сердцахъ любовь къ новой Россіи, жажду знанія, честной дѣятельности и борьбы противъ неправды. «Помните, говорилъ Каченовскій, что новая Россія далеко передъ нами, что мы живемъ пока въ старой. А гдѣ въ ней укрыться? Куда ни посмотришь, на сѣверѣ и востокѣ,—все лѣсъ да болота, а на югѣ—все степь да степь. Здоровая мысль, разумное слово, доброе дѣло плохнеть въ этомъ безконечномъ пространствѣ. И вотъ мы стекаемся сюда изъ нашихъ полудикихъ краевъ, чтобы, соединившись подъ кровомъ науки и окрѣпнувъ въ обществѣ себѣ подобныхъ, возвратиться назадъ просвѣщенными людьми. Что было бы съ нами безъ университета?»

Что касается ученой дѣятельности профессоровъ и преподавателей Харьковскаго университета въ изучаемый нами періодъ времени, то

она, несомнѣнно, повысилась по сравненію съ предшествующимъ періодомъ 20-хъ 30-хъ годовъ. Однимъ изъ усердныхъ работниковъ на историко-филологическомъ факультетѣ былъ Рославскій-Петровскій, которому принадлежитъ рядъ трудовъ, съ одной стороны, по всеобщей исторіи, а съ другой—по статистикѣ. Профессоръ русской исторіи Зернинъ, кромѣ двухъ диссертаций, имѣвшихъ научное значеніе, напечаталъ еще нѣсколько учено-литературныхъ статей въ тогдашнихъ журналахъ. Крупное научное значеніе имѣютъ работы проф. братьевъ П. А. и Н. А. Лавровскихъ. П. А. Лавровскій напечаталъ въ періодъ времени съ 1851 по 1863 годъ 33 ученыхъ работы и среди нихъ нѣсколько капитальныхъ. Метлинскій приобрѣлъ почетную извѣстность главнымъ образомъ своими малорусскими литературными и этнографическими сборниками. Костырѣ въ кратковременный періодъ своей профессуры въ Харьковѣ (1850—1853 г.г.) обнаружилъ большую научную продуктивность. А. А. Потебня, кромѣ магистерской диссертации, напечаталъ замѣчательный философско-филологическій трактатъ: «Мысль и языкъ». На физико-математическомъ факультетѣ наиболѣе видное мѣсто по ученымъ работамъ занимали—Борисякъ, Леваковскій, Чернай, Лапшинъ, Ходневъ, Н. Бекетовъ, Соколовъ.

На юридическомъ факультетѣ заслуживаетъ быть отмѣченной ученая дѣятельность слѣдующихъ профессоровъ. Каченовскій напечаталъ рядъ статей по международному праву, о каперахъ и призовомъ судопроизводствѣ и цѣнную докторскую диссертацию—Исторію политическихъ наукъ въ Зап. Европѣ. Куницынъ напечаталъ рѣчь «о правахъ наслѣдства женскаго пола». Т. Степановъ—записки о политической экономіи, т. I-й и II-й. На медицинскомъ факультетѣ Калениченко напечаталъ 30 статей, большая часть которыхъ относится къ естествознанію. Бутковскій издалъ 2 курса своихъ лекцій. Лямбль—начало курса и статьи. Ванцетти—обширный отчетъ о дѣятельности хирургической клиники. Нарановичъ—часть курса. Другіе напечатали рядъ статей.

Научное движеніе въ Харьковскомъ университетѣ выражалось, кромѣ перечисленныхъ печатныхъ трудовъ, еще и учеными командировками профессоровъ по Россіи и за границу. Нѣкоторые изъ указанныхъ выше трудовъ явились результатами этихъ командировокъ. Вотъ краткія фактическія данныя объ этихъ командировкахъ. Къ 30-мъ годамъ относятся слѣдующія командировки. Въ 1836/7 году Черняевъ и Калениченко изслѣдовали Курскую губ. въ зоологическомъ, ботаническомъ и минералогическомъ отношеніяхъ, а Е. С. Гордѣнко—славянскія соленыя озера въ химическомъ и медицинскомъ; послѣдній составилъ химическое и медицинское описаніе ихъ. Кри-

ниѣкій былъ командированъ для изученія въ зоологическомъ и минералогическомъ отношеніи Кавказской обл., береговъ Таврическаго полуострова и особенно мѣстъ около Анапы и Большой Абхазіи. Во время этого путешествія онъ собралъ большую и цѣнную коллекцію. Отчетъ его заслужилъ одобреніе ак. Брандта и Бэра. Въ 1837/8 г. Черняевъ съ 2 студентами изслѣдовалъ Харьковскую и сосѣднія губерніи въ микологическомъ отношеніи и собралъ 900 видовъ, а Ванцетти на каникулы съ 4 студентами ѣздилъ въ Херс. и Екат. губ. для хирургическихъ экскурсій по военнымъ поселеніямъ. Въ 1839 г. проф. Е. С. Гордѣенко былъ командированъ на 2 года за границу для усовершенствованія. Борисякъ по окончаніи курса на медицинскомъ факультетѣ, по предложенію пр. Калениченка, былъ командированъ въ 1839 г. для подготовленія къ профессорскому званію въ Петербургъ въ университетъ и горный институтъ на 2 года и затѣмъ на 1 годъ на Уралъ для практическаго изученія его съ геогностической точки зрѣнія. Съ извѣстнымъ геогностомъ Бетлингомъ онъ совершилъ лѣтомъ экскурсію въ Финляндію, Швецію и Норвегію. Съ Гельмерсономъ онъ, кажется, ѣздилъ на геогностическую экскурсію въ Новгородскую, Тверскую, Московскую, Тульскую и Калужскую губерніи. Затѣмъ, наконецъ, онъ спеціально изучалъ геологію Уральскаго хребта и прилегающихъ мѣстностей. Въ Харьковъ онъ вернулся только въ началѣ 1843 года и былъ допущенъ къ чтенію лекцій. Въ 1846 г., выдержавъ экзаменъ и защитивъ магистерскую диссертацию, былъ опредѣленъ адъюнктомъ. — Въ 1839 г. проф. Черняевъ совершилъ ученое путешествіе въ Москву, Петербургъ и Швецію. И Харьковскому университету, подобно другимъ, предложено было приготовить преподавателя по кафедрѣ славяновѣдѣнія и указано было при этомъ на профессора статистики Изм. Ив. Срезневскаго. Совѣтъ постановилъ отправить его за границу для изученія славянскихъ нарѣчій, вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было пересмотрѣть инструкцію для командируемыхъ, составленную Московскимъ университетомъ. Последнее поручено было декану факультета пр. Артемовскому-Гулаку, который и составилъ обстоятельную инструкцію для Срезневскаго. Инструкція эта была рассмотрѣна потомъ археографической комиссіей, которая съ своей стороны сдѣлала дополненія и поясненія. Путешествіе было рассчитано на 2 года и выполненіе положенной въ его основаніе цѣли должно было потребовать отъ избраннаго лица, кромѣ предварительной подготовки по славяновѣдѣнію, еще выдающихся способностей, необыкновеннаго трудолюбія и умѣнья изучать народную жизнь не по однѣмъ книгамъ, но и посредствомъ личныхъ наблюденій. Справедливо говорилось въ дополнительной инструкціи, что славянскія нарѣчія очень

мало обработаны ученымъ образомъ и вовсе не готовы къ тому, чтобы изъ себя представить предметъ исключительнаго, кабинетнаго занятія, и потому путешественникъ долженъ обратить преимущественно вниманіе на практическое изученіе языковъ и на народный бытъ и географическія и этнографическія особенности отдѣльныхъ племенъ, для чего путешествовать даже пѣшкомъ по глухимъ мѣстамъ, входить подъ кровлю поселянина. Срезневскій уѣхалъ въ сентябрѣ 1839 года и, когда приближался срокъ окончанія его путешествія, то вошелъ съ ходатайствомъ къ министру о продленіи его еще на годъ, чтобы имѣть возможность выполнить данную ему инструкцію и вмѣстѣ съ Прейсомъ посѣтить Болгарію, Галицію и Венгрію. Знаменитый Вяч. Ганка выступилъ передъ министромъ ходатаемъ за Срезневскаго (въ 1841 г.). Просьба эта была уважена. Путешествіе Срезневскаго, какъ извѣстно, было въ высшей степени плодотворно: оно не только дало ему прекрасную подготовку къ преподавательской дѣятельности, но и обогатило юную въ Россіи науку славяновѣдѣнія серьезными научными работами этого слависта. Срезневскій открылъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ по возвращеніи изъ-за границы, 16 октября 1842 г. Калениченко былъ командированъ въ Полгаву и Роменскій уѣздъ для изслѣдованія открытыхъ въ этомъ послѣднемъ въ имѣніи гр. Ю. А. Головкина костей мамонта и получилъ за подробное описаніе ихъ Монаршее благоволеніе. Къ 40-мъ годамъ относятся командировки слѣдующихъ лицъ. Лѣкаръ Кирилловъ былъ отправленъ въ 1846 году въ Дерптъ для усовершенствованія въ ботаникѣ и занимался тамъ этимъ предметомъ и зоологіей практически. Г. С. Гордѣнко, по Высочайшему повелѣнію, совершилъ двухлѣтнее ученое путешествіе для наблюденія за успѣхами правовѣдѣнія вообще и уголовного права въ частности въ Германіи, Франціи и Италіи. О своей командировкѣ онъ представилъ обстоятельный отчетъ, ярко рисующій живой интересъ его къ западно-европейской наукѣ, ея университетскимъ представителямъ и учрежденіямъ, а также прекрасную подготовку его самого, дававшую возможность правильно оцѣнить все то, что онъ видѣлъ, съ тѣмъ чтобы воспользоваться имъ потомъ для цѣлей преподаванія и научныхъ изслѣдованій. И Г. С. Гордѣнко далъ прекрасную характеристику не только такихъ знаменитостей, какъ Митермайеръ и тогдашнихъ ученыхъ направленій, но и оцѣнку заводимой тогда всюду пенитенціарной системы. Въ 1844/5 году Борисякъ ѣздилъ въ экскурсію для изученія почвъ Харьковской и сосѣднихъ губерній въ геогностическомъ отношеніи и для собиранія матеріаловъ къ составленію геогностической карты пространства, занимаемаго Харьк. учебнымъ округомъ. Чернай сдѣлалъ экскурсію къ берегамъ Азовскаго

моря, чтобы ознакомиться съ животнымъ міромъ этого края. Онъ также представилъ отчетъ. Черняевъ обозрѣлъ 5 уѣздовъ Харьковской губ. въ отношеніи естественныхъ произведеній и сельскаго хозяйства. Но особенно цѣнной оказалась спеціальная ученая экспедиція проф. Шидловскаго, Борисяка, Черная и Черняева для изученія Харьковской и сосѣднихъ губерній въ географическомъ и естественно-историческомъ отношеніи. Она продолжалась въ теченіе трехъ лѣтъ—1847, 1848 и 1849,—и результаты ея были представлены на заключеніе соотвѣстныхъ специалистовъ—академиковъ: рукописный отчетъ Шидловскаго (неполный) былъ рассмотрѣнъ акад. Струве, Черная (этотъ послѣдній представилъ въ видѣ отчета въ два приѣма свои печатные труды)—акад. Брандтомъ, обширный рукописный отчетъ Борисяка—(на 216 стр.)—акад. Гельмерсеномъ. Всѣ отчеты вызвали одобрителное заключеніе рецензентовъ, особенно Борисяка. Объ отчетѣ Черняева свѣдѣній не имѣется. Въ 1850/1 году проф. Кочетовъ былъ отправленъ въ Харьковскую, Полтавскую, Курскую, Екатеринославскую, Таврическую губ. и землю Войска Донскаго для изслѣдованія ихъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Проф. Костырѣ на каникулахъ предпринялъ экскурсію въ Харьковскую, Полтавскую и Чернитовскую губ. для наблюденія мѣстныхъ нарѣчій, южнорусскаго и великорусскаго, и опредѣленія разницы между ними, а также для филологическаго изслѣдованія евангелія, переведеннаго въ XVI в. на южнорусскій языкъ и хранившагося въ Переяславской духовной семинаріи. Изъ представленнаго Кочетовымъ отчета видно, что цѣль его путешествія была двоякая: съ одной стороны, онъ хотѣлъ ознакомиться съ сельскимъ хозяйствомъ этого района «для возможно большаго приспособленія преподаваемаго имъ курса къ мѣстнымъ условіямъ», а съ другой, — изслѣдовать нѣкоторые спеціальныя научныя вопросы, напримѣръ, о черноземѣ и его химическомъ составѣ. Костырѣ открылъ и изслѣдовалъ во время своей экскурсіи нѣсколько очень важныхъ рукописей южнорусской духовной литературы, въ томъ числѣ и знаменитое Пересопницкое евангеліе, послужившее въ наши дни предметомъ спеціальнаго филологическаго изслѣдованія П. И. Житецкаго. Проф. Лапшинъ производилъ лѣтомъ 1851 г. барометрическія измѣренія высотъ нѣкоторыхъ мѣстностей по Донцу. Въ 1851/2 г. Коссовъ былъ командированъ въ Москву и ея окрестности для посѣщенія фабрикъ и заводовъ. Въ 1852/3 году проф. Кочетовъ былъ командированъ въ Москву для обозрѣнія всероссійской сельско-хозяйственной выставки, Соколовъ—въ Петербургъ для обозрѣнія механическихъ заведеній; онъ осмотрѣлъ музей Академіи наукъ и института горныхъ инженеровъ, собраніе машинъ и моделей Вольнаго экономи-

ческаго общества, монетный дворъ и главную метеорологическую обсерваторію и съ особеннымъ вниманіемъ все, касающееся желѣзной дороги и новаго моста черезъ Неву. Въ Москвѣ онъ осматрѣлъ водопроводы и механическія заведенія. Проф. Лапшинъ былъ командированъ въ Петербургъ для занятій на центральной физической обсерваторіи. Проф. Чернай былъ командированъ въ Зміевской уѣздъ для изученія способовъ истребленія овражковъ. Проф. Костырѣ ѣздилъ въ Кіевъ, Переяславъ и разныя мѣстности Харьк., Полт. и Черн. губ. для филологическихъ и археологическихъ изысканій. Проф. Борисякъ и Львовъ въ Изюмскій уѣздъ для опредѣленія свойствъ открытаго тамъ известковаго камня. Лапшинъ и Борисякъ—въ Ново-Бѣлгородъ для изслѣдованія обрывовъ берега р. Донца. Въ 1853/4 г. проф. Нарановичъ былъ командированъ въ Москву и Петербургъ для посѣщенія хирургическихъ клиникъ и госпиталей и изученія новѣйшихъ способовъ производства операцій. Метлинскій совершилъ поѣздку по южной Россіи для пополненія свѣдѣній о народномъ языкѣ и памятникахъ народной словесности. Проф. Ходневъ былъ командированъ въ Москву и Петербургъ съ цѣлю приобрѣтенія нѣкоторыхъ предметовъ для лабораторіи и извлеченія нѣкоторыхъ документовъ по исторіи Харьковскаго университета изъ архива мин. нар. просв. Каченовскій былъ командированъ для ученыхъ занятій въ Петербургъ—въ Имп. публ. б-ку, гдѣ работалъ по исторіи каперства, и въ Москву, гдѣ слушалъ лекціи Крылова, Кудрявцева, Соловьева, Вернадскаго, Морошкина, Лешкова, Капустина и работалъ въ библіотекѣ. Въ 1855/6 году ректоръ Фойгтъ былъ командированъ въ Петербургъ для обозрѣнія Имп. публичной библіотеки, а равно совѣщанія о камеральномъ отдѣленіи. Проф. Нарановичъ—въ Москву и Петербургъ для совѣщанія съ врачами объ операціяхъ. Проф. Илдинскій и адъюнктъ Питра—въ южную армію для леченія воиновъ отъ повальныхъ болѣзней. Проф. П. Лавровскій въ Петербургъ для ученыхъ изслѣдованій. Въ 1856/7 г. Демонси—въ Москву для осмотра клиникъ, Коссовъ въ Варшаву на выставку, Львовъ въ Петербургъ для переговоровъ о постройкѣ клиникъ, Питра—въ Германію, Италію и Францію (на годъ съ ученою цѣлю въ интересахъ преподаванія). Въ 1857/8 г. были командированы: проф. Д. И. Каченовскій съ ученою цѣлю въ Германію, Францію и Англію на 1½ года, ад. М. Н. Петровъ въ Германію, Италію, Францію, Бельгію и Англію на 2 года, ад. Щеглеевъ въ Германію, Швейцарію, Францію и Англію, А. Ф. Масловскій въ Германію, Швейцарію, Голландію, Францію и Англію, Н. Н. Бекетовъ въ Германію, Францію и Англію (всѣ на 1 годъ и 3 мѣсяца), И. П. Щелковъ на 3 года въ Германію и Францію для

усовершенствованія въ патологической фізіологіи и анатоміи; проф. Демонси во Францію и Германію для ознакомленія съ новѣйшими способами леченія на $\frac{1}{2}$ года; проф. Иллинскій—въ Германію и Францію на 1 годъ для практическаго ознакомленія съ современнымъ состояніемъ анатомическихъ заведеній, проф. Соколовъ—въ Москву и Петербургъ для осмотра механическихъ заведеній и Лапшинъ въ Петербургъ для изученія гальваническихъ батарей. Изъ отчета Демонси видно, что большую часть времени своего онъ посвятилъ Парижскимъ лечебнымъ заведеніямъ, гдѣ слушалъ лекціи, а также Берлину, гдѣ посѣщалъ клиники и изучалъ электротерапію, гидротерапію и ортопедію, былъ на конгрессѣ въ Карльсруэ и познакомился съ Труссо и Вирховымъ. Иллинскій въ своемъ отчетѣ сообщаетъ, что онъ посѣщалъ лекціи въ Парижѣ и германскихъ университетахъ, интересуясь анатоміей, анатомическими институтами и коллекціями (между прочимъ, посѣтилъ институтъ Вирхова въ Берлинѣ и Гиртля въ Вѣнѣ). Въ 1858/9 году проф. Борисякъ былъ командированъ въ Москву и Петербургъ для изученія тамошнихъ коллекцій; проф. П. Лавровскій—на $\frac{1}{2}$ года въ Германію и Славянскія земли для изученія славянскихъ нарѣчій и сравнительнаго языкознанія; проф. Н. Лавровскій—на лѣтніе мѣсяцы въ Москву и Петербургъ для занятій рукописями. Въ 1859/60 г. Коссовъ, Морозовъ—съ ученою цѣлью за границу, проф. Масловскій въ Таврическую губернію для ученыхъ изслѣдованій на лѣтніе мѣсяцы. Въ 1860/1 г. были командированы пр. Лапшинъ и Свиридовъ за границу на 5 мѣсяцевъ, Грубе и Каченовскій на 4 мѣсяца; проф. Коссовъ—на мануфактурную выставку въ Петербургъ и для осмотра фабрикъ въ Москвѣ, Петербургѣ и Владимірской губерніи, ад. Леваковскій—въ Харьковскую, Полтавскую и Екатеринославскую губерніи для геогностическихъ изслѣдованій на лѣтніе мѣсяцы. Въ 1861/2 году были командированы на Лондонскую выставку Соколовъ и Лямбль, на 1 годъ въ Англію, Францію, Германію, Швейцарію, Голландію и Бельгію: Соколовъ, Потѣбня, Тихоновичъ, Зарубинъ, Делярю и Степановъ—за границу; на свой счетъ за границу—Кочетовъ, Грубе, Лапшинъ и Калениченко; проф. Борисякъ въ Кіевѣ на съѣздъ естествоиспытателей; Леваковскій на лѣтніе мѣсяцы въ Харьковскую и Екатеринославскую губерніи для геогностическихъ изслѣдованій, Пахманъ въ Петербургъ для присутствія въ Высочайше учрежденной комиссіи по университетскимъ вопросамъ. Въ 1862/3 г. командированъ Гарничъ-Гарницкій за границу съ ученою цѣлью и продолженъ на 1 годъ срокъ заграничной командировки Сокальскому. Перечисленные командировки послужили источникомъ значительнаго подъема научныхъ интересовъ въ Харьковскомъ университетѣ.

Въ особенности это нужно сказать о заграничныхъ командировкахъ, имѣвшихъ огромное значеніе и для командированныхъ лицъ, и для самого университета. Доказательствомъ этого является командировка Каченовскаго, который, какъ видно изъ его дневниковъ (къ сожалѣнію, затерянныхъ), не только черпалъ широкою рукою знанія въ ихъ западныхъ первоисточникахъ, чтобы перенести ихъ въ родную Саламанку, но и достойнѣйшимъ образомъ представлялъ Харьковскій университетъ передъ западною наукой и европейскими университетами. Обновленіе Харьковскаго университета послѣ 1863 года въ сущности совершилось такъ быстро потому, что со второй половины 50-хъ годовъ, съ одной стороны, завершилъ за границей свою научную подготовку рядъ будущихъ преподавателей университета, а съ другой, — тамъ же освѣжили и дополнили свои познанія и лица, бывшія уже преподавателями въ университетѣ — съ одной стороны: Питра, Щелковъ, Ю. Морозовъ, Тихоновичъ, Зарубинъ Делярю, Степановъ, Гарничъ-Гарницкій; съ другой — Каченовскій, Петровъ, Щеглеевъ, Масловскій, Бекетовъ, Демонси, Иллинскій, П. Лавровскій, Коссовъ, Сошальскій, Потенія и др. Между профессорами Харьковскаго университета и западными учеными установились теперь научныя связи. Въ 1859/60 году производились въ Харьковскомъ университетѣ Лапшинымъ и его помощникомъ Морозовымъ обширныя научныя опыты съ огромной гальванической батареей въ 1000 Бунзеновскихъ элементовъ, при чемъ программа этихъ опытовъ была разослана и иностраннымъ ученымъ. Щелковъ напечаталъ отчетъ о результатахъ своихъ работъ за границей въ изданіяхъ Вѣнской академіи наукъ (*Beiträge zur Lehre über Gasumtausch in verschiedenen Organen*). Объ оживленіи научной дѣятельности съ половины 50-хъ годовъ свидѣтельствуютъ и другіе факты. Въ 1854/5 г., по случаю 50-лѣтія университета, рѣшено было установить ученныя засѣданія по факультетамъ. Проф. богословія В. И. Добротворскій сталъ издавать духовный научный журналъ — Духовный Вѣстникъ, — въ которомъ помѣщено много статей, какъ его самого, такъ и нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ Харьковскаго университета.

3-я глава.

Студенты.

Уставъ 1835 года положеніе студентовъ опредѣляетъ такъ. Для поступленія въ студенты нужно было выдержать особое испытаніе;

окончившіе полный курсъ въ гимназіи могли быть освобождены отъ него. Приѣмъ студентовъ бывалъ одинъ разъ, въ началѣ года. Студенту, перешедшему въ другой университетъ, зачитывалось время пребыванія его въ первомъ. На медицинскомъ факультетѣ курсъ ученія былъ 5-лѣтній, а на остальныхъ 4-лѣтній. Лѣтнія вакаціи продолжались съ 10 іюня по 22 іюля, а зимнія съ 20 декабря по 12 января. Лекціи и начинаться, и оканчиваться должны были въ опредѣленное время. Для поощренія студентовъ предлагались темы для медальныхъ сочиненій—по одной отъ каждаго факультета; при оцѣнкѣ сочиненія должны были однако приниматься во вниманіе успѣхи и нравственность студентовъ. Экзамены происходили: 1) въ теченіе курса, 2) по окончаніи его и 3) на ученые степени (кандидата, магистра, доктора). Эти степени нужно было получать по порядку, въ сроки, установленные для каждой (годовые), но кандидатскую степень можно было получить и непосредственно при окончаніи курса. Кандидатская степень, при поступленіи на службу, давала право на 10-й классъ должности, магистерская—9-й, докторская—8-й; окончившіе со званіемъ дѣйствительнаго студента получали только 12-й классъ. Въ военной службѣ окончившіе университетъ черезъ 6 мѣсяцевъ производились въ офицеры, если только знали фронтъ. Студенты, арестованные полиціей по участию въ уголовномъ преступленіи, судились съ участіемъ университетскаго депутата при слѣдствіи, а въ остальныхъ дѣлахъ препровождались на судъ къ ректору. При университетѣ существовали—педагогическій и медицинскій институты (казеннокоштныхъ студентовъ) для подготовки учителей и врачей; питомцы перваго слушали здѣсь особыя лекціи по своему спеціальному предмету и вели практическія занятія; втораго—подготавливались такимъ же образомъ къ врачебному званію; и тѣ, и другіе брали на себя обязательство прослужить 6 лѣтъ по указанію правительства. Въ педагогическомъ институтѣ полагалось не менѣе 20 душъ, въ медицинскомъ—40.

Приведемъ теперь нѣкоторыя данныя о дѣйствительномъ положеніи студентовъ въ изучаемый нами періодъ времени и представимъ прежде статистическія свѣдѣнія о нихъ. Въ 1836/7 г. всѣхъ студентовъ было 299, въ томъ числѣ своекоштныхъ—251 и казеннокоштныхъ 48. Въ 1842/3 г. изъ 141 д. экзаменовавшихся принято было 98. Всѣхъ студентовъ было 452 (нѣсколько душъ ихъ выбыло въ теченіе года). По факультетамъ и курсамъ они распредѣлялись такъ:

Курсы:	I	II	III	IV	V	Итого
1-е отд. фил. фак.	17	26	20	20	—	83
2-е " " "	26	16	20	8	—	70

Курсы:	I	II	III	IV	V	Итого
Юридического фак.	53	48	38	34	—	173
Медицинского »	28	11	18	29	40	126
Итого.	124	101	96	91	40	452

Своекоштныхъ студентовъ было 362 (изъ нихъ 6 содержалось на счетъ платы за право ученія), казеннокоштныхъ 90 (изъ коихъ 24 содержалось на счетъ б. Виленской медико-хирургической академіи, а 5—Бѣлорусскаго округа). По вѣроисповѣданіямъ студенты распадались такъ: православныхъ 336, католиковъ 100, протестантовъ 10, евреевъ 5, григоріанскаго вѣроисповѣданія 1. По сословіямъ они распредѣлялись на слѣдующія группы: дворянъ 270, оберъ-офицерскихъ дѣтей 52, мѣщанъ 43, духовнаго званія 22, купцовъ 22, казачьихъ дѣтей 8, войсковыхъ обывателей и однодворцевъ 6, почетныхъ гражданъ 5, цеховыхъ 4, свободныхъ хлѣбопашцевъ 3, иностранцевъ 2, вольноотпущенныхъ 2, государственныхъ крестьянъ 2, колонистовъ 1. Изъ всего количества студентовъ $\frac{2}{3}$ получили образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ мин. нар. просв., въ томъ числѣ $\frac{3}{5}$ въ 38 гимназіяхъ. Больше всего дали гимназій—Харьковская (47) и Полтавская (37)—84 студента, т. е. почти $\frac{1}{5}$ ихъ общаго количества. Любопытно, что болѣе $\frac{1}{3}$ ихъ поступило на 1-е отдѣл. философскаго факультета, въ то время какъ на медицинскій — немного болѣе $\frac{1}{7}$. Затѣмъ въ нисходящемъ порядкѣ другія гимназій слѣдуютъ такъ: Новгородъ-Сѣверская (19), Виленская (17), Курская (14), Черниговская (14), Екатеринославская (11), Новочеркасская (10), Слуцкая (10), Волинская (8), Кіевскія (1-я и 2-я) (8), Винницкая (6), Бѣлостокская (6), Житомирская (6), Таганрогская (5), Воронежская (4), Гродненская (4), Орловская (4); другія гимназій дали по 3, 2 и 1 чел. Изъ другихъ учебныхъ заведеній отмѣтимъ — частный пансіонъ въ Харьковѣ Зимницкаго (29), б. пансіонъ въ Харьковѣ Де-Роберти (12); всего въ такихъ школахъ училось 64; болѣе $\frac{1}{2}$ изъ нихъ поступило на юридическій факультетъ. Изъ 7 духовныхъ училищъ вышло 22 чел. (Харьковской семинаріи 9, Екатеринославской и Курской по 4, Черниговской 2 и т. д.). Лицъ домашняго образованія было 104 ($\frac{2}{5}$ общаго числа), изъ нихъ половина поступила на юридическій факультетъ. Окончило курсъ и удостоено было различныхъ званій 87 душъ: по ист.-филол. фак. 7 д. студ. и 8 канд., по физико-математическому 3 д. студ. и 5 канд., по юрид.—23 д. студ. и 11 канд., по медицинскому 17 лекар. по 1-му и 13 по 2-му отдѣленію. Въ 1852/3 году всѣхъ студентовъ (въ началѣ акад. года) было 446; въ 1853/4 ак. году студентовъ было 493; въ 1854/5 ак. году было

въ началѣ года 465 студентовъ; въ 1855/6 ак. году студентовъ было въ началѣ года 492; въ 1856/7 ак. году студентовъ было 443; въ 1857/8 ак. году было 486 студентовъ; въ 1858/9 ак. году студентовъ было 413; въ 1859/60 ак. году студентовъ было 484; въ 1860/61 ак. году студентовъ было 533; въ 1861/2 ак. году студентовъ было 569; въ 1862/3 ак. году студентовъ было 622. Мы привели немногія цифры и подробныя данныя только за одинъ годъ. И эти цифры не могутъ претендовать на полную точность. Но, во всякомъ случаѣ, онѣ свидѣтельствуютъ о постоянномъ, хотя и незначительномъ, возрастаніи числа студентовъ. Въ половинѣ 30-хъ годовъ было 300 студентовъ, въ половинѣ 40-хъ годовъ—450, въ 1848-мъ году 523 души, затѣмъ число ихъ стало падать и въ теченіе всѣхъ 50-хъ годовъ не могло дойти до цифры 1848 года и только въ 1860 году превысило ее, возросло въ 1861 г., а въ 1862 г. достигло максимума—622 чел. Среди студентовъ Харьковскаго университета были значительный процентъ поляковъ-католиковъ и ничтожное число евреевъ. Среди сословій, по-прежнему, преобладаетъ дворянское: дворянскихъ дѣтей вмѣстѣ съ оберъ-офицерскими было въ 1842 г. почти $\frac{3}{4}$ общаго числа. Наиболѣе многочисленными факультетами были юридическій и медицинскій—раньше господствовали 1-й, а потомъ второй. Историко-филологическій факультетъ былъ сначала относительно многочисленъ—на немъ бывало даже болѣе слушателей, чѣмъ на физико-математическомъ, но съ половины 40-хъ годовъ онъ сталъ оскудѣвать студентами и далеко отсталъ отъ физико-математическаго; число оканчивавшихъ курсъ теперь нѣсколько увеличилось, какъ и число лицъ, удостоенныхъ кандидатской степени.

Научно-литературныя занятія были въ 40-хъ годахъ довольно интенсивны. Въ 1842/3 г. одному Метлинскому, напримѣръ, было подано 172 работы (26 студентами ист.-фил., 43 физико-матем., 67 юрид. и 36 медиц. фак.), разбиравшіяся имъ на практическихъ занятіяхъ; здѣсь, кромѣ прозы, были и стихи. Мицкевичу было подано 25 сочиненій. Всего было представлено 385 работъ (98 по ист.-фил., 56 по физ.-мат., 195 по юрид. и 36 по медиц. фак.). По инициативѣ помощника попечителя кн. Цертелева, для чтенія лучшихъ изъ этихъ трудовъ устроены были литературныя вечера (по 2 въ мѣсяцъ). Рѣшено было также печатать лучшіе изъ нихъ, на что ассигновано до 200 р. сер. въ годъ и составленъ особый редакціонный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ проф.: Якимова, Платонова, Бутковскаго, Лапшина и секретаря Метлинскаго. Для произнесенія этихъ сочиненій избрано 17 января, какъ день открытія университета. Въ 1844/5 г. Метлинскому было подано 168 сочиненій (19 студентами ист.-фил. фак.,

30—физ.-мат., 95—юрид. и 24—медиц.). Лучшими были признаны работы—Сухомлинова (впоследствии известнаго академика), Кожедубова (Очеркъ малороссійской свадьбы), Кучерова (Обрядъ поминовения и скачка на Дону), Маркова (Разборъ романа Кулиша «Мих. Чарнышенко»), Правикова (Стихотворения), Селиванова (Повѣдка изъ Харькова на Донъ), Сенюткина (Ночь подъ свѣтлое воскресенье), Авилова (Повѣрье донцовъ), Ржевскаго (Выходъ козаковъ на службу). Изъ работъ, поданныхъ Изм. Пв. Срезневскому, признаны лучшими—О русскихъ народныхъ пѣсняхъ (студ. Метлинскаго), Слово о полку Игоревѣ, какъ литературное произведение (Де-Пуле). Проф. Мицкевичъ призналъ выдающуюся работу студ. Каченовскаго: «О законѣ XII таблицъ». Въ 1847/8 году проф. Якимову было подано 50 сочинений; лучшія изъ нихъ были разобраны профессоромъ съ каѳедры; въ числѣ ихъ выдавались: студ. Сокальскаго—О сборникахъ русскихъ пѣсень, Тютчева—Судьбы поэзіи въ Россіи, Сухомлинова—(О развитіи теоріи русскаго языка, О филологическихъ трудахъ Ломоносова), Де-Пуле—О журналистикѣ вообще и о поэзіи, Хлопова—Взглядъ на современное направление русской литературы. Проф. Лукьяновичу было подано 53 сочинения на латинскомъ языкѣ, и среди нихъ оказались болѣе выдающимися труды: Ливскаго, Сухомлинова, Нельговскаго, Петрова, Сокальскаго (De musica Romanorum). Проф. Рославскій-Петровскій отмѣтилъ работу ст. Петрова—О цивилизаціи галлофранковъ въ эпоху меровинговъ. Метлинскому были поданы работы о Фонвизинѣ, Майковѣ, Лермонтовѣ, Пушкинѣ, Грибоѣдовѣ, Гоголѣ, Шиллерѣ. Въ 1848/9 году представилъ хорошую работу по уголовному праву студ. Градовскій. Въ 1850/1 году студенты—Леваковскій, Раевскій и Масловскій совершили геогностическое путешествіе по Бахмутскому и Славяносербскому уѣздамъ Екатеринославской губ. и приготовляли подъ руководствомъ проф. Борисяка описаніе его. Студентъ Вейнбергъ (нынѣшній известный писатель) представилъ профессору русской словесности нѣсколько изящныхъ, легкихъ переводовъ стихами изъ Мольера и Беранже. Въ 1851/2 г. историко-филологическій факультетъ устроилъ съ разрѣшенія попечителя особаго факультетскія засѣданія, гдѣ читались лучшія студенческія сочиненія; съ января по май было 5 такихъ засѣданій. Особенно выдающимися изъ нихъ были признаны: оригинальныя стихотворенія Вейнберга и Лебедева и переводы одъ и сатиръ Горация того же Вейнберга, отличавшіеся точностью, близостью къ подлиннику и изящною отдѣлкою стиха. Изъ статей ученаго содержанія выдѣлялись: Федченка—О Петраркѣ, Воронова «О Дельвигѣ», Завадскаго «О Сюлли», Парфенова «О визант. писателѣ

Лидѣ». Всѣ статьи основаны были на самостоятельномъ добросовѣстномъ изученіи матеріала и его разработкѣ. Медали получили въ этомъ году—Завадскій, Мих. Стельмаховичъ (по юрид. фак.) и Ив. Леваковскій (по ботаникѣ—о деревьяхъ въ окрестностяхъ Харькова). Въ 1852/3 г. выдающуюся работу представилъ студентъ Вейнбергъ (П. И.),—переводъ сатиръ Горация разбѣромъ полнинника. Въ 1853/4 г. отмѣчены были въ качествѣ выдающихся въ числѣ прочихъ труды слѣдующихъ студентовъ—Потебни (О торговлѣ Россіи въ царствованіе Алексѣя Мих.) и Вейнберга (Больной юноша—стих. переводъ изъ А. Шенье), Ю. Морозова. Въ 1857/8 г. были признаны выдающимися сочиненія студентовъ—Афр. Левандовскаго (Германикѣ, по Тацитѣ), Вас. Надлера (О жизни и сочиненіяхъ Виланда и переводы изъ Лессинга драмы «Эм. Галоти»). Изъ педагогическаго семинарія Н. А. Лавровскаго вышли слѣдующіе рефераты, *напечатанные* въ Х. губ. вѣд.: О первоначальномъ обученіи—Н. Рошупкина, обученіе въ первоначальныхъ школахъ—Аф. Левандовскаго, мысли Кельнера касательно обученія—К. Хлопова, взглядъ на обученіе чтенію и письму—П. Завадскаго, О воспитаніи и обученіи женщинъ Дм. Пузанова, Песталоцци, Фененбергъ и швейцарскія школы для бѣдныхъ людей Шиманова. Мих. Богомолъвъ представилъ сочиненіе на тему, заданную факультетомъ, за которое получилъ золотую медаль. Въ 1858/9 году признаны были выдающимися сочиненія: ст. Савельева: «О значеніи женщины въ семействѣ», Хлопова «Очерк. ист. разв. женщины. Въ 1859/60 г.—студ. А. Шиманова «О Новиковѣ». Въ 1862/3 г. были напечатаны сочиненія студ. ест. отдѣла Ильи Мечникова: Untersuchungen über den Stiel der Vorticellen (въ Archiv für Anatomie und Physiologie 1863 № 2 и Зап. Пет. Ак. наукъ), Bemerkungen über eine neue Diplogasterort (Archiv 1863 № 4.). Студ. медиц. факультетъ Заксъ напечаталъ: Ein Beitrag zur Frage über den Ort der Kohlensäurebildung im Organismus (Archiv 1863, № 3).

Студентамъ ежегодно давались темы для медальныхъ сочиненій. Вотъ, въ видѣ примѣра, нѣсколько темъ, предложенныхъ факультетами на соисканіе медалей студентами: по юридическому факультету: 1) Изложить исторію древняго уголовного права Руси до уложенія царя Алексѣя Михайловича; 2) представить сравнительное изложеніе римскихъ и русскіихъ законовъ о давности по гражданскому праву въ историческомъ ихъ развитіи и догматически въ полной системѣ по правиламъ сводовъ имп. Юстиніана и нынѣ существующихъ въ Россійской имперіи узаконеній; 3) изложить мѣры, какія русское правительство принимало къ поощренію и усовершенствованію мануфактурной промышленности;

4) о мѣрѣ ответственности малолѣтнихъ въ уголовныхъ дѣлахъ; 5) объ исправительной системѣ въ тюремномъ заключеніи, ея исторіи, видоизмѣненіи, въ настоящемъ состояніи и результатахъ, донынѣ полученныхъ отъ исправительныхъ тюремъ. По медицинскому факультету: 1) О пищевареніи; 2) *Physiologia, pathologia et therapia vulneris*; 3) Показать новѣйшія изслѣдованія и опыты надъ отравленіемъ гангліозной нервной системы у человѣка и животныхъ; 4) *De gangrena—variae ejus formae comparandae sunt sed praecipue habenda est ratio gangrenae nosocomialis*; 5) *Quomodo ophthalmologiae scientia ad scientiam totius artis medicae possit contribuere*. По историко-фил. фак.: 1) О національномъ развитіи историографіи у римлянъ вообще и о первыхъ попыткахъ въ этомъ родѣ до Юлія Цезаря въ особенности; 2) *Enarretur historia poësiæ lyricae Graecorum a primis inde initiis usque ad summam ejus perfectionem, quam sub novem clarissimis in hoc genere poëtis adeptæ est*; 3) Определить движеніе и степень успѣховъ, сдѣланныхъ русскою исторіей отъ смерти Карамзина до дней нашихъ какъ по отношенію къ массѣ историческихъ матеріаловъ и критической рѣшкѣ оныхъ, такъ и по взгляду на внутреннее содержаніе, значеніе этой исторіи, по отношенію ея къ исторіи всемірной; 4) О заслугахъ Декарта въ философіи. По физико-математическому факультету: 1) составить геометрическое тѣло, которое бы ограничивалось 18 квадратами и 8 равносторонними треугольниками; доказать, что около этого тѣла можно описать шаръ, и вычислить отношеніе діаметра этого шара къ боку тѣла и толстоту сего послѣдняго; 2) изложить важнѣйшія свойства лучистой теплоты на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій и вмѣстѣ сдѣлать краткое историческое обозрѣніе занятій ученыхъ по этому предмету; 3) представить критическій разборъ извѣстнѣйшихъ доказательствъ параллелограмма силъ; 4) описать древесныя породы (arbores) окрестностей г. Харькова на основаніи собственныхъ наблюденій. Печатныхъ студенческихъ сборниковъ было теперь гораздо меньше, чѣмъ прежде: вышелъ всего одинъ сборникъ въ 1846 году подъ заглавіемъ: «Опыты въ сочиненіяхъ студентовъ Имп. Харьковскаго университета. Томъ I-й X. 1846, 344 стр.».

Что касается правилъ о поведеніи студентовъ, то они сохранили характеръ прежней строжайшей регламентаціи и полицейской дисциплины. Въ инструкціи, данной инспектору при введеніи устава 1835 г., требуется, чтобы онъ наблюдалъ и за нравственною, и за учебною, и за полицейскою (такъ прямо и сказано), и за хозяйственною стороною ихъ быта; инспектору ввѣрялось и религіозное воспитаніе учащагося юношества. «Добрая нравственность учащихся юношей есть вѣрнѣй-

шій и единственный залогъ не только преуспѣянія ихъ въ наукахъ, но и достиженія цѣли правительства въ образованіи ихъ истинными сынами церкви, вѣрными служителями престола и полезными отечеству гражданами. Религія есть тотъ краеугольный камень, на которомъ necessarily зиждется чистая, добрая нравственность. Посему инспектору поставляется первою и важнѣйшею обязанностью обращать неусыпное вниманіе на религіозное направленіе учащихся въ университетѣ». На обязанности инспектора лежало наблюденіе и за политическимъ воспитаніемъ студентовъ въ духѣ указанныхъ началъ. Инспекторъ обязанъ былъ посѣщать и своекоштныхъ студентовъ въ разные часы и всегда неожиданно, за исключеніемъ тѣхъ, которые проживали у родителей или близкихъ родственниковъ, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы послѣдніе были извѣстны своею благонадежностью. Инспекторъ долженъ былъ наблюдать, чтобы студенты не жили шире своихъ средствъ, не посѣщали мѣстъ и домовъ, не соотвѣствующихихъ ихъ званію, не имѣли запрещенныхъ книгъ—въ случаѣ нахожденія таковыхъ, онъ долженъ былъ открыть, отъ кого онѣ получены ими, и донести объ этомъ начальству. На обязанности инспектора лежало наблюденіе за неукоснительнымъ посѣщеніемъ студентами лекцій, съ каковою цѣлью онъ избиралъ изъ среды ихъ старшихъ студентовъ, которые наблюдали за поведеніемъ ввѣренныхъ имъ товарищей и подавали объ этомъ «рапортики» помощникамъ инспектора. Что же касается казеннокоштныхъ студентовъ, то, буквально, всякій шагъ ихъ былъ подъ наблюденіемъ инспекціи. Собственною властью инспекторъ могъ посадить студента въ карцеръ на 1 день съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ. Выписки изъ кондуктивныхъ списковъ студентовъ сообщались ихъ родителямъ и могли оказать большое вліяніе на судьбу студентовъ¹⁾. Инспекторъ могъ присутствовать на всѣхъ экзаменахъ, какъ полугодовыхъ, такъ и окончательныхъ. Въ 1839 году по поводу замѣчаній, сдѣланныхъ министромъ народнаго просвѣщенія о недостаточности надзора за студентами, выработаны были новыя строгія, правила объ этомъ надзорѣ. Между прочимъ, студентамъ въ аудиторіяхъ были отведены постоянныя мѣста, а опоздавшіе должны были садиться на послѣдней скамьѣ, чтобы профессора могли ихъ замѣчать; студенты, квартировавшіе у профессоровъ, могли отлучаться изъ квартиры въ какое-нибудь публичное мѣсто, предъявляя инспектору ихъ разрѣшеніе; выработана была цѣлая градація наказаній за проступки, гдѣ фигурируетъ и знаменитая черная книга; ежегодно читались въ присутствіи профессоровъ и студен-

¹⁾ При награжденіи студентовъ медалями принималась во вниманіе, какъ мы видѣли, и нравственность.

товъ списки лицъ, отличившихся примѣрнымъ поведеніемъ и заслужившихъ наказаніе; усилена была инспекція—инспектору даны пять помощниковъ. Но особенно тяжелымъ должно было сдѣлаться положеніе студентовъ съ общимъ усиленіемъ реакціи, въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ. Молодежь какъ бы замерла въ тискахъ военной дисциплины и пробудилась только при общемъ подъемѣ русской жизни, послѣ воцаренія Александра II. Въ 1858 году разыгралась студенческая исторія въ Харьковскомъ университетѣ. Поводомъ къ ней послужило удаленіе изъ университета попечителемъ двухъ студентовъ за сильный шумъ, произведенный ими на улицѣ: они ночью стучались къ своимъ товарищамъ и потревожили жильцовъ этого дома, а затѣмъ побили прислугу, выбѣжавшую на шумъ. Произошли сходы; многіе профессора, по отсутствію слушателей, не могли 2 дня читать лекцій, а 138 студентовъ подали прошенія объ увольненіи, не желая послѣ всего происшедшаго оставаться въ университетѣ. Попечитель Зиновьевъ арестовалъ нѣкоторыхъ зачинщиковъ, затѣмъ распорядился о прочтеніи передъ студентами своей рѣчи, произведшей, по словамъ попечителя, благопріятное впечатлѣніе на молодежь. Попечитель писалъ министру народнаго просвѣщенія, что «главною цѣлью движенія студентовъ было желаніе сдѣлать его извѣстнымъ правительству, въ надеждѣ, что оно, обративъ на него вниманіе, болѣе оградитъ на будущее время личность студентовъ отъ произвола (какъ они называютъ) попечителей, ректора, инспектора и другихъ властей. Во главѣ движенія, писалъ онъ, въ которомъ замѣтенъ энтузіазмъ, безъ всякаго, впрочемъ, на кого-либо неудовольствія, находятся, между прочимъ, лучшіе студенты, которые, какъ кажется, жертвовали собою для этой идеи. Впрочемъ, до формальнаго слѣдствія (разумѣется, семейнаго пока) я,—писалъ попечитель,—ничего не могу сказать положительнаго, но счелъ долгомъ довести, тѣмъ не менѣе, объ этомъ». Министръ, доведшій объ этомъ событіи до свѣдѣнія государя императора, рекомендовалъ попечителю не прибѣгать безъ крайней надобности (каковой, по его мнѣнію, пока не было) къ гражданскимъ властямъ и точно изслѣдовать на основаніи училищныхъ правилъ причины волненія, ибо онѣ важнѣе самого факта. Попечитель сообщилъ, что волненіе утихло и что онъ предастъ виновныхъ суду правленія и воспользуется этимъ случаемъ, чтобы удалить изъ университета всѣхъ дурныхъ студентовъ: предполагалось одну категорію исключить безъ права поступленія въ другія учебныя заведенія. Къ этому онъ прибавлялъ, что и нѣкоторые изъ профессоровъ вели себя такъ, что поддерживали студенческіе безпорядки,—и что двое братьевъ—Лавровскихъ, Коссовъ, Соколовъ, иногда Бейеръ

и Свиридовъ своею строптивостію передъ ректоромъ служить дурнымъ примѣромъ для молодежи. Къ сожалѣнію, — прибавлялъ Зиновьевъ, — я теперь убѣжденъ, что весь университетъ нужно взять покруче, что мнѣ возможно (будетъ сдѣлать) только при другомъ помощникѣ. 13-го сентября 1858 г. университетъ посѣтилъ имп. Александръ II-й и сказалъ профессорамъ, что онъ крайне недоволенъ тѣми безпорядками, которые были въ Харьковскомъ университетѣ два года сряду, а студентамъ, кромѣ этого, еще прибавилъ: «сверхъ того, у васъ завелся обычай подкидывать безымянныя письма; это — низко». Кромѣ того, государь сказалъ еще, что полицейское наблюденіе не освобождаетъ ихъ отъ университетскаго и что они должны строго держаться формы; двухъ студентовъ, за неумѣнье отдать поклонъ, императоръ отправилъ подъ арестъ. Но время брало свое, — и скоро пришелъ часъ, когда форма была совсѣмъ уничтожена, а вмѣстѣ съ нею пали и ненужныя стѣсненія студентовъ. Въ концѣ изучаемаго нами періода самый институтъ казеннокоштныхъ студентовъ, гдѣ особенно практиковалась суровая полицейская дисциплина, былъ признанъ вреднымъ и уничтоженъ, и это произошло въ бытность попечителемъ Зиновьева, когда происходили въ университетѣ вышеописанные безпорядки. Уничтоженіе этого института дало возможность употребить назначавшіяся для этого суммы на стипендіи. Къ казеннымъ стипендіямъ присоединились частныя. Такъ дѣло матеріальнаго обезпеченія учащейся молодежи стало на прочную почву. Въ 1853/4 г. Дм. Андр. Донецъ-Захаржевскій, будучи избранъ въ почетные члены Харьковскаго университета, пожертвовалъ ему капиталъ въ 8571 р. на содержаніе двухъ стипендіатовъ-студентовъ, дворянъ Изюмскаго и Змиѣвскаго уѣзда. Это 1-й примѣръ такого щедрого пожертвованія. Для пособія недостаточнымъ студентамъ въ 1862/3 году существовали слѣдующія стипендіи: 40 стип. казеннокоштныхъ студентовъ медицинскаго факультета по 175 р.; 60 стип. мин. нар. проsv. въ 200 р. каждая, учрежденныхъ 14-го сентября 1862 года и предназначенныхъ первоначально для студентовъ Петерб. у-та, переведенныхъ въ Харьковскій, а потомъ и для питомцевъ Харьковскаго; 30 стипендій Донскаго войска по 300 р. каждая; 15 стипендій Кубанскаго войска по 240 р.; 3 стип. Екатеринославскаго дворянства по 142 р. 85¹/₂ к.; 5 стип. приказовъ общественнаго призрѣнія по 175 р.; 2 стипендіи помѣщика Парпуры по 142 р. 85¹/₂ к.; 4 стипендіи Кирилла и Меодія по 240 р.; стип. б. проф. Осиповскаго въ 200 р., учрежд. сыномъ его докт. Осиповскимъ; стипендія почетнаго гражданина Мамонтова въ 200 р., учрежденная въ 1863 г. поч. гражд. Чепелкинымъ. На 2 стипендіи Донецъ-Захаржевскихъ содержались воспитанники Харьковской

губ. гимн. Кромѣ того, университетъ изъ своихъ средствъ выдалъ пособія 2765 р. 59 студентамъ. Освобождено было отъ платы за слушаніе лекцій 126 душъ въ годъ, 29, кромѣ того, на 1-ю половину года и 41 на вторую. Въ пользу недостаточныхъ студентовъ стали теперь (съ начала 60-хъ годовъ) устраиваться вечера. Такъ, литературный вечеръ, устроенный проф. Каченовскимъ и Лавровскимъ въ 1860/1 ак. году, далъ чистаго сбора 1396 руб.

4-я глава.

Просвѣтительное вліяніе университета.

Просвѣтительное вліяніе университета было въ значительной степени сужено уставомъ 1835 г., изъявшимъ изъ его вѣдомства среднія и низшія учебныя заведенія Харьковскаго учебнаго округа, съ ихъ многочисленнымъ педагогическимъ персоналомъ. Ослаблено было вліяніе университета на внѣуниверситетскую среду уставомъ и въ другомъ отношеніи—лишеніемъ цензурнаго права, которое, какъ мы знаемъ, раньше служило въ рукахъ университета не орудіемъ угнетенія печати, а средствомъ для ея развитія. Въ этихъ болѣе узкихъ рамкахъ университетъ все-таки продолжалъ оказывать свое образовательное вліяніе на широкіе круги общества, хотя живая связь его съ этимъ послѣднимъ по сравненію съ первымъ десятилѣтіемъ въ жизни университета, несомнѣнно, уменьшилась. Въ отчетѣ о состояніи Харьковскаго университета за 1842/3 годъ, составленномъ Изм. Ив. Срезневскимъ, мы находимъ любопытныя соображенія автора о благотворномъ вліяніи Харьковскаго университета въ дѣлѣ образованія вообще и для Харьковскаго края въ частности. Авторъ доказываетъ здѣсь, что г. Харьковъ обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ именно университету. До открытія университета Харьковъ едва походилъ на городъ, не могъ быть сравненъ не только съ Полтавой, Курскомъ, Орломъ, Воронежомъ, но даже съ Бѣлгородомъ, Сумами, Ахтыркой, а теперь по самому количеству народонаселенія превосходитъ ихъ, собравъ въ себѣ до 40000 постоянныхъ жителей, не считая живущихъ въ немъ временно, между тѣмъ какъ въ 1805 г., до открытія университета, было 8000, слѣдовательно, въ пять разъ менѣе. Не подняла его такъ торговля, потому что она не поднимала

его прежде и не подняла такъ ни Сумъ, ни Курска, гдѣ торговля была прежде значительнѣе харьковской; и не фабрики и заводы,—потому что въ Харьковѣ ихъ мало; и не другія учебныя заведенія,—потому что они находятся или во всѣхъ упомянутыхъ городахъ или въ нѣкоторыхъ—и не возвысили въ такой степени ни одного изъ нихъ; и не особенныя преимущества,—потому что Харьковъ пользуется ими одинаково съ другими городами; и не относительное его географическое положеніе, которое не представляетъ жителямъ никакихъ особенныхъ выгодъ.—Нѣтъ! Харьковъ обязанъ своимъ возвышеніемъ преимущественно университету. Университетъ сосредоточилъ около себя просвѣщеніе, привлекъ въ городъ просвѣщенное общество: этого было довольно, чтобы привлечь и промышленность, и богатство, и все, чтó возвышаетъ городъ. Конечно, этому благотворному вліянію университета содѣйствовали и нѣкоторыя другія причины, особенно духовная семинарія, бывшій духовный коллегіумъ, старѣйшее изъ учебныхъ заведеній харьковскихъ, и институтъ благородныхъ дѣвицъ, указавшій собою первый въ здѣшнемъ краѣ примѣръ высшаго образованія женскаго пола; но главнѣйшимъ и могущественнѣйшимъ дѣятелемъ въ этомъ былъ университетъ. Наука возвысила Харьковъ, какъ промышленность Тулу и Ярославль, какъ торговля—Нижній-Новгородъ и Одессу, и Харьковъ носитъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ этого вліянія. На 40000 жителей въ немъ считается болѣе 4000 постоянно учащихся, около 500 учащихся и 19 казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеній; въ немъ почти нѣтъ семьи безъ воспитанника, родного или чужого; многіе живутъ только для воспитанія дѣтей; въ немъ ищутъ воспитателей и воспитательницъ для всѣхъ окрестныхъ и даже нѣкоторыхъ отдаленныхъ губерній; его учебныя заведенія предпочитаютъ многимъ другимъ; изъ него выписываютъ книги и всѣ учебныя пособія... Самый наплывъ пріѣзжихъ на ярмарки, какъ бы нарочно, бываетъ тогда, когда начинается или оканчивается ученіе—въ половинѣ января, въ началѣ іюня и въ концѣ августа. Кромѣ того, Харьковъ славится своими врачами; а между ними 9 изъ 10 принадлежатъ университету. Онъ замѣтенъ по любви къ просвѣщенію и чистотѣ вкуса не только высшихъ, но и среднихъ слоевъ общества; напоминаетъ о себѣ трудами литераторовъ, въ немъ жившихъ и живущихъ; словомъ, онъ извѣстенъ, какъ городъ просвѣщенный и ученый. И если справедливо, что все это находится въ непосредственномъ отношеніи къ университету,—а въ этомъ сомнѣваться, кажется, нельзя,—то не естественно ли, что университетъ долженъ былъ имѣть силы, чтобы произвести такое рѣшительное вліяніе на характеръ города? Въ отчетѣ за 1850/1 годъ о просвѣтительномъ значеніи Харьков-

скаго университета говорится слѣдующее. «Въ теченіе 45-лѣтняго своего процвѣтанія университетъ, оставаясь вполнѣ вѣрнымъ первоначальному сопряженному съ самимъ учрежденіемъ его назначенію быть разсадникомъ просвѣщенія въ юго-восточныхъ областяхъ Россіи, распространялъ свое полезное вліяніе и за предѣлы ближайшей, собственной своей сферы, и около 3000 молодыхъ людей, воспитанныхъ имъ на службу отечества, между которыми многіе занимаютъ теперь важныя государственныя должности, болѣе 700 врачей, приготовленныхъ имъ для общенародной пользы, около 550 преподавателей, доставленныхъ имъ въ разныя учебныя заведенія, и между ними 66 профессоровъ, доставленныхъ университетамъ и лицамъ—все эти факты живо свидѣлствуютъ о томъ, что университетъ нашъ совмѣщалъ въ себѣ значеніе не только мѣстнаго, но и центрального источника народнаго просвѣщенія. Независимо отъ выполненія существеннаго своего назначенія въ дѣлѣ отечественнаго образованія, Харьковскій университетъ не уклонялся и отъ общей цѣли высшаго учебнаго заведенія—быть проводникомъ полезныхъ свѣдѣній европейской учености, какъ засвидѣлствовалъ о томъ министръ, замѣтившій, что преподаватели университета, «не смотря на отдаленіе отъ средоточія ученой дѣятельности, съ успѣхомъ слѣдятъ за новыми открытіями и усовершенствованіями въ области наукъ, обновляя и оживляя такимъ образомъ свое преподаваніе». Удовлетвореніе разностороннимъ потребностямъ просвѣщенія составляетъ такимъ образомъ назначеніе нашего университета, которое оправдывается самою исторіею его.

Рославскій-Петровскій называетъ 57 питомцевъ Харьковскаго университета, дослужившихся до высшихъ чиновъ и должностей, и въ числѣ ихъ сенаторовъ Дега и Гевлича, директора департамента Левшина, члена совѣта министерства Переверзева, вице-директора департамента Бахтина, статсъ-секретаря по дѣламъ царства Польскаго Халанскаго, директора департамента Гвоздева, губернаторовъ—Грабовскаго, Шкляревича, Лонгинова, главнаго дѣателя судебной реформы С. И. Заруднаго, изъ ученыхъ академиковъ—Остроградскаго и Кеппена, преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній—Павловскаго, Еллинскаго, Цыха, Архангельскаго, Громова, Дьяченка, П. Кофельникова (профессора Казанскаго университета), Венедиктова, А. М. Филомафитскаго (профессора Московскаго университета), О. И. Иноземцева (профессора Московскаго университета), Варвинскаго, Калениченка, Г. Гордѣнка, Цыцурина (преподавателя Кіевскаго университета), П. О. Леонова, П. Любовскаго, В. Кригера, Лелякова, Линка, П. Свиридова, Рындовскаго, Т. М. Затеplinскаго, А. Шидловскаго, А. Дьяченка, Комли-

шинскаго, Сухомлинова, Черняева, О. Правицкаго, Борисяка, Кириллова, Робуша, Байкова, Степанова, Сокальскаго, Каченовскаго, Г. Гордѣнка, М. Клобуцкаго, А. Бабичева, А. Криворотова, Артемовскаго-Гулака, Костомарова, Е. Филомафитскаго, Рославскаго-Петровскаго, Сланицкаго, Адамовича, Гонорскаго, Лобойка (Виленскаго университета), Борзенка, Якимова, Метлинскаго, Склабовскаго, Золотарева, Изм. Срезневскаго, Григоровича (Казанскаго университета), Протопопова. Всего 55 преподавателей, въ томъ числѣ Харьковскаго 42. Кромѣ того, 11 бывшихъ лицейскихъ профессоровъ и много директоровъ гимназій. Приведенныя данныя относятся къ 1850 году и обнимаютъ всѣ первыя 45 лѣтъ изъ жизни Харьковскаго университета. Если же мы обратимся только къ періоду времени съ 1835 по 1863-й годъ, то окажется, что за 20 лѣтъ, о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія, окончило университетъ дѣйствительными студентами и кандидатами по тремъ факультетамъ (кромѣ медицинскаго) свыше 900 душъ, т. е. въ среднемъ по 45 душъ въ годъ; слѣдовательно, по такому расчету во всѣ 28 лѣтъ должно было окончить болѣе 1260 душъ, да лекарями за то же время свыше 740 душъ,—всего болѣе 3000 человекъ. Говоримъ болѣе потому, что за нѣкоторые годы мы имѣемъ явно уменьшенныя цифры. Къ тѣмъ питомцамъ Харьковскаго университета, имена которыхъ были приведены, слѣдуетъ присоединить еще слѣдующихъ профессоровъ Харьковскаго университета: Тихоновичей П. и О., Мих. Н. Петрова, Ив. П. Сокальскаго, Питру I и II-го, Ив. О. Леваковскаго, Л. О. Павловича, Стельмаховича, А. Н. Стоянова, Ганнота, Ив. П. Щелкова, А. А. Потебню, Гарничъ-Гарницкаго, Ю. И. Морозова, Котлярова, Богомолова, А. Левандовскаго, Н. Л. Залѣскаго, А. Данилевскаго, А. Кузнецова, Деларю, М. Ковальскаго, П. Т. Степанова, А. П. Шимкова, Вагнера, В. К. Надлера, А. И. Додукалова, П. А. Ясинскаго, Шилтова; другихъ извѣстныхъ дѣятелей—профессора Петербургскаго университета А. Д. Градовскаго, профессора и писателя П. И. Вейнберга, писателя Дефуле, ученаго Тюрина, Матушинскаго, бібліотекаря Баляснаго, Г. С. Чирикова, Запару, князя Цертелева, поэта В. Александрова, судебныхъ дѣятелей—Ненарочкина и Куликова, писателя Евг. Маркова, Б. Г. Филонова, врачебнаго инспектора М. Севастьяновича, изслѣдователя А. Шиманова. Просвѣтительное вліяніе университета на общество проявлялось еще въ цѣломъ рядѣ фактовъ, изъ коихъ мы отмѣтимъ болѣе важныя. Профессора физико-математическаго факультета читали нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ *публичныя* курсы по техническимъ предметамъ для желающихъ. Изъ ветеринарной школы, состоявшей въ вѣдѣніи университета, выросла самостоятельная высшая школа—

нынѣшній ветеринарный институтъ. Отдѣльные преподаватели университета также работали въ интересахъ края и его населенія. Вспомнимъ объ извѣстныхъ намъ ученыхъ экспедиціяхъ разныхъ профессоровъ. Проф. Борисякъ, по просьбѣ харьковскаго генералъ-губернатора, составилъ проектъ разысканій строительнаго камня въ окрестностяхъ Харькова, въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ и устройства мостовыхъ изъ искусственнаго щебня. Профессоръ Лапшинъ обратилъ вниманіе на обиліе минеральныхъ богатствъ въ Бахмутскомъ, Славяносербскомъ и другихъ уѣздахъ Екатеринославской губерніи и напечаталъ замѣтку объ этомъ въ Вѣстникѣ Русскаго Географическаго Общества за 1856-й годъ. Профессора медицинскаго факультета—Ганъ, Ванцетти, Калениченко, Альбрехтъ, Нарановичъ, Гордѣенко, Демонси и Рындовскій—составили сообще, по данной имъ попечителемъ программѣ, записку о свирѣпствовавшей въ 1847 г. холерной эпидеміи, съ указаніемъ средствъ борьбы съ нею. Когда, въ 1847 г., открылась въ Харьковѣ холера, терапевтическая клиника университета была превращена въ холерную больницу, въ которую поступило 26 больныхъ студентовъ, изъ коихъ выздоровѣло 17, умерло 9. Завѣдывалъ больницей директоръ клиники профессоръ Альбрехтъ. Профессоръ Эйбродтъ написалъ по порученію попечителя подробную записку: «Объ овражкахъ и о способахъ ихъ истребленія», составленную по собственнымъ наблюденіямъ. Профессоръ Ходневъ занимался химическими изслѣдованіями кермена, какъ матеріала для дубленія въ безлѣсныхъ мѣстахъ Южной Россіи. Какъ видно изъ отчета за 1844/5 годъ, для распространенія въ Украинѣ новыхъ сортовъ плодовыхъ деревьевъ, изъ ботаническаго сада раздавалось черезъ палату государственныхъ имуществъ, особенно въ уѣзды Харьковскій, Изюмскій, Зміевской и Валковскій, значительное количество черенковъ яблонь, грушъ и сливъ многимъ любителямъ садоводства и казеннымъ крестьянамъ. Въ ботаническомъ саду производились удачныя опыты акклиматизаціи растений, напримѣръ, винограда, хорошо дозрѣвшаго и годнаго для пищи, что, конечно, имѣло значеніе и для жителей Харькова и губерніи, занимавшихся садоводствомъ. Дабы показать въ Украинѣ образцы живой изгороди, сдѣланъ былъ разсадникъ колючихъ растений: акаціи, гледичіи, боярышника, барбариса, шелковицы и т. п. Въ 1847/8 г. для распространенія въ мѣстномъ краѣ лучшихъ плодовыхъ деревьевъ было бесплатно роздано университетомъ до 1500 черенковъ. Огромную пользу населенію приносили учебно-вспомогательныя учрежденія университета. Въ особенности это нужно сказать о клиникахъ, которыя служили не только интересамъ преподаванія, но и дѣлу помощи страждущему человѣчеству. Огромное

значение, по-прежнему, имѣла университетская типографія, въ которой печатались, кромѣ университетскихъ изданій, и сочиненія постороннихъ лицъ. Вотъ нѣкоторыя цифры, рисующія ея полезную дѣятельность. Въ 1844/5 году въ университетской типографіи было отпечатано 8 сочиненій на $55\frac{3}{4}$ печатныхъ листахъ—49800 листовъ. Въ 1847/8 г.—11 сочиненій на $84\frac{1}{2}$ печатныхъ листахъ—198850 листовъ. Въ 1848 году—9 сочиненій (5 казенныхъ и 4 частныхъ) на 40 печатныхъ листахъ—28500 листовъ. Въ 1849/50 г.—13 сочиненій (5 казенныхъ и 8 частныхъ) на $92\frac{1}{2}$ листахъ—72250 листовъ. Въ 1850/1 г.—12 сочиненій на $96\frac{1}{2}$ листахъ—56275 листовъ. Въ 1851/2 г.—10 сочиненій на $45\frac{5}{8}$ листахъ—25800 листовъ. Въ 1852/3 г. 10 сочиненій на $66\frac{3}{4}$ листахъ—25800 листовъ. Въ 1853/4 г.—10 сочиненій на $49\frac{1}{4}$ листахъ—29370 листовъ. Въ 1854/5—10 сочиненій на $49\frac{1}{2}$ листахъ—15200 листовъ. Въ 1855/6 г.—7 сочиненій на $30\frac{1}{2}$ листахъ—11550 листовъ. Въ 1856/7 г.—17 сочиненій на 16404 листахъ. Въ 1858/9 г.—15 сочиненій на 54362 листахъ. Въ 1859/60 г.—29 сочиненій на 124950 листахъ. Въ 1860/1 г.—24 сочиненія на 229830 листахъ. Въ 1861/2 г.—23 сочиненія на 339425 листахъ. Въ 1862/3 г.—18 сочиненій на 285350 листахъ. Какъ видно отсюда, Харьковская университетская типографія является какъ бы барометромъ общественности: съ подъемомъ этой послѣдней, сильно возросла ея дѣятельность. За 15 лѣтъ отпечатано было 216 сочиненій на 1538516 листахъ.

Наконецъ, съ Харьковскимъ университетомъ тѣснымъ образомъ связывается и то научно-литературное движеніе, которое развилось въ Харьковѣ въ 40-хъ годахъ и представителями котораго среди харьковской профессуры были: Гулакъ-Артемовскій и Метлинскій, писавшіе малорусскія стихотворенія, и Изм. И. Срезневскій, бывшій душой этнографическихъ работъ. Наиболѣе видными дѣятелями его были—Гр. Оед. Квитка-Основьяненко, Н. И. Костомаровъ, издателями—И. Е. Бецкій и Корсунъ и цѣлый рядъ ихъ сотрудниковъ-поэтовъ. Г. О. Квитка находился въ то время въ апогеѣ своего литературнаго творчества. Кромѣ повѣстей (малороссійскихъ), изданныхъ въ 2-хъ частяхъ, онъ готовилъ къ печати 3-ю часть. Стоя въ сторонѣ, проживая за городомъ, въ своей любимой «Основѣ», Г. О. Квитка былъ духовнымъ главою цѣлаго кружка молодыхъ дѣятелей украинской литературы, среди которыхъ едва ли не самымъ восторженнымъ былъ Н. И. Костомаровъ, готовившійся въ это время къ защитѣ своей магистерской диссертациіи объ униі. «Въ это время, —говоритъ онъ,—я сблизился съ цѣлымъ кружкомъ молодыхъ людей, такъ же, какъ и я, преданныхъ идеѣ возрожденія малорусскаго языка и литературы; это были:

Корсунъ, молодой человѣкъ, воспитанникъ Харьковскаго университета, Петренко, Я. П. Щоголевъ, студентъ университета, молодой человѣкъ съ большимъ поэтическимъ талантомъ, къ сожалѣнію, рано испарившимся (впослѣдствіи же, однако, прибавимъ отъ себя, снова возвратившійся къ литературной дѣятельности и занявшій выдающееся мѣсто въ малорусской литературѣ), Кореницкій—сельскій діаконъ; въ его стихотворной поэмѣ «Вечорныци» замѣтна сильная склонность къ сатирѣ и вліяніе Энеиды Котляревскаго; наконецъ, семинаристъ Лисаревскій. Изъ нихъ Корсунъ издалъ малорусскій литературный сборникъ «Сніпъ», въ которомъ, между прочимъ, помѣщена трагедія Костомарова: «Переяславска ничъ» и его же переводы изъ Байрона. «Вслѣдъ за тѣмъ,—говоритъ Костомаровъ,—явился другой дѣятель по части возрождающейся малорусской словесности: то былъ нѣкто Беукій, пріѣхавшій въ Харьковъ изъ Москвы. Онъ началъ готовить сборникъ, который предполагалъ наполнить статьями, писанными по-малорусски или относящимися къ Малороссіи. Познакомившись со мною, онъ заявилъ доброе желаніе собрать воедино разсѣянные силы духовныхъ дѣятелей и направить ихъ къ тому, что имѣло мѣстный этнографическій и историческій интересъ». Въ 1843—1844-мъ г. Беукій дѣйствительно выпустилъ въ свѣтъ 3 выпуска научно-литературнаго сборника «Молодыкъ»; часть статей его была написана по-русски, другая часть по-малорусски. Издателю дѣйствительно удалось привлечь къ своему предпріятію лучшія литературныя силы края,—и «Молодыкъ» является живымъ памятникомъ умственного возрожденія въ мѣстномъ обществѣ. Впослѣдствіи И. Е. Беукій обогатилъ пожертвованными имъ художественными коллекціями музеевъ изящныхъ искусствъ университета.

ТРЕТИЙ ПЕРІОДЪ:

ИСТОРІЯ УНИВЕРСИТЕТА ПРИ ДѢЙСТВІИ УСТАВА 1863 Г.

(съ 1863 по 1884 г.¹⁾).

1-я глава.

Введеніе устава 1863 г. Его значеніе. Университетское самоуправленіе.

18 іюня 1863 г. императоръ Александръ II соизволилъ даровать россійскимъ университетамъ новый уставъ, славный въ дѣтописяхъ университетской жизни,—уставъ 1863 г., предопредѣлившій развитіе университетовъ на 20 лѣтъ и сильно тяготѣвшій надъ университетами и въ послѣдующее время, не смотря на упраздненіе и выдвинутыя противоположныя ограничительныя начала. Уставъ этотъ подготовлялся постепенно, стройно и послѣдовательно. Приняты были во вниманіе соображенія и замѣчанія всѣхъ русскихъ университетовъ, многихъ западныхъ ученыхъ, многихъ русскихъ выдающихся государственныхъ и ученыхъ дѣятелей. Сѣборникъ этихъ предварительныхъ и подготовительныхъ матеріаловъ былъ изданъ въ двухъ объемистыхъ томахъ. Тутъ, между прочимъ, нашли мѣсто представленныя въ свое время мнѣнія и замѣчанія: 1) совѣта Харьковскаго университета и профессоровъ, 2) б. ректора А. П. Рославскаго-Петровскаго, 3) Д. И. Каченовскаго, 4) В. И. Лапшина, 5) Н. А. Лавровскаго и 6) В. И. Добровольскаго. Представители харьковской профессуры отнеслись къ преобразовательнымъ задачамъ заботливо и сочувственно.

¹⁾ Исторія этого періода составлена мной отчасти по изслѣдованіямъ проф. А. И. Рославскаго-Петровскаго и др., отчасти и преимущественно по протоколамъ совѣтскихъ засѣданій и по рукописямъ, извлеченнымъ проф. Д. И. Багалѣмъ изъ архива М. Н. Пр. и мною изъ архива Императорскаго Харьковскаго университета.

Уставъ 1863 г. по сравненію съ уставомъ 1835 г. отличается болѣе полнотою и опредѣлительностью; главное, онъ улучшилъ университетское устройство въ слѣдующихъ наиболѣе важныхъ отношеніяхъ:

1) Онъ давалъ университетамъ болѣшую самостоятельность въ дѣлахъ ихъ внутренняго управленія и предоставлялъ каждому университету возможность, при сохраненіи общей съ другими университетами системы управленія, развиваться своеобразно, по условіямъ мѣстной жизни.

2) Онъ усиливалъ ученые и учебныя средства университетовъ, соотвѣственно требованіямъ науки.

3) Онъ доставлялъ университетамъ возможность имѣть достаточное число хорошо подготовленныхъ профессоровъ, и

4) онъ стремился вызвать самостоятельное занятіе науками и открывалъ просторъ для нравственнаго вліянія профессоровъ на студентовъ.

Новый уставъ расширялъ власть ректора и совѣта и подчинялъ совѣту всѣ дѣла по университету, или окончательно, или съ утвержденія попечителя и министра. Во избѣжаніе самоуправства, вообще мало возможнаго для коллегіальнаго учрежденія, выдвинуты были требованія отчетности и гласности.

Важной чертой новаго устава было допущеніе мѣстныхъ правилъ, по мѣстнымъ условіямъ, съ разрѣшенія попечителя округа. Совѣту предоставлено было составлять правила объ обязанностяхъ учащихся, о порядкѣ производства испытаній на ученые степени, о приѣмѣ въ студенты, о допущеніи постороннихъ слушателей, о порядкѣ дѣлопроизводства въ университетскомъ судѣ, объ обязанностяхъ инспектора, о распредѣленіи часовъ чтеній и сбора платы за ученіе, о раздѣленіи факультетовъ на отдѣленія—послѣднее съ разрѣшенія министра нар. проsv., установленіе контроля за занятіями студентовъ, право учрежденія ученыхъ обществъ, съ утвержденія министра; вообще, широкія права, свидѣтельствовавшія о довѣріи правительства къ руководящимъ въ университетѣ нравственнымъ силамъ, объ уваженіи къ наукѣ и ея представителямъ.

Число кафедръ было значительно увеличено: на историко-филологическомъ съ 8 на 11, по физико-математическому съ 8 на 12, по юридическому съ 7 на 13 и на медицинскомъ съ 10 на 16.

По уставу 1835 г. въ каждомъ изъ университетовъ состояло отъ 49 до 58 преподавателей, при чемъ въ харьковскомъ 49; по уставу 1863 г.—отъ 75 до 91 преподавателя, при чемъ въ Харьковскомъ 89.

Въ частности, ординарныхъ профессоровъ въ Харьковскомъ университетѣ было по уставу 1835 г. 26, по уставу 1863 г. — 40, число экстраординарныхъ профессоровъ поднялось съ 14 на 18, а число адъюнктовъ съ 9 поднялось (въ лицѣ доцентовъ) до 31. Во всѣхъ же университетахъ число преподавателей увеличивалось на 178, или на 67⁰/₀.

Одновременно были почти вдвое увеличены средства на научно-учебныя вспомогательныя учрежденія, библіотеки, музеи и пр., преимущественно на учрежденія при медицинскомъ и физико-математическомъ факультетахъ.

Вознагражденіе преподавателямъ университета, по новымъ штатамъ, увеличено вдвое. Такъ, въ Харьк. университетѣ для ординарныхъ профессоровъ съ 1263 р. до 3000 р., для экстраординарныхъ съ 954 р. до 2000 р., для доцентовъ съ 643 р. до 1200 р., лекторовъ съ 568 р. до 1000 р., прозекторовъ съ 560 р. до 1500 р., лаборантамъ съ 336 р. до 800 р., библіотекарю съ 560 р. до 1500 р., т. е. почти втрое.

Были приняты мѣры къ увеличенію числа молодыхъ людей, командируемыхъ за границу съ ученой цѣлью. Въ частности, по Харьковскому университету получили заграничную командировку Потембн, Зарубинъ, Имшенецкій, Деларю, Тихоновичъ, Степановъ (П. Т.), Стояновъ; одни изъ нихъ были въ то время магистрами; большинство — кандидатами ¹⁾.

Уставъ 1863 г. ввелъ новое учрежденіе — университетскій судъ, съ членами исключительно изъ профессорской коллегіи и предсѣдателемъ изъ юристовъ. Первымъ предсѣдателемъ былъ проф. Пахманъ, впоследствии сенаторъ. Приговоры университетскаго суда представлялись на утвержденіе совѣта, въ вѣдѣніи котораго сосредоточивались всѣ отрасли университетскаго управленія — ученая, хозяйственная, судебная и полицейская.

Издавая уставъ 1863 г., министерство народнаго просвѣщенія снабдило его обширной вступительной статьей: «По поводу новаго университетскаго устава»; въ статьѣ выяснена подготовка устава и главные особенности его относительно устава 1835 г. Въ заключеніе этого официального комментарія высказана надежда, что, при новомъ уставѣ, русскіе университеты справятся съ двумя «одолѣвающими насъ недугами» — недостаткомъ знанія и полудузаніемъ, со всѣми неизбѣжными его спутниками: заносчивостью, рѣзкостью сужденій, непризнаніемъ факта, неуваженіемъ къ наукѣ.

¹⁾ См. унив. уставъ 1863 г., 111—113.

Уставъ 1863 г. не долго дѣйствовалъ во всемъ своемъ объемѣ. Попытки ослабить его значеніе начались чуть ли не съ года его учрежденія, отчетливо выразились уже въ 1872 г. въ возбужденіи вопроса о пересмотрѣ устава и ясно опредѣлились въ 1879 г. въ выдѣленіи и усиленіи инспекціи. Хотя всѣ университеты высказались противъ мѣропріятій 1879 г., находя, что они «построены на недоуверіи къ университетскимъ корпораціямъ и возлагаютъ на инспекцію неисполнимыя нравственно-воспитательныя обязанности и вооружаютъ ее недостойными средствами для воздѣйствія на студентовъ»¹⁾, хотя по представленію министра нар. просв. барона Николаи, дѣйствующій уставъ восстановленъ былъ въ 1881 г. въ полной силѣ, крушеніе его было близко, и приподнятое въ началѣ 60-хъ годовъ бодрое настроеніе университетскихъ сферъ быстро падало.

Харьковскій университетъ встрѣтилъ уставъ 1863 г. съ горячимъ сочувствіемъ и много поработалъ въ дѣлѣ практическаго его примѣненія въ условіяхъ мѣстной жизни.

Ректоръ университета Кочетовъ приготовилъ для произнесенія на торжественномъ актѣ 17 января 1864 г. рѣчь о значеніи новаго устава, которую, однако, не могъ произнести по болѣзни, и напечаталъ ее въ приложеніи къ «Акту» 1864 г. Указавъ «на капитальныя улучшенія, касающіяся самыхъ существенныхъ сторонъ университетской жизни», на увеличеніе числа кафедръ, вознагражденія профессорамъ, средствъ на учебно-вспомогательныя учрежденія, на приватъ-доцентуру, какъ въ высшей степени полезное учрежденіе», на расширеніе правъ совѣта, — Кочетовъ высказалъ увѣренность, что «ученая коллегія станетъ живымъ органомъ», и внутренняя жизнь университета будетъ расти и развиваться.

Однимъ изъ лучшихъ знатоковъ университетской жизни былъ проф. Рославскій-Петровскій. Въ прибавл. къ Харьк. Губ. Вѣд. 1864 г. онъ помѣстилъ обширную рецензію на статью Пирогова: «Русскіе университеты и университетскій вопросъ». Статья эта была написана еще въ маѣ 1863 г., т. е. ранѣе введенія новаго устава. Въ отдѣльномъ оттискѣ она заняла 68 печатныхъ страницъ. Сначала Рославскій-Петровскій излагаетъ вкратцѣ мысли и положенія Пирогова (1—26) и затѣмъ переходитъ къ ихъ критикѣ и оцѣнкѣ (26—68). Статья Рославскаго интересна во многихъ отношеніяхъ: по общимъ взглядамъ автора на значеніе и задачи университета, по отраженію его просвѣщенной и гуманной личности и по частнымъ его воспоминаніямъ о

¹⁾ Рождественскій, Историч. очеркъ дѣят. мин. нар. просв. 610.

старомъ Харьковскомъ университетскомъ бытѣ, о нѣкоторыхъ покойныхъ профессорахъ, о нѣкоторыхъ событіяхъ изъ его службы во время несенія обязанностей ректора, — матеріаль забытый, малоизвѣстный, но во многихъ деталяхъ интересный и цѣнный.

Соглашаясь съ Пироговымъ въ основныхъ пунктахъ, признавая свободу преподаванія и автономію необходимыми условіями развитія науки, въ частности университетовъ, Рославскій-Петровскій вноситъ въ общія соображенія Пирогова разныя поправки и дополненія практическаго характера, выясняя въ однихъ случаяхъ причины университетскихъ недостатковъ, въ другихъ откровенно указывая пути къ ихъ исправленію, наиболѣе, съ его точки зрѣнія, удобныя. Общій строй мысли — высокій: вездѣ выступаетъ человѣкъ большого нравственнаго достоинства, чуждый угодливости передъ сильными или популярничанья передъ молодежью. «Профессоръ, говоритъ Рославскій-Петровскій, который изъ желанія угодить своей аудиторіи рѣшается искажать науку, не достоинъ имени наставника» (стр. 28). Авторъ не соглашается съ мнѣніемъ Пирогова о слабости жизненныхъ силъ русскихъ университетовъ того времени, и его возраженія по этому поводу оправданы вполне исторіей. Рославскій-Петровскій находилъ большіе успѣхи, по сравненію съ тѣмъ, что представляли русскіе университеты дѣтъ тридцать назадъ. «Тогда преподаваніе въ нашихъ университетахъ было дѣйствительно весьма слабо, и аудиторіи, не смотря на блестящія исключенія, представляли много уродливаго и смѣшного, хотя вакантныхъ кафедръ было, можетъ быть, менѣе, чѣмъ теперь. Грѣхъ сказать что-нибудь подобное про современные русскіе университеты. Личный составъ ихъ не только несравненно выше университетскаго персонала въ концѣ 20-хъ и въ началѣ 30-хъ годовъ, но и удовлетворительнѣе, чѣмъ былъ въ эпоху, слѣдовавшую непосредственно за возвращеніемъ изъ-за границы воспитанниковъ профессорскаго института». Въ примѣръ далѣе приведены юридическіе факультеты Петербургскаго и Харьковскаго университетовъ и историко-филологическій факультетъ Харьковскаго университета, какъ болѣе другихъ автору извѣстный. Рославскій-Петровскій отмѣчаетъ губительное вліяніе господствовавшего въ 20-хъ годахъ обскурантизма, выразившагося въ удаленіи Осиповскаго и Шада. Авторъ высказывается противъ бюрократизма, усматривая его не въ чинахъ, которые «въ университетскомъ кругу никогда не имѣли особеннаго значенія», а 1) въ узко-формальномъ отношеніи профессоровъ къ студентамъ, 2) въ отношеніи высшей инстанціи къ коллегіи и 3) въ порядкѣ дѣлопроизводства, причемъ наглядно приведены тѣ постановленія, которыя вышли послѣ устава 1835 г., урѣзывая данныя имъ

коллегии права. По нашему мнѣнію, говоритъ Рославскій-Петровскій, лучше всего было бы принять тѣ §§ устава 1804 г., которыхъ существенное отличіе отъ устава 1835 г. заключается въ неприкосновенности личнаго состава коллегии и въ предоставленіи ей значительнаго вліянія на учебную часть округа» (стр. 47). Попутно высказаны замѣчательно дѣльныя мысли о необходимости предоставленія профессорамъ большаго простора для публичныхъ лекцій, о неудобствѣ допущенія выраженій одобренія или порицанія лекцій со стороны студентовъ (стр. 52, 54—55), причемъ Рославскій-Петровскій приводитъ нѣкоторые случаи своего личнаго вмѣшательства во время несенія ректорскихъ обязанностей въ 1858 г. Высказываясь противъ обязательныхъ экзаменовъ и репетицій, Рославскій-Петровскій находитъ весьма полезнымъ возстановить рекомендуемыя уставомъ 1804 г. устные бесѣды профессоровъ со студентами по предметамъ университетскаго преподаванія ученыхъ семинарій по программамъ. Наконецъ, Рославскій-Петровскій категорически высказывается противъ «полицейскаго надзора за нравственностью студентовъ, безъ котораго русскіе университеты въ первые годы своего существованія обходились безъ всякаго ущерба для себя и учащейся въ нихъ молодежи». Вмѣсто инспекціи выдвигается университетскій судъ и содѣйствіе самихъ преподавателей дѣлу порядка и законности, не въ видѣ старинныхъ перекличекъ или нравоученій, безплодность которыхъ доказана, но въ видѣ воспитанія въ молодежи «уваженія къ факту», «критической сортировки и полноты матеріала» въ лекціяхъ, развитія «основательности сужденія» (66—68).

Таковы были основныя идеи и принципы, нужно думать, не одного Рославскаго-Петровскаго, но и другихъ лучшихъ профессоровъ харьковскаго университета, принципы тѣмъ болѣе характерныя, что ихъ открыто исповѣдовалъ бывшій ректоръ харьковскаго университета, занимавшій ректуру еще въ 50-ые годы.

Введеніе устава 1863 г. въ харьковскомъ университетѣ совпало съ назначеніемъ попечителемъ харьковскаго учебнаго округа К. К. Фойгта, — стеченіе обстоятельствъ весьма счастливое для университета. Фойгтъ, при строгой законности, былъ человѣкъ высокаго нравственнаго склада, съ широкимъ образованіемъ и идеально-гуманными стремленіями, въ духѣ освободительной эпохи. Первоначальная служба Фойгта прошла въ казанскомъ университетѣ, гдѣ онъ былъ профессоромъ по кафедрѣ исторіи русскаго языка и литературы, деканомъ историко-филологическаго факультета и проректоромъ. Съ 1 ноября 1852 г. онъ былъ переведенъ ректоромъ Императорскаго харьковскаго университета, 12 апрѣля 1859 г. назначенъ помощникомъ попечителя харьковскаго учебнаго округа, а

4 февраля 1863 г. попечителем сего округа. Мѣстное общество оцѣнило это назначеніе. «Здѣшнія учебныя заведенія, писалъ Фойгтъ министру народнаго просвѣщенія, привѣтствовали меня съ искреннимъ, повидимому, сочувствіемъ, и нѣкоторыя, въ Харьковѣ, прислали мнѣ свои поздравленія по телеграфу». Фойгтъ искренно объяснялъ это уваженіе къ нему тѣмъ, что онъ прошелъ «по тѣмъ же ступенямъ учебной администраціи»¹⁾.

По переводѣ въ 1867 г. въ Петербургъ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія и предсѣдателемъ ученаго комитета Фойгтъ обратился на имя ректора харьковскаго университета съ письмомъ, въ которомъ благодарилъ ректора и совѣтъ за то вниманіе и сочувствіе, какимъ онъ пользовался въ теченіе 14^{1/2} лѣтъ своего служенія въ Харьковѣ». Харьковскій университетъ, говоритъ здѣсь Фойгтъ, неизмѣнно сохранялъ свое высокое мѣсто въ ряду своихъ собратій, и я радуюсь, я горжусь тѣмъ, что и моему скромному имени, быть можетъ, суждено занять нѣсколько бѣглыхъ строкъ въ лѣтописяхъ его дѣятельности.... Воспоминаніе о харьковскомъ университетѣ будетъ всегда однимъ изъ самыхъ дорогихъ въ моей жизни, и я унесу его съ собою въ могилу, вмѣстѣ съ чувствомъ моего отличнаго къ вамъ уваженія».... Совѣтъ отвѣтилъ въ такихъ выраженіяхъ: «Совѣтъ считаетъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать передъ вашимъ превосходительствомъ, что онъ навсегда сохранитъ признательныя воспоминанія объ отношеніяхъ, въ которыхъ находился къ вамъ, какъ ректору университета и какъ попечителю харьковскаго учебнаго округа». Вспоминая о томъ времени, когда Фойгтъ былъ ректоромъ (по старому уставу, по назначенію, а не по выбору коллегіи), совѣтъ говоритъ: «Въ преніяхъ коллегіальныхъ, нерѣдко весьма оживленныхъ, никто не былъ стѣсняемъ въ выраженіи своего мнѣнія; но въ то же время вы умѣли вносить въ эти пренія духъ мира; самыя разнорѣчащія мнѣнія сближались и сходились, благодаря авторитету вашего слова, проникнутаго чувствомъ долга и искреннимъ желаніемъ пользы общей, пользы науки и ввѣреннаго вамъ учрежденія». И при реформѣ, съ расширеніемъ правъ совѣта, «совѣтъ продолжалъ смотрѣть на Фойгта, какъ на представителя высшихъ интересовъ науки и университета». «По-прежнему, говорится въ отвѣтѣ, вы не переставали оказывать вниманіе и содѣйствіе всѣмъ начинаніямъ совѣта, имѣющимъ въ виду эти интересы. Въ васъ, какъ ректорѣ и попечителѣ, совѣтъ университета видѣлъ образецъ чловѣка, преданнаго своему долгу, строгаго блюстителя законности, неусыпнаго

¹⁾ Арх. мин. нар. просв. Дѣло 1863 г. № 39295/1503.

ревиителя пользы университета и учебныхъ заведеній округа. Память о вашей дѣятельности сохранится навсегда въ лѣтописяхъ университета, а имя вашего превосходительства съ уваженіемъ и благодарностью будутъ вспоминать члены университетской коллегіи». Какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ, Фойгтъ въ ближайшемъ засѣданіи былъ избранъ въ почетные члены университета¹⁾.

Новый уставъ засталъ харьковскій университетъ въ такомъ положеніи: изъ 25 штатныхъ вакансій ординарнаго профессора занято было 23, изъ 13 вакансій экстраординарнаго профессора—8, изъ 9 вакансій адъюнкта—4, изъ 4 лектуръ—три. Почетныхъ членовъ было 86, членовъ-корреспондентовъ—15. Въ началѣ 1862-1863 академ. года студентовъ числилось 622, съ такимъ распредѣленіемъ по факультетамъ: историко-филологическомъ—31, физико-математическомъ—по разряду математическихъ наукъ—51 и по разряду естественныхъ наукъ—75, на юридическомъ—278 и медицинскомъ—186. Постороннихъ слушателей—129. Въ теченіе 1862-1863 акад. года слѣдующія каведры остались незанятыми: 1) по историко-филологическому факультету—римской словесности, философіи и педагогіи и лектура нѣмецкаго языка; 2) по физико-математическому факультету—должность преподавателя архитектуры; 3) по юридическому факультету—римскаго права, законовъ государственнаго благоустройства и благочинія и законовъ о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ; 4) по медицинскому факультету—врачебнаго веществословія и судебной медицины и должность преподавателя фармаціи и фармакогнозій²⁾. Учебно-вспомогательныя учрежденія находились въ такомъ положеніи: фундаментальная библіотека заключала въ себѣ 32855 названій. Въ теченіе года приобрѣтено 998 названій, выдано для чтенія 6420 названій, изъ числа которыхъ студентами взято болѣе 2420 названій. Законченъ былъ большой трудъ по составленію и изданію каталога, главнымъ образомъ благодаря трудамъ предсѣдателя библіотечной комиссіи проф. Коссова. Студенческая библіотека, вскорѣ, по требованію министерства, переданная въ фундаментальную, состояла изъ 195 названій. Кабинетъ для чтенія получалъ 75 иностранныхъ изданій и 36 русскихъ. Мюнцъ-кабинетъ состоялъ изъ 22000 экземпляровъ. Въ музеѣ изящныхъ искусствъ было до 1200 предметовъ и въ собраніи рисовальныхъ пособій до 940. Въ астрономическомъ кабинетѣ 143 предмета, въ физическомъ до 600 №№, въ химическомъ 740, минералогическомъ 310, въ зоологическомъ 16255, въ анатомическомъ 2977, въ технологическомъ 192, въ агрономическомъ 780, въ архитектур-

1) Протоколы засѣд. совѣта 18 августа и 5 сентября 1867 г.

2) Извѣстч. изъ отчета 1862/63 г. стр. 11 и др.

номъ 36 моделей, въ кабинетъ сравнительной анатоміи 346, въ фармацевтическомъ 313. Составъ ботаническаго кабинета не опредѣленъ. Въ клиникѣ терапевтической было 1082 больныхъ (940 амбул. и 142 стац.), хирургической 2522 (амб. 2301 и стац. 221), въ акушерской 127 (стац. 47). Въ типографіи было напечатано 18 сочиненій.

Новый уставъ вводилъ много новыхъ каедръ, давалъ большія средства, широко расширялъ права совѣта, въ общемъ—задалъ совѣту массу новой работы, которую совѣтъ и выполнилъ съ замѣчательнымъ усердіемъ. Въ теченіе второго, реформированнаго, полугодія совѣтъ имѣлъ 19 засѣданій. Фойгтъ конфиденціально писалъ министру народнаго просвѣщенія, что совѣтъ «дѣятельно занимается; члены онаго совѣщаются еженедѣльно, иногда и по два раза; совѣщанія идутъ спокойно и обдуманно.... Профессора вполне проникнуты сознаніемъ важности лежащей на нихъ обязанности. Лекціи свои, начавшіяся 9 сентября, они обрабатываютъ съ большимъ тщаніемъ, побуждаясь къ тому какъ искреннею любовью къ наукѣ и благороднымъ соревнованіемъ, такъ и требовательностью молодыхъ людей въ настоящее время»¹⁾. Какъ энергично работалъ совѣтъ, видно изъ того, что въ теченіе двухъ первыхъ мѣсяцевъ, съ половины іюля до половины сентябрю, имъ были составлены и затѣмъ попечителемъ утверждены: 1) положеніе о студентахъ и постороннихъ слушателяхъ; 2) правила о дѣлопроизводствѣ въ университетскомъ судѣ; 3) инструкція инспектору студентовъ; 4) правила о стипендіяхъ и пособіяхъ; 5) правила о пользованіи учебными пособіями—и, кромѣ того, были на разсмотрѣніи: 6) правила о повѣркѣ познаній вновь поступающихъ въ студенты университета; 7) правила о способѣ контроля надъ занятіями студентовъ и 8) сложные проекты о раздѣленіи факультетовъ на отдѣленія. Прежде всего раздѣленію по отдѣламъ подвергся историко-филологическій факультетъ, согласно съ проектомъ проф. Н. А. Лавровскаго, именно на отдѣлы: классическій, словесный и историческій, а въ концѣ года, 12 ноябрю, подробно обсуждался проектъ казанскаго университета о раздѣленіи юридическаго факультета на отдѣлъ государственный, или административный, и собственно юридическій, при чемъ совѣтъ, соглашаясь съ казанскимъ проектомъ по существу, внесъ существенныя поправки²⁾. Работа, очевидно, шла усиленная, въ высшей степени добросовѣстная, подъ руководствомъ выдающагося попечителя учебнаго округа, и тѣмъ болѣе нужно удивляться, что даже въ 1863 г. харьковскій университетъ не избѣгъ ложныхъ обвиненій и злонамѣренной клеветы. Исторія русскихъ

¹⁾ Дѣло изъ арх. м. н. пр. № 140523/3218.

²⁾ Протоколъ засѣд. сов. 12 ноябрю 1863 г.

университетовъ показываетъ, что у нихъ всегда были враги и недоброжелатели, явные и тайные, дѣйствовавшіе или изъ вражды къ наукѣ и просвѣщенію вообще, или изъ чувства оскорбленнаго самолюбія и личной мести. Враги послѣдней категоріи выходили большей частью изъ среды самихъ профессорскихъ коллегій и, какъ люди освѣдомленные и обозленные, обыкновенно оказывались самыми опасными врагами университета. 31 декабря 1864 г. попечитель Фойгтъ писалъ министру народнаго просвѣщенія буквально слѣдующее: «Конфиденціальнымъ предложеніемъ отъ 12 декабря сего года за № 67 Ваше Высочайшее изволеніе сообщило мнѣ въ высшей степени грустное какъ для меня лично, такъ и для всего состава Императорскаго харьковскаго университета извѣстіе, и до Высочайшаго Его Императорскаго Величества свѣдѣнія дошли весьма неблагоприятныя отзывы о харьковскомъ университетѣ, а именно: что 1) студенты онаго весьма мало занимаются науками; 2) проводятъ время въ трактирахъ, ведутъ разгульную жизнь и буйствуютъ на улицахъ, и что 3) эти прискорбныя явленія происходятъ отчасти а) отъ ослабленія со стороны университетскаго начальства по контролю за ихъ занятіями, б) отъ невзысканія съ нихъ платы за ученіе, с) манкированіе профессорами лекцій и вообще, д) отъ неисполненія въ университетѣ должнаго порядка. Ваше Высочайшее изволеніе вмѣстѣ съ тѣмъ поручили мнѣ передать вышеизложенное въ негласномъ собраніи совѣту университета и представить Вамъ, для доклада Государю Императору, объясненія, какія я признаю справедливыми. Вслѣдствіе сего и проникнутый чувствомъ нравственнаго долга разъяснить со возможной точностью и подробностью вышепрописанныя обвиненія противъ высшаго въ харьковскомъ учебномъ округѣ заведенія, ввѣреннаго моему управленію, я немедленно предложилъ г. ректору университета, ординарному профессору Кочетову пригласить членовъ совѣта въ негласное собраніе для представленія надлежащихъ объясненій, а равнымъ образомъ конфиденціально отнесся къ г. начальнику харьковской губерніи графу Сиверсу, съ просьбой увѣдомить меня какъ вообще о поведеніи студентовъ внѣ стѣнъ университета за весь 1864 годъ, такъ и о всѣхъ частныхъ случаяхъ нарушенія ими общественнаго порядка по тѣмъ даннымъ, какія имѣются въ полицейскомъ управленіи».

Оправдательное объясненіе, представленное Фойгтомъ министру, отличается такимъ документальнымъ характеромъ, такъ основательно обставлено доказательствами и такъ характерно въ историческомъ смыслѣ для харьковскаго университета того времени и для обрисовки благородной личности самого Фойгта, что историкъ харьковскаго

университета обязанъ использовать это объясненіе въ надлежащей полнотѣ. На запросъ попечителя учебнаго округа харьковскій губернаторъ графъ Сиверсъ прислалъ такое увѣдомленіе: «Со времени подчиненія студентовъ внѣ стѣнъ университета вѣдѣнію полиціи не было замѣчено, чтобы молодые люди предавались разгульной жизни, хотя и встрѣчались немногіе примѣры буйства и вообще неуваженія къ порядку. Эти исключенія преимущественно происходили вслѣдствіе пагубной наклонности въ нетрезвой жизни. Но справедливость требуетъ сказать, что въ послѣднее время поступки, недостойныя званія студента, стали явленіемъ довольно рѣдкимъ, и что нравственность университетской молодежи несомнѣнно улучшилась. Перечень случаевъ полицейскаго разбирательства въ 1864 г. вполнѣ оправдываетъ это замѣчаніе, если принять при томъ въ соображеніе, что изъ 15 жалобъ на студентовъ 9 окончено миролюбиво, и только по 6 было производство. Сии послѣднія касаются студентовъ: 1) Мих. Бѣлецкаго за дерзкое обращеніе съ театральнымъ капелъдиномъ; 2) Ник. Попова, по поводу жалобы крестьянки Рябцовой за нанесеніе ей побоевъ (жалоба оставлена безъ послѣдствій по бездоказательности); 3) Ив. Навроцкаго, взятаго въ Карповскомъ саду за ношеніе кинжала; 4) Вас. Захарьина, доставленнаго въ часть въ нетрезвомъ видѣ; 5) Александра Витковского и Христ. Тапрова за буйство въ квартирѣ казачки Темниковой, и 6) Эд. Рымкевича, взятаго за то, что не захотѣлъ объявить о своемъ званіи... Долгомъ считаю объяснить, заканчиваетъ графъ Сиверсъ свой отвѣтъ, что общее заключеніе мое о поведеніи молодыхъ людей должно быть сдѣлано въ ихъ пользу и что приведенные выше случаи, по маловажности своей, не могутъ измѣнить во мнѣ этого убѣжденія».

Итакъ, говоритъ Фойгтъ, при массѣ студентовъ университета, до боо человекъ, число дѣлъ, признанныхъ заслуживающими производства, одинъ процентъ. Совѣтъ вошелъ въ подробное обсужденіе всѣхъ пунктовъ обвиненія и по каждому изъ нихъ представилъ объясненіе. Относительно перваго обвиненія, что «студенты весьма мало занимаются науками», совѣтъ отвѣтилъ что студенты выказываютъ особенное стремленіе къ научнымъ занятіямъ, въ видѣ исправнаго посѣщенія лекцій, обращеній къ профессорамъ съ просьбами по содержанію лекцій, практическихъ занятій и самостоятельныхъ ученыхъ изслѣдованій, при чемъ въ подтвержденіе приводятся выдающіеся сочиненія Мечникова, Селастенникова, Закса, Любарскаго и Заленскаго. На первомъ мѣстѣ стоитъ Мечниковъ—гордость и краса русской науки, напечатавшій въ 1863 г. уже нѣсколько работъ въ специальномъ германскомъ журналѣ по анатоміи и физиологіи. Члены совѣта удостовѣрили, что «именно

въ послѣдніе два года, т. е. съ введеніемъ новаго устава, они съ отраднымъ чувствомъ видѣли въ студентахъ постоянно усиливающеяся стремленіе къ серьезному научному труду, и тѣмъ для нихъ прискорбнѣе обвиненіе, павшее на нихъ въ этомъ отношеніи». Попечитель добавляетъ къ этому, что число взятыхъ студентами изъ библіотеки въ 1864 г. книгъ простирается до 2850 названій, болѣе противъ 1863 г. на 430 названій, и число перешедшихъ изъ курса въ курсъ и окончившихъ полный курсъ ученія также значительно поднялось. По поводу второго обвиненія: относительно неодобрительнаго поведенія студентовъ внѣ университета — замѣчено, что жалобъ на студентовъ со стороны полиціи или общества не поступало и, что при массѣ въ боо человѣкъ, невозможно и устранить случаевъ нарушенія правилъ нравственности и приличія, особенно при соображеніи возраста студентовъ, неустановившагося характера, различія происхожденія и различія воспитанія, предшествующаго поступленію въ университетъ. Нельзя, по мнѣнію совѣта и попечителя, предупредить ни нужныхъ по временамъ заявленій въ театрѣ, ни посѣщеній ресторановъ для завтрака или гостиницъ для игры на бильярдѣ, ни излишняго иногда употребленія горячихъ напитковъ и т. п., но такія отступленія отъ строгой нравственности между студентами встрѣчаются довольно рѣдко и далеко недостаточны для того, чтобы ослабить общее благоприятное мнѣніе объ ихъ поведеніи». Другими словами, совѣтъ въ этомъ отношеніи совершенно сошелся съ мнѣніемъ губернатора. По поводу третьяго обвиненія: о недостаткѣ контроля за занятіями студентовъ — объяснено, что съ введеніемъ устава 1863 г. контроль этотъ значительно усиленъ, въ видѣ установленія для стипендіатовъ полугодичныхъ репетицій, введенія испытанія на всѣхъ курсахъ, между тѣмъ какъ до 1863 г. испытаніе обязательно было лишь при переходѣ со 2-го курса на третій. Съ своей стороны Фойгтъ добавляетъ, что испытанія и репетиціи производятся съ точностью и добросовѣстностью и, что ему, попечителю, не разъ приходилось слышать отзывы, что харьковскій университетъ въ сравненіи съ другими даже слишкомъ строгъ въ своихъ требованіяхъ. По поводу четвертаго обвиненія: о послабленіяхъ во взысканіи платы за ученіе — объяснено, что въ первомъ полугодіи 1864 г. изъ 526 студентовъ внесли плату 281, 13 исключено за невзносъ платы; остальные — стипендіаты; во второй половинѣ 1864 г. изъ 556 студентовъ внесли плату 346, исключено за невзносъ 33. Посторонніе слушатели не были освобождаемы отъ платы. Освобожденіе отъ платы обусловлено было хорошими успѣхами и одобрительнымъ поведеніемъ, при представленіи законнаго свидѣтельства о бѣдности. Относительно

пятого обвиненія профессоровъ въ пропускѣ лекцій представлена подробная вѣдомость, сколько лекцій пропущено каждымъ профессоромъ въ отдѣльности въ 1863—1864 акад. году, по полугодіямъ. Изъ этой вѣдомости видно, что изъ наличнаго числа 42 преподавателей во второмъ (отчетномъ) полугодіи пропуски были только у 18 и то по вполне законнымъ причинамъ. 24 преподавателя не пропустили ни одной лекціи. Изъ общаго въ полугодіе числа лекцій 3972 пропущено было всего 182, т. е. еле $\frac{1}{22}$ часть,—процентъ, ясно, по словамъ Фойгта, говорящій въ пользу усердія профессоровъ и надлежащаго пониманія ими важности лежащаго на нихъ гражданскаго долга. По поводу шестого обвиненія: относительно неисполненія студентами долгаго въ университетѣ порядка—совѣтъ заявилъ, что не имѣетъ ни одного факта, который могъ бы служить подтвержденіемъ для этого обвиненія.

Ректоръ, каковымъ былъ въ то время проф. Кочетовъ, съ своей стороны добавилъ слѣдующее: «Я нарушилъ бы долгъ, налагаемый на меня закономъ и моею совѣстью, если бы не засвидѣтельствовалъ при настоящемъ случаѣ о вполне добросовѣстномъ исполненіи г.г. профессорами университета ихъ преподавательскихъ обязанностей. Эта добросовѣстность не поддерживается только внѣшними побужденіями, но коренится въ самомъ духѣ, которымъ проникнуто ученое сословіе университета, лежитъ въ его нравахъ, и тотъ изъ преподавателей, который рѣшился бы пренебрегать своими обязанностями къ вреду слушателей университетскихъ лекцій, неминуемо и болѣе всего подвергся бы строгому осужденію со стороны своихъ сотоварищей».

Фойгтъ, подтверждая, съ своей стороны, вѣрность заключеній губернатора, совѣта и ректора, говоритъ, что «по долгу совѣсти и присяги рѣшается смѣло засвидѣтельствовать, что харьковскій университетъ исполняетъ свое призваніе честно: профессора его глубоко и вполне проникнуты сознаніемъ важныхъ обязанностей, лежащихъ на нихъ; они всецѣло преданы ученымъ занятіямъ и дѣлу преподаванія; возвращаются исключительно въ сферѣ университетской жизни и въ тиши своихъ кабинетовъ заботятся болѣе всего объ успѣхахъ своей науки и успѣхахъ своихъ слушателей; и университетская молодежь приняла рѣшительное направленіе къ лучшему: прекратились сходки для шумныхъ веселій и сборища для сословныхъ заявленій; не видно ни мнимо прогрессистскихъ выходокъ, ни національных тенденцій; большинство студентовъ, за неизбѣжными исключеніями, обратилось къ наукѣ въ виду той новой серьезной дѣятельности, къ которой призываютъ ихъ новыя великія преобразованія нашего отечества; аудитории переполнены; исправное и усердное посѣщеніе лекцій входитъ

въ обычай, сопровождаемое небывалымъ доселѣ вниманіемъ къ урокамъ преподавателей и необязательными трудами, какъ домашними, такъ и въ библіотекѣ, кабинетахъ, лабораторіяхъ и клиникахъ». Фойгтъ пишетъ, что неудовольствіе государя тяжело было для всѣхъ лицъ, причастныхъ университету. «Доброе мнѣніе и доброе слово монарха, мудраго и благодущнаго преобразователя своего народа, дороже для университета всѣхъ тѣхъ благъ, которыми онъ щедро надѣлялъ. Пишу настоящее донесеніе мое со всею правдивостью, такъ заканчиваетъ Фойгтъ, и каждое слово, вылившееся изъ-подъ пера моего, принимаю на исключительную и полную мою отвѣтственность»¹⁾.

Кто былъ виновникомъ всѣхъ этихъ огорченій попечителя и совѣта? Есть основаніе думать, что такимъ виновникомъ былъ отставной, забаллотированный въ совѣтъ въ 1857 г. проф. Платоновъ, который въ половинѣ 60-хъ годовъ настойчиво добивался снова войти въ университетъ помимо совѣта и въ 1866 г., между прочимъ, просилъ министра народнаго просвѣщенія назначить его наблюдателемъ за профессорами всего харьковскаго университета, съ точки зрѣнія благонамѣренности и патріотическаго усердія, въ предѣлахъ пониманія просителя, съ назначеніемъ ему за то увеличеннаго оклада жалованья изъ спеціальныхъ средствъ университета. Свою странную просьбу Платоновъ мотивировалъ тѣмъ, что попечителю учебнаго округа, по обилію занятій, некогда наблюдать за благонамѣренностью и патріотическимъ усердіемъ профессоровъ, а ректору и деканамъ, какъ людямъ выборнымъ, бесполезно давать такое «порученіе, такъ какъ они, по мнѣнію Платонова, не возвышаются надъ уровнемъ убѣжденій, питаемыхъ товарищами, подлежащими надзору», а по пословицѣ, говоритъ Платоновъ, воронъ ворону глазъ не выклюстъ, а что онъ, Платоновъ, въ этомъ отношеніи выдѣляется, онъ предлагаетъ министру запросить о его благочестіи и благонамѣренности архіереевъ: харьковскаго, тверскаго, костромскаго, воронежскаго и вятскаго—5 архіереевъ, въ томъ числѣ даже удалившагося уже на покой воронежскаго архіеп. Іосифа. Министерство отвѣтило на эту просьбу кратко и съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, что по уставу 1863 г. должности наблюдателя не полагается. Насколько домогательство Платонова о наблюдательствѣ было неумѣстно, видно, напр., изъ того высочайшаго вниманія, какого былъ удостоенъ харьковскій университетъ въ 1863 году. Въ этомъ году государь наследникъ посѣтилъ Харьковскій университетъ, присутствовалъ на лекціяхъ и согласился на избраніе его въ почетные члены университета. Великій

¹⁾ Дѣло изъ арх. мин. нар. просв.

князь прибылъ въ Харьковъ 5 окт., въ 2 ч. дня; въ 3¹/₂ ч. состоялся общій пріемъ, причѣмъ въ числѣ представлявшихся были ректоръ и деканы; 6 октября произведены были осмотры института благородныхъ дѣвицъ и ветеринарнаго института; 7 октября осмотры женская Маріинская гимназія и университетъ, послѣдній между 10—12 часами. Впервые государь наслѣдникъ посѣтилъ лекцію профессора Пахмана (10—10¹/₂ час. въ 1-й аудиторіи): «Объ основаніяхъ гражданской подсудности по теоріи и по началамъ русскаго права». Вторая лекція (отъ 10¹/₂ до 11 ч. въ 5 №), проф. Каченовскаго, имѣла предметомъ «объясненіе понятій греческихъ философовъ о международномъ союзѣ, ученія Сократа объ обязанностяхъ къ отечеству и человѣчеству и Платона о внѣшнихъ сношеніяхъ народовъ, войны и вѣчномъ мирѣ». Третья лекція (отъ 11—11¹/₂ въ 1 ауд.), проф. Станиславскаго: «О священныхъ правахъ и преимуществахъ верховной и самодержавной власти и преимущественно власти законодательной, а именно: въ порядкѣ изданія законовъ, различныхъ ихъ видахъ и формахъ, обнародованіе и дѣйствіе законовъ, ихъ отмѣнѣ и храненіи». Четвертая лекція, проф. Н. Лавровскаго (11¹/₂—12 въ 5 №): «О психологическихъ свѣдѣніяхъ, заключающихся въ памятникахъ древней русской литературы и преимущественно въ повѣсти о Варлаамѣ и Іосафѣ». Выборъ этихъ лекцій предварительно былъ сдѣланъ графомъ С. Г. Строгановымъ, сопровождавшимъ великаго князя, примѣнительно къ порядку курсовъ, такъ, по крайней мѣрѣ, сказано въ официальномъ отчетѣ попечителя Фойгта; но, судя по содержанію лекцій, нужно допустить нѣкоторое приспособленіе къ обстоятельствамъ. Послѣ каждой лекціи великій князь благодарилъ профессора и велъ съ нимъ бесѣду о предметахъ его спеціальныхъ занятій. При такой бесѣдѣ съ проф. Лавровскимъ наслѣдникъ цесаревичъ, между прочимъ, замѣтилъ, что повѣсть о Варлаамѣ и Іосафѣ заключается не только въ списокъ, хранящемся въ Императорской публичной библіотекѣ, но и въ списокъ Московской синодальной библіотеки. Къ обѣду были приглашены попечитель и ректоръ. Въ день отъѣзда въ Петербургъ, 8 октября, ректоръ и деканы благодарили великаго князя за посѣщеніе университета и просили принять званіе почетнаго члена харьковскаго университета. Великій князь любезно согласился и обѣщалъ испросить на то согласіе государя императора¹⁾. Свое пребываніе въ университетѣ наслѣдникъ цесаревичъ ознаменовалъ добрымъ дѣломъ—учрежденіемъ пяти стипендій на четырехлѣтній университетскій курсъ для наиболѣе бѣдныхъ и прилежныхъ

¹⁾ Дѣло арх. м. и. пр. 1863. № 143552.

студентов¹⁾. 23 декабря 1863 года последовало Высочайшее соизволение на принятіи наследникомъ цесаревичемъ званія почетнаго члена Импер. харьковскаго университета, заслушанное въ совѣтъ 7 января 1864 года, и тогда же состоялось постановленіе совѣта о поднесеніи диплома черезъ попечителя округа²⁾.

Сохранилось не много такихъ актовъ, въ которыхъ выражены были бы соціально-политическіе взгляды профессорской коллегии реформированнаго харьковскаго университета. Въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе всеподданнѣйшій адресъ, поднесенный въ 1863 г. совѣтомъ университета государю императору по поводу польскаго возстанія, слѣдующаго замѣчательнаго содержанія:

Всемилостивѣйшій Государь! Сила народа—въ твердости сознанія его правъ и обязанностей: уясненіе этого сознанія—дѣло образованія. Здѣсь общественное значеніе университетовъ и ихъ неразрывная связь съ судьбою народа. Вѣрные нашему призванію, мы просимъ Васъ, Государь, принять выраженіе нашихъ всеподданнѣйшихъ чувствъ любви и преданности, въ виду возобновившихся посягательства на цѣльность и нераздѣльность всероссійскаго государства. Посягательства эти отголосокъ прошедшаго: Исторія произнесла уже надъ ними свой правдивый судъ, закрѣпивъ его рядомъ народныхъ бѣдствій и великихъ жертвъ, принесенныхъ въ защиту единства русской земли. Но, написавъ свой приговоръ кровью двухъ единоплеменныхъ народовъ, исторія предоставила будущему ихъ братское примиреніе путемъ уравниенія и расширенія ихъ гражданскихъ правъ, удаленія тѣхъ преградъ, которыя постановило между ними прошедшее, и скрѣпленія ихъ кровнаго племенного союза силой взаимной любви и довѣрія для будущихъ историческихъ подвиговъ. Рядомъ дарованныхъ уже правъ, выраженныхъ Вашимъ Величествомъ твердымъ намѣреніемъ дѣйствовать въ томъ же направленіи, и всепрощенія, изреченнымъ въ день общаго христіанскаго примиренія, Вы предначертали, Государь, этотъ путь мира и любви, въ которыхъ заключается—мы вѣримъ—вѣрный долгъ спокойствія и благоденствія народовъ». Подписали: ректоръ Кочетовъ и деканы факультетовъ: Н. Лавровскій, Чернай, Паломбецкій и Альбрехтъ.

Внѣшняя матеріальная обстановка университета была всегда неудовлетворительна, а въ 70-хъ годахъ въ особенности сильно чувствовался этотъ недостатокъ. Для университета не было построено, при его открытіи, приспособленнаго помѣщенія; онъ воспользовался тѣми,

¹⁾ Актъ въ Импер. хар. унив. 1864. Отчетъ, стр. 7. Протоколъ засѣд. сов. 8 октября 1863 года.

²⁾ Протоколъ. 1864 г., янв. 7.

какія дали, и въ теченіе всего истекшаго періода сильно страдалъ отъ тѣсноты и неприспособленности зданій. Въ 1810 году образованный туристъ, князь Долгорукій, проѣзжая черезъ Харьковъ, записалъ: «университетъ помѣщенъ въ генераль-губернаторскомъ домѣ, чаятельно, на время, потому что онъ не довольно для сей цѣли обширенъ»¹⁾. Такимъ образомъ, уже черезъ пять лѣтъ по открытіи университета представлялся «не достаточно обширнымъ». Попечитель харьковского учебнаго округа Перовскій, ознакомившись близко съ положеніемъ университета, доносилъ въ 1826 году въ министерство народного просвѣщенія, что нашелъ университетъ столь бѣднымъ во всѣхъ почти отношеніяхъ и столь мало соотвѣтствующимъ самымъ умѣреннымъ ожиданіямъ», что не рѣшился даже представить оффиціального отчета о его состояніи, не переговоривъ предварительно съ министромъ²⁾; донесеніе въ высочайшей степени характерное. Какъ человѣкъ весьма образованный, издававшій университеты въ Западной Европѣ, Перовскій стыдился писать о харьковскомъ университетѣ—въ такомъ черномъ тѣлѣ былъ онъ въ 1826 г. Поэтъ-гуманистъ В. А. Жуковскій, посѣтивъ въ 1837 г. харьковскій университетъ, въ свѣтъ наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: «Въ университетѣ—бѣдность и тѣснота», всего два слова—бѣдность и тѣснота, и—только. Совѣтъ въ засѣданіи 31 мая 1865 г. входилъ въ подробное обсужденіе необходимости расширенія помѣщенія, примѣнительно къ требованіямъ устава 1863 г., новыхъ кафедръ. По этому уставу къ учрежденіямъ 1835 г. добавлялись еще слѣдующія: 1) астрономическая обсерваторія; 2) кабинетъ практической механики; 3) кабинетъ физической географіи; 4) метеорологическая обсерваторія; 5) кабинетъ геологическій и палеонтологическій; 6) зоотомическій кабинетъ съ лабораторіей; 7) фیزیологическій кабинетъ; 8) музей патологической анатоміи; 9) гистологическій кабинетъ; 10) судебно-медицинскій кабинетъ,—и для многихъ или совсѣмъ не оказывалось помѣщенія, или помѣщенія признавались совсѣмъ не соотвѣтствующими новымъ требованіямъ. Такъ, зоотомическій кабинетъ, учрежденный въ 1859 г., фیزیологическій кабинетъ, помѣщенный въ бывшихъ спальняхъ казеннокоштныхъ студентовъ,—оказывались совсѣмъ тѣсными. Геологію еще нужно было отдѣлить отъ минералогіи, анатомію патологическую отъ фیزیологической, клиники требовали расширенія съ 42 до 75 кроватей, и требовались совсѣмъ новыя помѣщенія для обсерваторій астрономической и метеорологической и для кабинетовъ практической механики, физической

¹⁾ Проф. Д. И. Багалъй. Опытъ ист. Харьк. Универ. I, 477.

²⁾ Проф. А. И. Кирличниковъ, Очерки по нов. рус. литер. I, 105.

географіи и судебной медицины. Хотя по уставу полагались казенныя квартиры для ректора, инспектора, бібліотекаря, секретарей совѣта, правленія и по студенческимъ дѣламъ, казначея, бухгалтера и ээкекутора, но лишь для послѣдняго была квартира. Совѣтъ проектировалъ рядъ перестроекъ и новыхъ сооружений, и разныя перемѣщенія, большею частью или совсѣмъ не осуществленныя въ ближайшія два десятилѣтія, по хроническому недостатку средствъ. Любопытно, что пустопорожнія мѣста передъ университетскимъ садомъ предложены были для покупки по 2 руб. 40 к. за квадрат. саж. (нынѣ около ста руб.). Постройка зданія для квартиръ ректора, инспектора и др. шести чиновниковъ университета проектирована была въ церковномъ дворѣ, что никогда не было выполнено въ цѣлости.

Особенно острый характеръ вопросъ о расширеніи помѣщеній университета получилъ въ 1879—1882 годахъ, когда онъ былъ связанъ съ вопросомъ о передачѣ университету квартиры попечителя. Бывшій тогда попечителемъ генералъ Максимовскій смотрѣлъ на это осложненіе, какъ на попытку умаленія его власти и значенія, и отсюда цѣлый рядъ столкновеній, неудовольствій и жалобъ въ министерство со стороны обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ.

Благодаря крупному пожертвованію богатаго сумскаго сахарозаводчика Харитоненка (100 т. руб., къ которымъ потомъ добавлено было еще 50 т. р., съ 4⁰/₁₀, которые шли на 20 стипендій имени Харитоненка), въ концѣ Сумской ул. было построено громадное зданіе, первоначально предназначавшееся для общежитія студентовъ, на открытіи котораго въ чисто дисциплинарныхъ цѣляхъ очень настаивалъ министр Деляновъ; но, вмѣсто общежитія, по настойчивымъ просьбамъ попечителя Максимовскаго, желавшаго удержать за собой квартиру, зданіе это было передано медицинскому факультету для его аудиторій, лабораторій и кабинетовъ. Для общежитія впослѣдствіи построено было вблизи другое зданіе, открытое для пользованія лишь съ 1903 года. Позднѣе въ томъ же районѣ были выстроены обширныя помѣщенія для университетскихъ клиникъ. Къ концу дѣйствія устава 1863 г., такимъ образомъ, медицинскій факультетъ въ значительной степени обособился отъ остальныхъ. Прежде студенты и профессеры всѣхъ факультетовъ собирались въ однихъ и тѣхъ же аудиторіяхъ и лекторіяхъ. Было, правда, очень тѣсно; но было много взаимнаго знакомства и вліянія, въ интересахъ общей умственной и нравственной солидарности.

Какъ бы то ни было, медицинскій факультетъ относительно помѣщеній получилъ значительное благоустройство; но на остальныхъ факультетахъ тѣснота еще болѣе возрастала и угнетала. Проф. А. И.

Кирпичниковъ, пробывшій въ Харьковскомъ университетѣ около 9 лѣтъ (70 и 80 годы), въ 1903 г. въ своихъ «Очеркахъ по ист. нов. русск. литер.» замѣтилъ, что «бѣдность Харьковскаго университета, поразившая Перовскаго почти 70 лѣтъ назадъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи помѣщенія, сдѣлалась чѣмъ-то традиціоннымъ и неизбѣжнымъ». Не помогали здѣсь даже всемогущія въ приложеніи къ университету политическія и дисциплинарныя соображенія начальства, когда попечитель Максимовскій въ 1882 г. писалъ, что для того, чтобы студенты заняты были своимъ дѣломъ, необходимо прежде всего имѣть мѣсто, гдѣ бы они могли заниматься. Недостатъ къ помѣщенія ведетъ здѣсь прямо къ законному ничегонедѣланію, и праздношатающаяся масса легче всего поддается агитаціи»¹⁾. Обостренность отношеній попечителя округа Максимовскаго къ совѣту въ 1880—1882 г. въ значительной степени была обусловлена поднятымъ въ совѣтѣ вопросомъ объ отводѣ для нуждъ университета квартиры, занимаемой попечителемъ въ зданіи университета. Максимовскій отнесся къ этому вопросу очень горячо, и въ возникшей по этому поводу сложной перепискѣ съ министерствомъ, разсматривалъ его, какъ попытку умалить значеніе попечителя. А между тѣмъ это было дѣло старое: поднято оно было еще въ засѣданіи совѣта 29 сентября 1870 года и обусловлено было той крайней недостаточностью помѣщенія университета, на которую жаловались всѣ попечители учебнаго округа, которую вполне признавалъ и генералъ Максимовскій въ своихъ донесеніяхъ министерству о нуждахъ университета. Желая внести какое-либо улучшеніе взаменъ сохраненія квартиры, попечитель внушилъ нѣкоторымъ членамъ совѣта несчастную мысль войти въ совѣтъ съ предложеніемъ о перенесеніи музея изящныхъ искусствъ частью въ актовъ залъ, а большей частью куда-то въ склады, въ сараи и на чердаки, что было равносильно закрытію музея; но совѣтъ большинствомъ голосовъ отклонилъ это предложеніе и такимъ образомъ спасъ одно изъ богатѣйшихъ и полезнѣйшихъ университетскихъ учреждений. Имущество на десятки, а можетъ быть, и сотни тысячъ рублей, собирать которое началъ еще В. Н. Каразинъ, художественныя коллекціи, составленныя въ Италіи и въ Германіи въ теченіе многихъ лѣтъ тонкими знатоками искусства Беукимъ и Алфировымъ, гравюры Дюрера, акварели Тадемы, картины Ахенбаха—все на чердакъ! Развѣ это не болѣзненная конвульсія учрежденія въ моментъ тяжкаго удущья? Необходимость удержанія квартиры въ зданіи университета генералъ Максимовскій мотивировалъ, съ одной стороны,

¹⁾ Дѣло арх. м. н. п. 1882. № 153020/3556.

финансовыми причинами—трудностью найти подходящую квартиру въ частномъ домѣ и дороговизной такой квартиры въ Харьковѣ—до 3000 р., а съ другой—причинами политическими—необходимостью постоянного надзора за студентами. 14 марта 1884 года Максимовскій писалъ въ министерство: «Харьковскій университетъ издавна ведетъ упорную борьбу съ попечителемъ округа, стремясь всѣми мѣрами выселить послѣдняго изъ занимаемой имъ квартиры. Здѣсь дѣло, собственно, не въ квартирѣ, а въ томъ, чтобы попечитель не жилъ въ центрѣ университетскихъ помѣщеній. Вопросъ объ этомъ поднимался во время министерства графа Д. А. Толстого и затѣмъ при ст.-секретарѣ Сабуровѣ. И тотъ, и другой прямо и рѣшительно прекратили домогательство университетскаго совѣта... Послѣ университетскихъ волненій 1882 года вновь возникла агитація въ средѣ профессоровъ по поводу квартиры попечителя. Въ Харьков. Статист. Листкѣ, ред. орд. проф. университета Сокальскимъ, появилась статья самого редактора, въ высшей степени недостойная по тону и оскорбительности для авторитета попечителя, по вопросу о той же квартирѣ. Желая въ это время самъ удалиться съ занимаемого мною поста, я не возбуждалъ оффиціального преслѣдованія Сокальскаго, хотя объ этомъ обстоятельстве я довелъ до свѣдѣнія министерства». Министръ нар. просв., какимъ въ то время былъ И. Д. Деляновъ, однако, имѣлъ по этой части обстоятельныя и разностороннія свѣдѣнія, и 8 февр. 1882 года потребовалъ передачи квартиры университету на потребности медицинскаго факультета¹⁾; но это требованіе не было исполнено, такъ какъ Максимовскому удалось выхлопотать для медицинскаго факультета предназначавшееся для общежитія зданіе Харитоненка. Вскорѣ Максимовскій уволился, послѣдовалъ новый уставъ 1884 года, а вмѣстѣ съ нимъ и новый попечитель Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ; вопросъ о квартирѣ попечителя совершенно былъ устраненъ. Весь этотъ квартирный инцидентъ имѣетъ эпизодическій характеръ. Онъ вызвалъ въ свое время много огорченій, былъ причиной большой переписки и отразился въ мѣстной печати въ видѣ упомянутой статьи проф. Сокальскаго въ Харьк. Стат. Листкѣ.

Въ протоколахъ и отчетахъ жалобы на тѣсноту помѣщенія идутъ изъ года въ годъ, какъ гласъ вопіющихъ въ пустынь. Часто слышатся трагическія нотки, напр., при ежегодныхъ жалобахъ составителя отчета по хирургической клиникѣ на усиленіе смертности оперированныхъ отъ обусловленнаго нечистотой помѣщенія рожистаго воспаленія. Характерны, примѣръ, въ 1882 г. жалобы преподавателя физики А. К. Пого-

¹⁾ Дѣло арх. м. н. п. 1882 г. № 153929/3556.

рѣдко и преподавателя физиологіи И. П. Щелкова, что аудиторія не вмѣщаетъ $\frac{1}{5}$ части слушателей, отъ давки нельзя пользоваться ни приборами, ни даже доской, и со студентами дѣлается дурно отъ тѣсноты и отсутствія вентиліаціи¹⁾. Въ 1882 г. получено было разрѣшеніе на временное помѣщеніе нѣкоторыхъ медицинскихъ аудиторій, кабинетовъ и лабораторій въ физическомъ корпусѣ технологическаго института, ждавшего еще тогда своего открытія. Это перемѣщеніе отчасти состоялось, но оно было связано съ большими неудобствами, разрозненностью чтеній и пособій и продолжалось не долго²⁾. Не говоря уже о прежней тѣснотѣ и общей неудовлетворительности помѣщенія, харьковскій университетъ и въ финансовомъ положеніи былъ поставленъ въ худшее положеніе, нежели другіе русскіе университеты. Въ этомъ убѣждаетъ сравненіе смѣтныхъ назначеній по университетамъ: по финансовой смѣтѣ 1880 г. на харьковскій университетъ было ассигновано изъ государственнаго казначейства 76,036 р. 45 к., на 82,860 р. 15 к. менѣ суммы, ассигнованной для московскаго университета, на 6,723 р. менѣ университета св. Владиміра, на 5,526 р. менѣ казанскаго университета. Сравнивая въ частности суммы, ассигнуемыя на ремонтъ и содержаніе зданій, видимъ, что харьковскій университетъ получилъ на эти статьи даже менѣ университетовъ петербургскаго и новороссійскаго, въ которыхъ не было медицинскаго факультета—менѣ петербургскаго на 11,300 р. и новороссійскаго на 4,600 р.³⁾ Не удивительно, что при такой ассигновкѣ харьковскій университетъ пришелъ въ разрушеніе, что въ его клиникахъ умирали отъ зараженія, а въ лабораторіяхъ и аудиторіяхъ болѣли отъ отравленія воздуха. Харьковскій университетъ получилъ отказъ даже въ такихъ статьяхъ, которыми пользовались другіе университеты, не смотря на крайне скромные размѣры просьбъ и желаній. Такъ, еще въ 1873 г. харьковскій университетъ, желая основать университетское повременное изданіе—Записки—для помѣщенія въ нихъ отчетовъ, протоколовъ и диссертаций, просилъ министра народнаго просвѣщенія ходатайствовать объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства дополнительнаго кредита, по примѣру дерптскаго университета, въ размѣрѣ 500 р. Но министръ не призналъ возможнымъ удовлетворить такое ходатайство⁴⁾.

¹⁾ Проток. сов. 1882 г. окт. 7, въ Записк. Унив. 1882 г. III, 109.

²⁾ Подроб. въ Записк. Имп. Харьк. Унив. 1882 г., III, протоки, 85 и сл. и въ унив. отчетѣ за 1883 г.

³⁾ Отчетъ Имп. Харьк. унив. за 1881 г., стр. 10—12.

⁴⁾ Отчетъ Имп. Харьк. унив. за 1880 г., 59.

2-я глава.

Преподавательская и научно-литературная дѣятельность профессоровъ.

Университетъ пользовался предоставленнымъ ему правомъ избранія выдающихся ученыхъ и писателей въ почетные члены. Къ 1 января 1864 г. почетныхъ членовъ было 86 и членовъ-корреспондентовъ 15. Въ послѣдующіе годы избраны были многія лица: Бэръ, Струве, Фойгтъ, Левшинъ, Срезневскій, Боткинъ, Салтыковъ, Менделѣевъ, Гельмгольцъ, Людвигъ и мн. др., при чемъ совѣтъ пользовался часто подходящимъ обстоятельствомъ. Такъ, бывшій попечитель Фойгтъ былъ избранъ, при переходѣ въ Петербургъ, изъ уваженія къ его доброжелательной административной дѣятельности. По тѣмъ же мотивамъ, много лѣтъ познѣе, въ 1870 г., по предложенію проф. Грубе, былъ избранъ въ почетные члены предшественникъ Фойгта, генер.-лейт. Левшинъ, по случаю 50-ти-лѣтія его службы. Салтыковъ избранъ въ 1881 г., по предложенію проф. Потебни, по случаю 25-ти-лѣтія его литературной дѣятельности. Въ особенности выдается по осложненному мотиву избраніе Менделѣева, по рапорту проф. Бекетова, Лагермарка и Яцуковича въ 1882 г. «Высокія научныя заслуги Д. И. Менделѣева, говорится въ этомъ рапортѣ, должны были привести его къ занятію принадлежащаго ему по всей справедливости мѣста въ академіи наукъ; но основательное ожиданіе русскихъ ученыхъ не осуществилось, и пр. Менделѣевъ былъ отвергнутъ большинствомъ членовъ академіи наукъ». «Встрѣтивъ съ недоразумѣніемъ и прискорбіемъ это извѣстіе», профессора, подписавшіе рапортъ, внесли предложеніе объ избраніи Менделѣева въ почетные члены Харьковскаго университета, что, разумѣется, и прошло, въ физико-математическомъ факультетѣ даже единогласно. Избираемы были и мѣстные профессора, при выходѣ ихъ въ отставку, напр.: Рославскій-Петровскій, Калениченко, Альбрехтъ, Куницынъ, Гордѣенко; но бывали тутъ и ошибки, иногда довольно крупныя. Такой ошибкой было, напр., избраніе въ 1864 г. въ почетные члены забаллотированнаго въ 1857 г. профессора И. В. Платонова, который черезъ два года, опираясь между прочимъ на свое званіе почетнаго члена, просилъ министра народнаго просвѣщенія назначить его наблюдателемъ за благонамѣренностью всѣхъ профессоровъ харьковскаго университета, съ выдачей увеличен-

наго противъ профессорскаго оклада жалованья изъ специальныхъ средствъ университета. Бывали иногда случаи выдачи пособія нѣкоторымъ почетнымъ членамъ университета изъ скудныхъ специальныхъ средствъ университета, въ позднѣйшее время уже не повторявшіеся. Такъ, почетному члену Н. С. Турчанинову выдавалось пособіе въ 500 р. въ годъ, уменьшенное затѣмъ на 300 р. Когда, въ 1883 г., Турчаниновъ попросилъ прибавки, то совѣтъ 15 голосами противъ 7 отказалъ въ удовлетвореніи этой просьбы. Пользовался университетъ неоднократно также предоставленнымъ ему правомъ дарованія степени почетнаго доктора. Такъ, въ 1864 г., по предложенію проф. Н. А. Лавровскаго, въ почетные доктора избранъ былъ Коссовичъ, по сравнительному языкознанію.

Университетъ въ отчетный періодъ принималъ живое участіе въ чествованіи великихъ русскихъ людей, оказавшихъ родинѣ литературныя и ученныя услуги. Такъ, въ засѣданіи совѣта 2 ноября 1878 г. отмѣчены были заслуги мѣстнаго литературнаго и общественнаго дѣятеля Г. О. Квитки; вскорѣ проф. Потебня прочиталъ въ университетѣ публичную лекцію о Квиткѣ. Въ засѣданіи совѣта 22 мая 1880 года заслушанъ и одобренъ составленный проф. Потебней адресъ по случаю постановки въ Москвѣ памятника Пушкину и для присутствія на этомъ торжествѣ командированы проф. Кирпичниковъ и Андреевъ. Въ засѣданіи 12 мая 1881 г. заслушанъ и одобренъ адресъ Пирогову по поводу пятидесятилѣтія его ученой дѣятельности, и для поднесенія адреса командированы были проф. Зарубинъ и Грубе. Замѣчательнъ текстъ адреса обществу любителей російской словесности по поводу открытія 26 мая 1880 года памятника А. С. Пушкину, текстъ, ярко отразившій убѣжденія и симпатіи проф. Потебни, его составителя, и затѣмъ самого совѣта, утвердившаго его. Стилъ, повидимому, всецѣло принадлежитъ Потебнѣ. «Совѣтъ Харьковскаго университета, говорится въ адресѣ, по случаю празднованія открытія памятника А. С. Пушкину, считаетъ долгомъ выразить искреннія свои желанія: пусть же сбывается чаяніе поэта («къ нему не зарастетъ народная тропа»), но не въ примѣненіи лишь къ одной, хотя и великой его личности, а въ смыслѣ преуспѣянія какъ народности, такъ и всенародности русской литературы; пусть свободно растетъ среди русскаго народа образованіе обѣ руку съ благосостояніемъ и пусть перестанетъ книжный русскій человѣкъ чувствовать себя одинокимъ и чужимъ среди своего народа; пусть ширится русская литература и за нынѣшними своими предѣлами, но лишь силою своихъ собственныхъ достоинствъ; наконецъ, пусть будетъ вашъ праздникъ радостенъ: «а мы уже, дружина, жадны веселія».

Два университетскихъ адреса, 1863 г.—по случаю польскаго возстанія, и 1880 г.—по случаю открытія памятника Пушкину—служатъ выраженіемъ политическаго и общественнаго настроенія профессуры харьковскаго университета дѣйствія устава 1863 г.

Замѣщеніе вакантныхъ кафедръ, входившее по уставу 1863 года главнымъ образомъ въ обязанности университета, выполнялось успѣшно, по мѣрѣ возможности, и, когда, въ 1872 г., министерство возбудило вопросъ о внесеніи измѣненій въ соответствующій пунктъ устава, то совѣтъ харьковскаго университета высказался за его сохраненіе. Представивъ въ министерство сравнительную таблицу штатнаго учебнаго персонала въ 1864 и 1872 г.г., совѣтъ отмѣтилъ, что въ то время, какъ къ 1 января 1864 г. было всего 39 преподавателей, между которыми 28 профессоровъ, 4 доцента, 2 приватъ-доцента и 1 сверхштатный преподаватель физики изъ учителей гимназій, къ 1 января 1873 г. было уже 53 преподавателя, между которыми 37 профессоровъ, 12 доцентовъ и 3 приватъ-доцента, и въ 1878 г.—57, въ томъ числѣ 37 ординарныхъ, 8 экстраординарныхъ и 12 доцентовъ. Совѣтъ находилъ очевиднымъ благотворное дѣйствіе устава 1863 г. въ смыслѣ своевременнаго замѣщенія вакантныхъ кафедръ и, по результатамъ своимъ, довольно утѣшительнымъ. При этомъ, однако, отмѣчалась трудность замѣщенія вакантныхъ кафедръ въ виду отвлеченія молодыхъ людей на другія, болѣе выгодныя въ матеріальномъ отношеніи профессіи. Положеніе доцента было такъ мало обезпечено, что брало перевѣсъ учительство въ гимназій или служба техника на сторонѣ. «Къ профессурѣ, заявлялъ совѣтъ, дѣлу въ высшей степени трудному и отвѣтственному, могутъ быть привлекаемы на всѣхъ факультетахъ лишь немногіе изъ слабаго меньшинства людей, способныхъ любить науку для науки»¹⁾. Изъ протоколовъ совѣта видно, что къ замѣщенію кафедръ онъ относился очень заботливо и осторожно: ученые заслуги кандидатовъ подвергались подробной оцѣнкѣ и обсужденію, отзывы рецензентовъ печатались съ протоколами. Въ засѣданіи совѣта 31 мая 1865 г. постановлено было: въ интересахъ привлеченія большаго участія, не производить баллотировокъ въ первое и послѣднее засѣданія академическаго года²⁾.

Въ періодъ времени съ 1863 по 1884 г. въ харьковскомъ университетѣ было нѣсколько не осуществившихся по различнымъ причинамъ кандидатуръ на профессиру, изъ которыхъ историкъ долженъ отмѣтить кандидатуры Костомарова, Терновскаго, Гогоцкаго, Бодуэна-

¹⁾ Дѣло арх. мин. нар. пр. 1873 г., № 145799/3020.

²⁾ Прот. сов. 1865 г., мая 31, стр. 64.

де-Куртене, Владимірскаго-Буданова, Макушева. Н. И. Костомаровъ и Фил. А. Терновскій шли въ одно время—8 декабря 1864 г., и такъ какъ всѣ симпатіи историко-филологическаго факультета и совѣта были на сторонѣ Костомарова, то и выборы его прошли блистательно. Предложеніе Костомарова шло отъ проф. Петрова. Резолюція факультета была такая: «такъ какъ заслуги проф. Костомарова наукѣ русской исторіи извѣстны не только ученымъ специалистамъ, но, по художественному и общедоступному изложенію, и всему читающему обществу, и такъ какъ Н. И. Костомаровъ былъ профессоромъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, то, не входя въ подробный обзоръ его многочисленныхъ сочиненій, приступить къ избранію». Историко-филологическій факультетъ, однако, былъ такъ малочисленъ въ то время, что, при этомъ избраніи, было всего три члена, которые и дали три избирательныхъ шара. Въ совѣтѣ Костомаровъ получилъ лишь три неизбирательныхъ шара. По недостаточности средствъ, совѣтъ, избирая Костомарова въ ординарные профессора, могъ предложить ему лишь жалованье профессора экстраординарнаго, и, когда онъ не согласился, рѣшилъ добавить недостающую сумму изъ спеціальныхъ средствъ (въ засѣданіи 19 января 1865 г.); но Костомаровъ при всемъ томъ отказался, что вызвало огорченіе однихъ и неудовольствіе другихъ. Въ засѣданіи совѣта 20 апрѣля 1865 г. П. А. Лавровскій, замѣтивъ, что «на приглашеніе г. Костомарова послѣдовалъ неожиданный съ его стороны отказъ», тѣмъ болѣе досадный, что въ университетѣ два года не было преподаванія такого важнаго предмета, какъ русская исторія, вспомнилъ о кандидатурѣ Терновскаго и предложилъ пригласить его преподавать русскую исторію за опредѣленное вознагражденіе безъ офиціального штатнаго. Предложеніе это не прошло въ совѣтѣ. Терновскій, Фил. Алексѣевичъ, скромный, почтенный ученый, выдвинулся потомъ какъ профессоръ кievской духовной академіи и приват-доцентъ въ университетѣ св. Владиміра. Въ 1868 г. историко-филологическій факультетъ единогласно выбралъ бывшаго профессора по кафедрѣ философіи въ университетѣ св. Владиміра Гогоцкаго и, сославшись на его серьезные учено-литературные труды, просилъ совѣтъ пригласить Гогоцкаго на годъ для чтенія философіи, съ вознагражденіемъ; но совѣтъ, не входя въ обсужденіе, въ засѣданіи 9 апрѣля забаллотировалъ Гогоцкаго: при 12 избирательныхъ оказалось 18 неизбирательныхъ. Результатъ баллотировки, при ученыхъ заслугахъ Гогоцкаго, можетъ быть не представится особенно страннымъ, если въ Харьковѣ извѣстны были тѣ недостатки Гогоцкаго, какъ преподавателя, о которыхъ говоритъ проф. Романовичъ-Славатинскій въ своей автобіографіи—

«Моя жизнь», гдѣ Гогоцкій охарактеризованъ, какъ типъ «семинариста-гелертера, изъ дебелаго, деревяннаго ума котораго выходитъ какая-то мертвая, обезличенная наука»; но и Романовичъ-Славатинскій признаетъ въ Гогоцкомъ человѣка «большой эрудиціи и рѣдкаго трудолюбія»¹⁾, и такой преподаватель все-таки былъ бы полезенъ на вакантной каѳедрѣ, тѣмъ болѣе, что и предложеніе его было обставлено очень осторожно, на годъ, какъ бы въ видѣ пробы. Совсѣмъ уже страннымъ и непонятнымъ представляется исходъ баллотировки извѣстнаго ученаго Бодуэна-де-Куртене. Въ 1871 г., состоя приватъ-доцентомъ въ петербургскомъ университетѣ по каѳедрѣ сравнительнаго языкознанія, Бодуэнъ-де-Куртене выразилъ желаніе перейти въ харьковскій университетъ или по сравнительному языковѣдѣнію, или по славянскимъ нарѣчіямъ. Оба эти предмета тогда читалъ В. И. Шерцъ и тяготился такимъ совмѣщеніемъ. Проф. Шерцъ далъ очень хорошій отзывъ объ ученыхъ трудахъ Бодуэна-де-Куртене. Историко-филологическій факультетъ избралъ его большинствомъ 5 голосовъ противъ одного; но въ совѣтѣ Бодуэнъ-де-Куртене получилъ 10 избирательныхъ и 22 неизбирательныхъ шара²⁾. Такъ былъ отстраненъ профессоръ выдающихся дарованій и знаній. Что касается до кандидатуры Владимірскаго-Буланова на каѳедру русской исторіи, то, при наилучшихъ о немъ отзывахъ, перевѣсъ на баллотировкѣ получилъ одновременно съ нимъ Н. Я. Аристовъ. Предложеніе Макушева шло въ 1870 г. отъ Петра А. Лавровскаго. Макушевъ окончилъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ и, пріобрѣтя при этомъ же университетѣ степень магистра славянской филологіи, отправился въ славянскія земли съ ученой цѣлью, живя одно время въ качествѣ русскаго консула въ Дубровникѣ. Это былъ серьезный ученый, съ большими и глубокими свѣдѣніями. Историко-филологическій факультетъ харьковскаго университета пригласилъ его занять каѳедру славянскихъ нарѣчій и получилъ согласіе. Въ факультетѣ Макушевъ былъ избранъ единогласно 6 голосами. Въ совѣтѣ баллотировка Макушева прошла также весьма удовлетворительно, — большинствомъ 21 числа противъ 5, не смотря на возраженія профессора физики Шимкова, что факультетъ не вошелъ въ достаточно подробную критику сочиненій Макушева, — возраженія, направленнаго по существу дѣла противъ П. Лавровскаго. Возраженіе это, какъ и слѣдовало ожидать, было поддержано Каченовскимъ. Впослѣдствіи Макушевъ занялъ каѳедру въ варшавскомъ университетѣ и оставилъ слѣдъ въ наукѣ, какъ серьезный ученый.

¹⁾ Вѣст. Европы 1903, II, 620.

²⁾ Протоколъ засѣд. сов. 1871 г., ноября 4.

Вслѣдствіе разныхъ причинъ, отчасти подъ вліяніемъ внутреннихъ разногласій, харьковскій университетъ въ концѣ 1860 и въ началѣ 1870 годовъ потерялъ нѣсколько выдающихся профессоровъ, перешедшихъ въ другіе университеты. Такъ, даровитый и разносторонне образованный проф. Хронцевскій, читавшій въ харьковскомъ университетѣ общую патологию и гигиену, по приглашенію университета, съ 1864 по 1868 г.г., въ концѣ этого года ушелъ въ университетъ св. Владиміра. Въ засѣданіи совѣта 14 января 1869 г. группа профессоровъ, съ Н. Н. Бекетовымъ во главѣ, выразила свое сожалѣніе объ уходѣ Хронцевскаго, какъ человѣка большихъ знаній и большихъ заслугъ. Проф. Хронцевскій основалъ въ харьковскомъ университетѣ гистологическій институтъ и создалъ тутъ цѣлую школу молодыхъ гистологовъ. Въ дѣлахъ медицинскаго факультета и совѣта Хронцевскій принималъ дѣятельное участіе: имя его часто встрѣчается въ отчетахъ, а мнѣнія и отзывы его, представленные совѣту, отличаются дѣловитостью и хорошимъ стилемъ; но изъ тѣхъ же отчетовъ видно, что Хронцевскому приходилось вести борьбу съ нѣкоторыми своими товарищами, не особенно стѣснявшимися въ выборѣ средствъ. Выдающийся по эрудиціи, по ученымъ заслугамъ и нравственному характеру проф. по кафедрѣ русской исторіи въ университетѣ св. Владиміра В. С. Иконниковъ началъ свою ученую дѣятельность въ 1866 г. приватъ-доцентомъ въ Харьковскомъ университетѣ, здѣсь прочелъ вступительную лекцію 1 декабря 1866 г. Н. Лавровскій и Иконниковъ читали, по порученію совѣта, публичныя лекціи по случаю столѣтія со дня рожденія Н. М. Карамзина. При баллотировкѣ въ совѣтъ въ приватъ-доценты Иконниковъ получилъ 22 избирательныхъ и 1 неизбирательный, но въ факультетѣ у него были сильные недоброжелатели, какъ видно изъ пренебрежительныхъ отзывовъ о его лекціяхъ бр-въ Лавровскихъ. Въ отзывѣ Петра А. Лавровскаго, прочитанномъ въ засѣданіи совѣта 31 мая 1867 г., курсъ Иконникова названъ «поверхностнымъ», а дальнѣйшее оставленіе приватъ-доцента Иконникова преподавателемъ «совершенно лишнимъ». Въмѣсто него выдвинутъ былъ доцентъ Геннадій Карповъ, сравнительно съ Иконниковымъ величина малая¹⁾.

Въ засѣданіи совѣта 3 марта 1864 г. обсуждался и былъ разрѣшенъ важный общій принципиальный вопросъ о докторскихъ диссертацияхъ по существу основного ихъ содержанія и отношенія его къ искомой степени, именно: по большинству голосовъ, было принято для

¹⁾ Протоколъ засѣд. совѣта 1866 г., стр. 245, 283, 290; 1867 г., засѣд. 31 мая.

руководства, что «тема докторской диссертации должна относиться къ одному изъ главныхъ предметовъ по тому разряду наукъ, по которому ищущій степени доктора пріобрѣтаетъ степень магистра».

Хотя университетъ всегда стремился къ тому положенію, которое нашло себѣ мѣсто въ уставѣ 1884 г., именно, къ положенію, что всѣ науки важны, но иногда, въ силу предложеній высшаго начальства, иногда въ силу необходимости, долженъ былъ вносить раздѣленіе на главные и второстепенныя. Такъ, при обсужденіи этого вопроса, по предложенію министерства, въ засѣданіи 8 апрѣля 1869 г., факультеты, высказавшись предварительно, что всѣ каѳедры весьма важны для полноты и основательности образованія, сдѣлали уступку, именно, признали второстепенными предметы по вакантнымъ каѳедрамъ, филологическій—каѳедры: исторіи всеобщей литературы, исторіи церкви и исторіи искусствъ, а юридическій—каѳедру исторіи славянскихъ законодательствъ.

Въ засѣданіи 16 августа 1869 года совѣтъ высказался по вопросу о правахъ доцентовъ. Большинство находило возможнымъ, согласно съ мнѣніемъ попечителя московскаго учебнаго округа, допущеніе доцентовъ безъ ограниченія ихъ правъ на факультетскія засѣданія; меньшинство (6 голосовъ) поставило условіемъ службу въ университетѣ не менѣе 2 лѣтъ, а проф. Рославскій-Петровскій выразилъ мнѣніе, что приглашеніе доцента въ факультеты со всѣми правами члена допустимо только въ случаѣ отсутствія законнаго числа ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ. Практически вопросъ этотъ разрѣшился не въ пользу доцентовъ; въ частности—на историко-филологическомъ факультетѣ доценты на засѣданія факультета не были приглашаемы. Въ 1870 году на запросъ министерства московскій и казанскій университеты высказались въ пользу предоставленія магистрамъ должности экстраординарнаго профессора, совѣты же университетовъ харьковскаго, кіевскаго и новороссійскаго признали полезнымъ увеличеніе содержанія доцентовъ до оклада экстраординарнаго профессора. Въ совѣтѣ харьковскаго университета, какъ значится въ протоколѣ 24 февраля 1870 г., большинство членовъ историко-филологическаго факультета признало желательнымъ возвышеніе доцентскаго оклада лишь въ двухъ случаяхъ: когда доцентъ, уже получившій степень доктора, не можетъ получить долгое время званія экстраординарнаго профессора по недостатку вакансій, или когда факультету положительно извѣстно, что доцентъ не можетъ представить диссертации въ теченіе года, и въ такомъ случаѣ допускается повышеніе оклада жалованья на одинъ годъ. Юридическій факультетъ оказался гораздо гуманнѣе и

щедрѣе—онъ прямо высказался за допущеніе доцентовъ къ исправленію обязанностей экстраординарнаго профессора, безъ тѣхъ условностей, которыя въ рукахъ враждовавшихъ партій могли тяжело отзываться на положеніи доцентовъ.

Постоянной заботой университета было установить связь между предметами и группами предметовъ факультетскаго преподаванія, въ связи съ разнообразными выходившими отъ университетовъ проектами дѣленія факультетовъ по отдѣламъ. Прежде всего состоялось раздѣленіе по отдѣламъ факультетовъ историко-филологическаго и физико-математическаго¹⁾, дѣйствующее и нынѣ, а вопросъ о раздѣленіи юридическаго факультета остался открытымъ.

Изъ отдѣльныхъ рѣшеній отмѣтимъ принятое въ 1864 году къ исполненію предложеніе министерства народнаго просвѣщенія о возложеніи преподаванія педагогики на профессора по кафедрѣ философіи, потому что «педагогія не должна быть излагаема иначе, какъ въ видѣ прикладной науки психологіи». Для харьковскаго университета это предложеніе было невыполнимо, такъ какъ въ это время не было профессора философіи. Изъ наличныхъ профессоровъ выдающимся преподавателемъ педагогики могъ быть Н. А. Лавровскій, хорошо знавшій этотъ предметъ и живо имъ интересовавшійся. Вообще, послѣ профессора Шада, изгнаннаго изъ Россіи за свободомысліе, философіи не везло въ харьковскомъ университетѣ. Въ 60-ые годы, въ то время, какъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ были профессоры по этому предмету, въ Харьковѣ кафедра философіи была вакантной, и въ 1866 г. историко-филологическій факультетъ предложилъ совѣту пригласить для этой кафедры одного изъ преподавателей духовныхъ академій; но совѣтъ рѣшительнымъ большинствомъ отклонилъ это предложеніе, какъ противорѣчащее уставу. Проф. Рославскій-Петровскій подалъ особое мнѣніе, въ которомъ отстаивалъ предложенную факультетомъ мѣру, ссылаясь на то, что въ 1835—1849 г., когда философія читалась во всѣхъ университетахъ, большая часть ея преподавателей, и притомъ лучшихъ, вышла изъ духовныхъ академій. Въ письменномъ возраженіи проф. Каченовскій говоритъ, что философія въ 1835—1849 г. не процвѣтала, и, указывая на Шада и Буле, рекомендуетъ поискать философовъ за границей. Проф. Рославскій-Петровскій подалъ дополнительное мнѣніе, въ которомъ въ очень деликатной формѣ возражаетъ Каченовскому. Рославскому письменно возразилъ проф. Сокальскій, находившій, что «одностороннее развитіе ума на

¹⁾ Разныя мнѣнія по этому поводу изложены въ протокол. засѣд. совѣта 1864 г. ноября 3, 17.

почвъ теологической діалектики не можетъ приготовить ученаго въ современномъ значеніи этого слова и годнаго для университетской каѳедры»¹⁾. Въ этой полемикѣ находятся цѣнные данныя для исторіи философіи въ Россіи. Въ 60 и 70-ые годы каѳедру богословія занималъ одинъ изъ достойнѣйшихъ профессоровъ, священникъ В. II. Добротворскій. Ему приходилось, кромѣ богословія, читать еще исторію церкви и церковное право, для которыхъ не было специалистовъ. Въ 1866 г. онъ отказался отъ двухъ послѣднихъ предметовъ. Преподавателемъ по исторіи церкви вскорѣ былъ избранъ профессоръ А. С. Лебедевъ, изъ преподавателей московской духовной академіи. Не смотря на самые похвальные отзывы о Лебедевѣ, какъ ученомъ и преподавателѣ, какъ самое избраніе и назначеніе профессора Лебедева 18 февраля 1869 г., такъ и послѣдовавшее вскорѣ избраніе его въ ординарные профессоры въ совѣтъ вызывало большія разногласія, независимо отъ личныхъ достоинствъ профессора, въ силу стремленія охранить университетъ отъ проникновенія въ него питомцевъ чуждой университету духовной-академической школы. Въ особомъ мнѣніи протестующей группы, подписанномъ Бекетовымъ, Гарничъ-Гарницкимъ, Каченовскимъ и Хронщевскимъ, предлагалось для соблюденія университетскаго начала, давать сначала почетное докторство лицамъ, приглашеннымъ изъ духовной академіи для замѣщенія вакантныхъ каѳедръ. Что касается самого положенія предмета, то еще въ 1866 г., въ засѣданіи 7 апрѣля состоялось постановленіе считать церковную исторію въ числѣ предметовъ обязательныхъ, но не главныхъ. Что касается богословія, то въ 1866 г. профессоръ богословія московскаго университета Сергіевскій, по порученію министерства народнаго просвѣщенія, объѣзжалъ университеты для совѣщанія по вопросу о борьбѣ съ невѣріемъ студентовъ и соотвѣствующей тому выработкѣ программы богословскаго преподаванія²⁾. Изъ отдѣльных проявленій заботливости факультетовъ и совѣта о строго научной постановкѣ преподаванія заслуживаетъ вниманія вопросъ о постановкѣ въ университетѣ церковнаго права. Юридическій факультетъ, а по его предложенію и совѣтъ, большинствомъ 19 противъ 8 голосовъ, возбудилъ передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ 1868 г. ходатайство о томъ, чтобы каѳедры церковнаго законовѣдѣнія въ университетахъ замѣщались лицами, получившими въ самомъ университетѣ специальное юридическое образованіе и пробывшими нѣкоторое время въ духовныхъ академіяхъ для усвоенія специальныхъ

¹⁾ Прот. сов. 1866 г., марта 8.

²⁾ Проток. 1865 г. 31 мая; 1864 г. 7 апр.; 1869 г.—18 февр. 8 апр., 16 авг., 16 сент., 26 окт., 7 нояб.

богословскихъ свѣдѣній. Въ 1868 г. открывалась кафедра церковнаго права, и поднятый вопросъ былъ вполне умѣстнымъ. «Принимая въ соображеніе, говорится въ докладѣ факультета и совѣта¹⁾, что церковное законовѣдѣніе есть отрасль юридическихъ наукъ и что преподающій ее въ интересахъ своихъ слушателей, при изложеніи содержанія науки, долженъ необходимо обладать достаточнымъ запасомъ свѣдѣній по другимъ органически съ ней связаннымъ наукамъ, факультетъ и совѣтъ пришли къ убѣжденію, что для преподавателя церковнаго законовѣдѣнія нужна основательная юридическая подготовка, и ее можно ожидать единственно отъ лицъ, получившихъ университетское образованіе. Юридическій факультетъ видѣлъ въ этомъ случаѣ примѣръ въ Германіи, гдѣ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ чтенія церковнаго права лицами духовнаго званія съ однимъ богословскимъ образованіемъ, до того утвердилась мысль о несостоятельности подобнаго порядка, что порученіе этого преподаванія профессору не юристу, по словамъ одного изъ самыхъ извѣстныхъ нѣмецкихъ писателей, представившаго замѣчаніе на проектъ университетскаго устава, не только возбудило бы всюду удивленіе, но даже признано было бы положительно вреднымъ въ томъ отношеніи, что слушатели иногда могутъ усвоить такіе теоретическіе взгляды на вещи, которые не сходятся съ общепринятыми воззрѣніями». Ходатайство это не имѣло успѣха. Министерство народнаго просвѣщенія посмотрѣло на церковное право, какъ науку богословскую, на томъ основаніи, что церковь есть отъ Бога учрежденное общество, и наука о церкви и церковномъ правѣ связана съ этимъ догматическимъ началомъ.

Въ 1867 г. шли ожесточенные споры по вопросу введенія исторіи славянскихъ народовъ въ программу магистерскаго экзамена по русской исторіи. Источникомъ этихъ споровъ была гл. обр. личная вражда. Ревностнымъ сторонникомъ введенія исторіи славянъ былъ профессоръ по кафедрѣ славянскихъ нарѣчій П. А. Лавровскій, имѣвшій въ этомъ отношеніи на своей сторонѣ весь историко-филологическій факультетъ. Совѣтъ согласился, за исключеніемъ двухъ профессоровъ, Каченовскаго и Сокальскаго, и вотъ между историко-филологическимъ факультетомъ, собственно Лавровскимъ, — съ одной стороны, и Каченовскимъ и Сокальскимъ — съ другой, возникъ обмѣнъ мнѣніями; а какъ много тутъ было исписано бумаги и взаимно попорчено крови, видно изъ того, что въ засѣданіи 10 октября 1868 г. были заслушаны мнѣнія факультета и письменныя возраженія Каченовскаго и Сокальскаго, а

¹⁾ Дѣло изъ арх. м. н. пр. 1868 № 144081/2100.

затѣмъ пошли письменныя возраженія факультета и Лавровскаго въ засѣданіяхъ совѣта 20 февраля, 20 марта, 1, 4, 14 и 28 апрѣля и 5 мая, на которыя слѣдовали со стороны Каченовскаго и Сокальскаго возраженія отъ 6, 7 и 25 марта, 10 и 25 апрѣля и 2 мая. Совѣтъ, въ концѣ концовъ, остался при прежнемъ мнѣніи, въ пользу введенія исторіи славянъ. Доклады меньшинства были въ сущности слабы. Каченовскій и Сокальскій вообще слишкомъ пренебрежительно отнеслись къ исторіи славянства. Каченовскій исторію славянскихъ народовъ и исторію славянскихъ законодательствъ называетъ предметами роскоши, безъ которыхъ можно обойтись. Сокальскій утверждалъ, что исторія славянства представляетъ «по преимуществу филологическій интересъ», что «судьба славянъ не представляетъ ничего общаго съ нашею судьбою» и что въ этомъ отношеніи намъ будто бы ближе исторія Грузіи, Арменіи, что «прошлое славянъ, исключая Польши, имѣетъ самое отдаленное отношеніе къ исторіи Россіи и входитъ въ исторію государствъ, которыхъ часть они сами составляютъ, т. е. Германіи и Турціи»¹⁾. Вообще, во всей этой полемикѣ обнаруживается слишкомъ большая доза личной вражды: это было время разгара борьбы между Д. И. Каченовскимъ и П. А. Лавровскимъ, и группировавшихся вокругъ нихъ лицъ. По предложенію профессора Петрова, историко-филологическій факультетъ вошелъ въ совѣтъ съ просьбой о перенесеніи экзамена по географіи изъ историко-филологическаго въ физико-математическій факультетъ, что и было принято совѣтомъ въ засѣданіи 18 марта 1871 г. Въ томъ же засѣданіи дебатировалось важное предложеніе профессора Надлера, чтобы греческій языкъ на историческомъ отдѣленіи отнести въ разрядъ необязательныхъ предметовъ, и вмѣсто него ввести сравнительную географію. Въ обширной докладной запискѣ, напечатанной въ протоколѣ засѣданія совѣта 18 марта 1871 г., Надлеръ обстоятельно разъясняетъ значеніе и пользу сравнительнаго землевѣдѣнія при изученіи историческихъ наукъ. Ссылаясь на ученый авторитетъ отца сравнительнаго землевѣдѣнія Риттера, Надлеръ докладываетъ, что хотя наука сравнительнаго землевѣдѣнія имѣетъ дѣло съ матеріаломъ естественнымъ, но пользуется имъ для цѣлей историческихъ, по особому, историческому методу изслѣдованія. Историко-филологическій факультетъ и совѣтъ высказались, съ одной стороны, за сохраненіе греческаго языка, противъ чего возражалъ Надлеръ, съ другой — за введеніе на историческомъ отдѣленіи курса сравнительной географіи. Въ теченіе одного 1871 года Надлеръ и читалъ этотъ предметъ, который, дѣйстви-

¹⁾ Проток. Сов. 1867, окт. 10.

тельно, имѣлъ для студентовъ серьезное образовательное значеніе, такъ какъ не только давалъ много новыхъ цѣнныхъ свѣдѣній, но и вносилъ въ пониманіе исторіи начало законообразности, въ связи съ изученіемъ вліянія рельефа и природы историческихъ странъ. Въ засѣданіи 2 февраля 1872 г. совѣтъ принялъ предложеніе профессора Кремянскаго объ отмѣнѣ латинскихъ письменныхъ отвѣтовъ при экзаменѣ на степень доктора медицины. За сохраненіе латинскаго языка высказались профессора Грубе и Лямбль. Въ 1874 г., по предложенію профессора Паломбецкаго, было введено на юридическомъ факультетѣ преподаваніе судебной медицины. Въ 1875 г. рѣшено было слушаніе исторіи философіи сдѣлать обязательнымъ для студентовъ историко-филологическаго факультета всѣхъ трехъ отдѣленій. Въ 1876 г., въ засѣданіи 9 сентября, совѣтъ обсуждалъ записку профессора Ягича о преподаваніи сравнительнаго языкознанія, какъ обязательнаго предмета. Въ 1879/80 г., по предложенію профессора Якобія и Бекетова, введено было на первыхъ двухъ курсахъ медицинскаго факультета преподаваніе аналитической химіи, при чемъ профессоръ Якобій мотивировалъ свое предложеніе, между прочимъ, тѣмъ, что на медицинскомъ факультетѣ слишкомъ много времени отдано на спеціальныя медицинскіе предметы и слишкомъ мало на естественно-историческую подготовку къ нимъ; вслѣдствіе чего у многихъ медиковъ недостаетъ того, что называютъ школою. Въ засѣданіи 16 августа 1882 г. совѣтъ призналъ возможнымъ ввести на историческомъ отдѣленіи историко-филологическаго факультета преподаваніе политической экономіи и государственнаго права, что, впрочемъ, не получило практическаго осуществленія. Тогда же состоялось постановленіе совѣта о преподаваніи неорганической химіи на математическомъ отдѣленіи физико-математическаго факультета, что также не привилось.

Совѣтъ и профессора въ отдѣльности часто хлопотали объ улучшеніи библіотеки, лабораторій, кабинетовъ и клиникъ, но въ громадномъ большинствѣ хлопоты эти разбивались о недостатокъ средствъ. Еще въ 60-хъ годахъ была библіотечная комиссія, предсѣдатель которой профессоръ Коссовъ принялъ на себя главный трудъ по составленію и редактированію большого каталога. По недостатку средствъ, по тѣснотѣ помѣщенія, отчасти по слабости внутренняго распорядка—библіотека вызывала часто справедливыя неудовольствія и нареканія. Въ засѣданіи совѣта 7 марта 1874 г. группой профессоровъ поднятъ былъ вопросъ объ улучшеніи фундаментальной библіотеки и учрежденіи студенческаго отдѣла. Устройство послѣдняго осуществилось въ 1879 г., на основаніи доклада комиссіи, въ составъ которой

входили профессора: Гатенбергеръ, Имшенецкій, Кузнецовъ, Морозовъ, Потенія, Степановъ и Якобій. За неимѣніемъ болѣе удобнаго мѣста студенческая библіотека помѣщена была въ аудиторіи № 3, гдѣ она находится и въ настоящее время; для руководства ею и пользованія выработаны были правила, преподаватели университета были приглашены къ пожертвованіямъ, установлена постоянная субсидія изъ специальныхъ средствъ университета¹⁾. Первые правила для фундаментальной библіотеки были утверждены въ 1871 г.; въ новой редакціи въ 1876 г. (въ засѣданіи 5 февраля). Въ первый каталогъ вошли книги до 1860 г., въ первое продолженіе 1860—1865 г. Въ засѣданіи совѣта 11 декабря 1880 г. поднять былъ вопросъ о продолженіи каталога и заслушаны высказанныя по этому поводу библіотечной комиссіей соображенія.

Совѣтъ, при тѣхъ правахъ, какими онъ пользовался по уставу 1863 г., служилъ иногда опорой для отдѣльныхъ профессоровъ. Такъ, въ 1870 г. нѣкоторые профессора получили отъ попечителя учебнаго округа черезъ ректора замѣчаніе по поводу отсутствія на университетскомъ актѣ. Профессоры Бекетовъ, Шимковъ и Гарничъ-Гарницкій подали въ совѣтъ заявленіе, что это замѣчаніе можетъ относиться только къ совѣту университета, и просили обсудить его въ совѣтѣ. Ректоръ находилъ, что предложеніе это не подлежитъ разсмотрѣнію совѣта; но совѣтъ въ засѣданіи 3 марта 1870 г. большинствомъ 21 голоса противъ 5 призналъ означенное предложеніе попечителя подлежащимъ обсужденію въ совѣтѣ и постановилъ обсудить его въ слѣдующемъ засѣданіи²⁾; но изъ протоколовъ ближайшихъ затѣмъ засѣданій не видно, чтобы этотъ вопросъ возбуждался, и, нужно думать, онъ былъ снятъ съ очереди, и впослѣдствіи нигдѣ уже не встрѣчается указаній на обязательность для профессоровъ посѣщенія университетскихъ актовъ. Совѣтъ харьковского университета въ 60 и 70-ые годы часто игралъ роль совѣщательнаго учрежденія при министерствѣ народнаго просвѣщенія и, по предложенію министра, часто входилъ въ обсужденіе программъ, штатовъ и проектовъ, исходившихъ отъ другихъ высшихъ учебныхъ и ученыхъ учреждений. Такія занятія, не входившія прямо въ интересы университета, занимали много времени. Въ то же время наблюдается недостаточно полное и недостаточно разностороннее изученіе условій собственной внутренней жизни, отчасти по причинамъ, не зависѣвшимъ отъ университета, на примѣръ, относительно возникавшихъ внутри студенчества организацій, отчасти по отсутствію плановѣрности и программы. Широкихъ задачъ внутренняго изученія

¹⁾ Проток. засѣд. сов. 1879 г. окт. 4.

²⁾ Проток. сов. 1870 г. марта 3 дня.

не было поставлено, и всякаго рода проекты, программы и прочее обсуждалось по мѣрѣ того, какъ предъявляла ихъ текущая жизнь или воля высшаго начальства. Были еще особыя причины этой разрозненности и слабости—вражда партій и малочисленность нѣкоторыхъ коллегій, напри- мѣръ, въ историко-филологическомъ факультетѣ бывали засѣданія при 5, 4 и даже трехъ членахъ. Изъ собственно университетскихъ дѣлъ важны были выработанныя совѣтомъ правила для суда, для полученія стипендій, о правахъ ректора и его отношеніяхъ къ совѣту (1867 г. 21 февраля, 7 марта и 1868 г. 5 ноября). Въ 1868 г., въ засѣданіи 9 апрѣля, обсуждены и приняты правила порядка засѣданій совѣта. Обсужденіе таблицы испытаній на ученые степени вызвало пренія въ засѣданіи совѣта 10 октября 1867 г. по вопросу о внесеніи въ таблицу исторіи славянства.

Функціи по управленію университетомъ, по уставу 1863 года, распредѣлены были между совѣтомъ, факультетами, правленіемъ и университетскимъ судомъ. Уставъ 1884 г. упразднилъ университетскій судъ и передалъ его обязанности правленію. Роль и значеніе суда университетскаго постепенно были умяяемы, по мѣрѣ усиленія инспекціи. Нужно сказать, что и уставъ 1863 года не давалъ суду достаточно прочной организаціи, оставивъ это дѣло совѣтамъ. Судъ являлся учрежденіемъ временнымъ, безъ опредѣленно поставленнаго дѣлопроизводства и собирався по мѣрѣ надобности. Харьковский университетъ отнесся къ этой обязанности съ полной внимательностью и обставилъ университетскій судъ такими членами и такими гарантіями, которыми вполне обезпечивалось дѣло справедливости и достоинства учрежденія. Такъ, въ засѣданіи 1 сентября 1863 года судьями избраны были Пахманъ, Бейеръ и Соколовъ; предсѣдателемъ былъ Пахманъ, извѣстный юристъ, впоследствии сенаторъ. Въ 1871 году обсуждался въ университетахъ и въ министерствѣ вопросъ о томъ, какъ университетъ можетъ относиться къ студентамъ, виновнымъ въ предосудительныхъ поступкахъ внѣ университета и не подлежащимъ университетскому суду. Рѣшено было каждый разъ обсуждать въ совѣтѣ вопросъ о томъ, могутъ ли быть оставляемы далѣе такіе студенты въ университетѣ, или подлежатъ удаленію¹⁾. Дѣятельность университетскаго суда имѣла, по существу дѣла, временный и случайный характеръ. Совѣту, какъ высшей инстанціи, приходилось рѣдко вмѣшиваться. Замѣчательна въ этомъ отношеніи лишь исторія столкновенія студентовъ съ публицистомъ Говорухой-Отрокомъ, бывшая на разсмотрѣніи совѣта 28 янв. 1882 года²⁾.

1) Протоколъ засѣд. совѣта 1863 г. сент. 1; 1871 г. февр. 11.

2) Подробно изложена со всѣми послѣдствіями въ протоколѣ 1882 года января 28 и февраля 1.

Внутренний рост университета ясно выдѣляется по десятилѣтіямъ, т. е. по даннымъ отчета 1863 г., уже отмѣченнымъ выше, и затѣмъ отчетовъ 1873 и 1883 г. Въ 1873 г., къ 1 янв. 1874 г. въ университетѣ состояло 60 преподав., въ томъ числѣ 37 орд. проф., 6 экстраорд., 11 доц., 3 пр.-доц. и лектора. Было 6 вакантныхъ каѳедръ, при чемъ преподаванія не было лишь по 3—по философіи, агрономіи и международному праву; но съ 1874 г. философія уже имѣла преподавателя въ лицѣ проф. Зеленогорскаго. На покрытіе штатныхъ расходовъ ассигновано было 304,704 р. 86 к. и спеціальнаго сбора за лекціи 11,898 р. Студентовъ къ 1 янв. 1874 г. было на ист.-фил. фак. 20, физ.-мат. 42, юридич. 165 и медиц. 162, всего 389 (противъ 448 чел. предыдущаго года). Ветеринаровъ, посѣщавшихъ въ университетѣ лекціи, было 134 чел. Стипендіатовъ 105 чел. Постороннихъ слушателей къ 1 янв. 1873 г. было 76, къ 1 янв. 1874 г. 29. Въ фундаментальной библіотекѣ было 42,087 назв. въ 82,814 вол.; въ студенч. отдѣленіи—1628 назв. Въ астрономическомъ кабинетѣ 223 предмета; въ физическомъ 568 №№, въ каб. физической географіи 40, въ метеорологической обсерваторіи 87, въ химической лабораторіи 1964 №№, въ минералогическомъ кабинетѣ 12097 №№, въ геологическомъ 4715 №№, въ ботаническомъ саду около 3900 видовъ растений, въ ботан. каб. 732 №№, въ зоологическомъ 16923 №№, въ зоотомическомъ каб. и лабор. 1696 №№, въ физиологической лабораторіи 287 №№, въ кабинетѣ общей патологіи 187 №№, въ технологическомъ кабинетѣ съ лабор. 1250 №№, въ агрономическомъ 1459, въ музеѣ физиологической анатоміи 910 №№, въ музеѣ патологической анатоміи 1115 №№, въ гистологическомъ 156 №№, въ фармацевтической лабораторіи 342 №№, офтальм. 178, акушер. 746, судебной медиц. 81. Въ терапевт. клиникѣ стационарныхъ было 139 и амбулаторныхъ 1028 чел., предметовъ 224 №№; въ маньковскомъ электролечеб. завед. въ 1873 г. было 264 больныхъ, предм. 387 №№, въ хирургич. клиникѣ стац. 179 и амб. 2161 чел., предметовъ въ хирургическомъ кабинетѣ 1290 №№; въ офтальмологической клиникѣ 1173 больныхъ, въ акушерской клиникѣ (дѣйствовавшей 3 мѣс.) было стационарныхъ 35 и амбулаторныхъ 172; въ музеѣ изящныхъ искусствъ было 1360 №№, въ монетъ-кабинетѣ 22256 экз.

Къ 1 января 1884 года Харьковскій университетъ состоялъ изъ факультетовъ: 1) историко-филологическаго (съ отдѣленіями классической филологіи, славяно-русской филологіи и историческихъ наукъ), 2) физико-математическаго (съ отдѣленіями физико-химическимъ, математическимъ и естественнымъ), 3) юридическаго и 4) медицинскаго. Распределеніе предметовъ преподаванія нѣсколько отличалось отъ послѣ-

дующаго времени. По ист.-фил. фак. общины для всѣхъ 3 отдѣленій были: а) логика и психологія, б) греческій языкъ, в) латинскій языкъ, и г) исторія всеобщей литературы. По отдѣл. классическому: а) греческая словесность, б) римская словесность, в) сравнит. грамматика индо-европейскихъ языковъ, г) историческая грамматика русскаго языка, д) исторія древней философіи, е) всеобщая древняя исторія и ж) теорія искусствъ и исторія древняго искусства. По словесному отдѣл.: а) славянская филологія, б) исторія русскаго языка и литературы, в) сравн. грамматика индо-европ. языковъ, г) исторія всеобщей литературы, д) русская исторія, е) исторія философіи и ж) исторія и теорія искусства. По историческому отдѣл.: а) всеобщая исторія, б) русская, в) исторія славянскихъ нарѣчій, г) церковная, д) исторія философіи. Дополнительные предметы: исторія всеобщей литературы и исторія русской литературы. По физико-матем. фак.—по отдѣл. матем. наукъ: а) чистая математика, б) механика, в) астрономія и геодезія, г) матем. физика, д) опытная физика;—по отдѣленію физ.-хим. наукъ: главные предметы: а) матем. физика, б) опытная физика, в) химія и г) техническая химія. Дополнит. предметы: математика, механика, кристаллографія съ минералогіей, зоологія и ботаника. По отдѣл. естественныхъ наукъ: главные предметы: а) зоологія, б) ботаника, в) минералогія, г) геологія и палеонтологія, д) агрономія, е) опытная физика и ж) химія. Дополнительный предметъ—математика. По юридич. факультету. Главные предметы: а) энциклопедія права и русское государственное право, б) исторія иностр. законодательствъ, в) право римское, г) гражданское, д) уголовное, е) полицейское, ж) финансовое, з) международное, и) политическая экономія и статистика. Дополнительные русская и всеобщая исторія и судебная медицина. По медицинскому факультету. Главные предметы: а) медицинская химія и физика, б) анатомія, в) гистологія г) физиологія, д) общая патологія, е) фармакологія, ж) специальная патологія и терапия, з) патологическая анатомія, и) теоретическая хирургія, і) діагностика (и электротерапія—для желающихъ), к) офтальмологія, л) женскія и дѣтскія болѣзни, м) судебная медицина (и токсикологія), н) гигиена и медицинская полиція, о) фармакогнозія и фармація. Дополнительные предметы: химія, минералогія, ботаника, зоологія и сравнительная анатомія. Для всѣхъ студентовъ богословіе (кромѣ ино-вѣрцовъ) и не обязательно языки: франц., нѣм., итал. и англійскій.

Преподавателей къ 1 янв. 1884 года считалось: одинъ профессоръ богословія, 39 орд. профессоровъ, 18 экстраординарныхъ, 18 доцентовъ, 4 прив.-доцента и 3 лектора. На филол. факультетѣ не занята была кафедра по исторіи искусства, на юридич.—по исторіи славян. законо-

дательства и церковному праву. Университетскія учрежденія находились въ моментъ перехода къ новому уставу 1884 года въ такомъ положеніи (придерживаемся порядка отчета). Въ хирургической клиникѣ, находившейся тогда еще въ крайне плохомъ старомъ помѣщеніи, въ струѣ теченій ретираднаго воздуха, краснорѣчиво описанномъ въ отчетѣ, въ этой клиникѣ съ 1 дек. 1882 г. по 20 дек. 1883 г. больныхъ было 4866, въ томъ числѣ 126 стационарныхъ, изъ которыхъ 103 (81,7⁰/₀) выздоровѣло, а 17 (13,5⁰/₀) умерло, при чемъ высокую смертность отчетъ объясняетъ крайней тѣсотой помѣщенія и близостью помойныхъ и выгребныхъ ямъ. Въ инструментальномъ кабинетѣ харьков. клиники состояло 1782 №№ на сумму 17798 руб. 46 к. Въ фармацевтической лабораторіи къ 1 янв. 1884 г. числилось 160 №№ въ 2772 экз. на сумму 3234 руб. 46 коп. Въ кабинетѣ гигиены состояло предметовъ 335 №№ на сумму 2289 р. 54 к. Въ кабинетѣ физической географіи 156 №№ въ 156 экз. на 3841 р. 24 к. Въ музеѣ и кабинетѣ патологической анатоміи числилось 1662 №№ въ 3678 экз. на сумму 13713 р. 37 к. Въ физическомъ кабинетѣ 703 №№ на сумму 28 тыс. рублей. Въ химической лабораторіи 2829 №№ въ количествѣ 14637 экз. на сумму 25437 руб. 52 к. Въ музеѣ физиологической анатоміи 1211 №№ въ 4737 экз. на сумму 13439 р. 95 к. Въ музеѣ изящныхъ искусствъ 12175 предметовъ на сумму 32000 р. 25 к. Въ 1883 г. копированіемъ занималось 15 чел., а посѣтителей каждое воскресенье бывало въ среднемъ около 80 лицъ. Въ маньковскомъ электролечебномъ кабинетѣ 475 №№ въ 991 экз. на сумму 4065 руб. 58 коп. Въ механическомъ кабинетѣ 138 №№ въ 159 экз. на 5936 руб. 44 к. Въ технической лабораторіи 1526 №№ въ 11711 экз. на сумму 14681 руб. 84 коп. Въ фундаментальной библиотекѣ къ 1 января 1884 года названій 50254, томовъ 94516 на 249480 руб. 95 коп., журналовъ 563 назв. въ 11840 экз. на сумму 63384 руб. 90 к., рукописей 200 на 428 р., картъ и портретовъ 2976 №№ въ 3055 экз. на 5920 руб. Въ теченіе 1883 года было выдано книгъ 5511 томовъ, въ томъ числѣ профессора 2615 и студентамъ 2896 томовъ. Въ студенческомъ отдѣлѣ считалось 2583 назв. въ 3805 томовъ на сумму 7825 руб. 95 коп. Въ офтальмологической клиникѣ въ 1883 году амбулаторно лѣчилося 4326 чел. съ 6556 различными болѣзнями глазъ, стационарно 287 чел. Въ кабинетѣ офтальмологическомъ было 432 №№ на 3907 руб. Въ зоологическомъ музеѣ числилось къ 1 янв. 1884 г. 6157 №№ въ 41150 экз. на сумму 24640 руб. 68 к. Въ минералогическомъ кабинетѣ 14996 №№ въ 19574 экз. на сумму 22584 рубля. Въ агрономическомъ кабинетѣ 744 №№ въ 3286 экз. на сумму 8025 руб. 31 коп. Въ геологическомъ

кабинетъ окаменѣлостей и горныхъ породъ 5657 №№ въ 6043 экз. на сумму 2888 руб. и книгъ 254 экз. на 2701 руб. Въ астрономическомъ кабинетѣ книгъ и инструментовъ 199 №№ на 23306 руб. 42 коп. Въ кабинетѣ общей патологии 146 №№ въ 357 экз. на 1709 р. 13 к. Въ кабинетѣ судебной медицины 98 №№ на 239 р. Въ акушерской клиникѣ въ 1883 г. лѣчилось амбулаторно 750, стационарно 177, изъ которыхъ умерло 2 женщины. Въ кабинетѣ предметовъ 793 №№ въ 1057 экз. на 9212 руб. Въ ботаническомъ кабинетѣ сухихъ растений 62439, инструментовъ 235 на 3893 руб., книгъ 870 на 6276 рублей. Въ ботаническомъ саду оранжерейныхъ растений 11681 экз., фруктовыхъ деревьевъ 1509, кустарниковъ 12158 экз. Въ технической лабораторіи и кабинетѣ препаратовъ 1892 экз. на 1280 р., приборовъ и инструментовъ 1518 экз. на 8677 руб., книгъ и картъ 361 на 1352 руб., посуды на 1974 р. Въ терапевтической клиникѣ въ 1873 году амбулаторно 789, стационарно 119, изъ которыхъ умерло 20. Въ эмбриологическомъ кабинетѣ 131 №№ въ 1770 экз. на 1680 руб. Въ типографіи машинъ, шрифта и пр. на 19999 руб. Суммы университета за 1883 г. выразились въ такихъ цифрахъ:

	Остатокъ отъ 1882 года		Въ 1883 году				Остатокъ къ 1889 года	
			Приходъ		Расходъ			
	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.
Штатныхъ	21190	21	338966	20	343587	47	16568	94
Сборъ за слушаніе лекцій и за аренду земли . . .	20546	92	30361	50	29398	88	21509	54
Пожертвованій	310087	13	23193	46	15642	65	317638	94
Переходящихъ	28259	24	23879	47	23830	73	28307	76
В С Е Г О . . .	380083	28	416400	63	412459	75	384024	18

Въ 1883 году со степенью кандидата окончилъ 54 чел. (9 филол., 24 матем. и 21 юристъ), со степенью дѣйствительнаго студента 14 (3 филол., 3 матем., и 8 юрист.), лѣкарей 49, уѣздныхъ врачей 47, провизоровъ 6, аптек. помощниковъ 48, повив. бабокъ 66 и лантистовъ 7; въ общемъ по ист.-фил. фак. 13, физ.-мат. 27, юридич. 30 и медиц. 223, а всего 293 удостоеній. Къ 1 янв. 1884 года было студентовъ 1076 и постороннихъ слушателей 156, всего 1232. По

факультетамъ: ист.-фил. 79, юрид. 183, физ.-матем.—а) матем. отд. 87, б) естеств. 60 и в) физ.-хим. 27, на медиц. 644. Стипендіатовъ разныхъ наименованій 130.

Университеты всегда пользовались правами ученой экспертизы въ дѣлахъ средняго образованія, и это такъ естественно, такъ понятно, что, при всѣхъ ограниченіяхъ, это участіе университета никогда въполнѣ не отрицалось и въ большей или меньшей степени, смотря по условіямъ времени, учебная администрація пользовалась имъ. Въ первые годы существованія Харьковскаго университета ему принадлежала даже ревизія среднеучебныхъ заведеній. Интересна попытка Харьковскаго университета отказаться отъ этого права, не только временно, но и впредь, за будущія поколѣнія. Предварительно была назначена коммиссія, въ составъ которой вошли профессоры Бейеръ, Н. Лавровскій, Бекетовъ, Петровъ и Сокальскій. Коммиссія, признавая гимназическихъ экзаменаторовъ, хорошо знающихъ своихъ воспитанниковъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, надежными оцѣнщиками познаній, единогласно пришла къ тому заключенію, что «для воспитанниковъ гимназій вообще нѣтъ настоятельной необходимости въ командированіи депутатовъ университета», и на этомъ основаніи коммиссія высказалась за «отмѣну профессорскихъ депутацій въ гимназіи и возстановленіе полного довѣрія къ этимъ заведеніямъ». Совѣтъ въ засѣданіи 7 марта 1867 г. согласился съ мнѣніемъ коммиссіи и вошелъ съ соотвѣтствующимъ представленіемъ къ высшему начальству. Доводы коммиссіи были, однако, ошибочны, и ошибочность эта произошла отъ односторонней точки зрѣнія на депутаціи, какъ на признакъ недовѣрія. Министерство народнаго просвѣщенія отказало, указавъ, между прочимъ, на одностороннюю мотивировку ходатайства. Въ засѣданіи 31 мая 1867 г. заслушано было по этому поводу слѣдующее разъясненіе министерства: «Гр. Д. А. Толстой, рассмотрѣвъ это представленіе и сообразовавъ оное съ дѣйствующими узаконеніями, какъ по университетамъ, такъ и по гимназіямъ, съ своей стороны полагаетъ, что изъясненное предположеніе вызвано въ совѣтѣ главнымъ образомъ опасеніемъ, что командированіе членовъ университета для присутствованія при экзаменахъ въ гимназіяхъ можетъ быть принимаемо сими послѣдними за признакъ недовѣрія къ нимъ. Но такое опасеніе едва ли можетъ имѣть мѣсто: контроль есть необходимая принадлежность государственнаго устройства, и чѣмъ онъ разнообразнѣе, тѣмъ дѣйствительнѣе. Въ настоящемъ случаѣ контроль университетовъ надъ гимназіями тѣмъ болѣе полезенъ, что первые получаютъ отъ вторыхъ слушателей, а сами даютъ имъ наставниковъ. Кажется, не можетъ быть сомнѣнія, что чѣмъ чаще эти на-

ставники пользуются совѣтами своихъ прежнихъ руководителей, чѣмъ ближе связь между ними, тѣмъ дѣятельность гимназическихъ преподавателей будетъ благотворнѣе; ибо профессоръ хотя и не специалистъ во всѣхъ наукахъ, можетъ по каждой изъ нихъ дать болѣе или менѣе полезныя наставленія, особенно относительно методы преподаванія и способа пользованія при этомъ научнымъ матеріаломъ». Далѣе объяснено, если въ уставѣ университетовъ и уставѣ гимназій не говорится прямо о профессорахъ какъ депутатахъ, то во избѣжаніе обязательнаго характера; но командированіе профессоровъ предоставлено усмотрѣнію попечителей учебнаго округа, по мѣрѣ возможности. Министръ народнаго просвѣщенія выражаетъ увѣренность, что профессоры будутъ исполнять эти порученія съ прежнимъ усердіемъ, «ибо польза изложенной мѣры подтверждается повсемѣстнымъ въ учебныхъ округахъ шестилѣтнимъ опытомъ». Характерна эта историческая ссылка въ устахъ администраціи; ссылка эта могла бы быть значительно распространена и углублена, хотя бы изъ депутатской практики Харьковскаго университета, напр., указаніемъ на приведеніе въ порядокъ минералогической коллекціи Новочеркасской гимназіи депутатомъ, профессоромъ геологіи Борисякомъ и др. т. п., если бы только факты этого ряда своевременно отмѣчались и были собираемы.

Въ 60 и 70 годы совѣтъ входилъ въ обсужденіе и утвержденіе программъ публичныхъ лекцій, что, впрочемъ, случалось рѣдко и не всегда въ пользу лекторовъ. Въ 1864 г. представилъ программу учитель орловской гимназіи Верховскій. Программа была предварительно на разсмотрѣніи юридическаго факультета, который далъ заключеніе, что программа Верховскаго представляетъ лишь одно оглавленіе предметовъ, по которому нельзя составить понятіе о духѣ и направленіи предполагаемыхъ публичныхъ лекцій. Совѣтъ постановилъ передать это заключеніе попечителю. Еще болѣе курьезное дѣло возникло въ совѣтѣ по поводу программы чиновника особыхъ порученій при воронежскомъ губернаторѣ Грабовскаго, который пожелалъ прочитать 7 публичныхъ лекцій «о мѣстномъ самоуправленіи въ Англіи». Программа была передана на разсмотрѣніе проф. Каченовскому, который нашелъ, что лекціи Грабовскаго, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, представляютъ повтореніе лекцій рецензента—самого проф. Каченовскаго; юридическій факультетъ, исходя изъ той мысли, что лекціи каждаго преподавателя составляютъ его литературную собственность, отказалъ въ одобреніи. Въ совѣтѣ мнѣнія раздѣлились. Большинство 18 голосовъ противъ семи высказалось противъ факультетскаго рѣшенія, въ пользу разрѣшенія лекцій. Проф. Коссовъ, бывшій на сторонѣ большинства, представилъ по этому поводу не со-

всѣмъ удачно мотивированное мнѣніе, въ которомъ утверждалъ, что «нѣтъ надобности въ согласіи профессора на чтеніе лекцій по его запискамъ къмъ-либо изъ слушателей», т. е. совершенно отрицалъ право литературной собственности на лекціи. Есть основаніе думать, что тутъ замѣшались въ дѣло личныя нерасположенія къ Каченовскому, у котораго, какъ чловѣка прямолинейнаго и рѣзкаго, было въ совѣтѣ много личныхъ враговъ. Проф. Коссовъ принадлежалъ къ послѣднимъ, что проскользнуло въ его замѣчаніи, что «аудиторія проф. Каченовскаго всегда переполнена слушателями», которые, какъ думалъ Коссовъ, могли уличить явный печатный плагіатъ изъ лекцій Каченовскаго. Проф. Каченовскій вскорѣ, въ 1866 г., высказался противъ командировки Коссова на парижскую выставку на казенный счетъ ¹⁾.

Въ 1865 г. совѣтъ разрѣшилъ чтеніе публичныхъ лекцій по физикѣ проф. Морозову, о Ломоносовѣ проф. Н. Л. Лавровскому, въ 1866 г. проф. Каченовскому о судебныхъ учрежденіяхъ и др. ²⁾. Забота о распространеніи просвѣщенія въ обществѣ никогда не покидала харьковскую профессуру и выражалась, въ зависимости отъ обстоятельствъ, въ разныхъ формахъ. Еще 24 февр. 1861 г. харьковскій университетъ возбудилъ передъ министерствомъ ходатайство о допущеніи женщинъ къ слушанію лекцій. Отказъ былъ полученъ лишь въ 1863 году и заслушанъ въ засѣданіи совѣта 21 авг. 1863 г. Почти постоянно шли публичныя лекціи по технологіи, химіи и практической механикѣ, согласно съ предложеніемъ министерства народнаго просвѣщенія отъ 31 марта 1838 г., съ ассигновкой вознагражденія профессорамъ, читающимъ эти лекціи, изъ государственнаго казначейства. Въ 60-хъ годахъ лекціи эти читались по механикѣ—Алексѣевымъ, по технологіи Ядковичемъ и по химіи Гарницкимъ ³⁾. На эти лекціи всегда допускались и женщины. Въ 1881 г. проф. Надлеръ прочелъ 12 публичныхъ лекцій по новой исторіи въ пользу общества грамотности. Съ 1873 г. многократно возникали проекты университетскихъ изданій, или въ видѣ записокъ, или др. специальныхъ и общихъ ⁴⁾, большей частью не осуществленные по недостатку средствъ, такъ какъ министерство отказывало въ дополнительномъ кредитѣ въ 500 р., и по другимъ независящимъ отъ университета обстоятельствамъ. Въ 60-хъ годахъ подъ редакціей проф. богословія В. И. Добротворскаго выходилъ «Духовный Вѣстникъ». Журналъ печатался съ 1862 г. въ университетской типо-

¹⁾ Протоколы засѣд. сов. 1864 г. мая 5 и окт. 20.

²⁾ Проток. сов. 1865 г. марта 3, авг. 17, 1866 г. дек. 13, марта 8.

³⁾ Проток. засѣд. сов. 4 ноябр. 1869 г.

⁴⁾ Проток. сов. 1873 г. апр. 19, Отчетъ 1881 г. стр. 58—59.

графіи, безъ субсидіи, по подпискѣ, и въ 1867 году прекратился, по недостатку средствъ, при чемъ совѣтъ сложилъ 300 руб. недоимки, признавъ полный недостатокъ средствъ для продолженія изданія¹⁾. Журналъ былъ содержательный, серьезный, строго научный; статьи печатались съ выборомъ. Тутъ нашли себѣ мѣсто нѣкоторые изслѣдованія проф. Ник. Лавровскаго, напр., цѣнная для того времени его статья объ апокрифической литературѣ. Были затѣмъ разработанные проекты изданія церковно-общественнаго журнала подъ редак. проф. А. С. Лебедева, большой политической газеты подъ редакціей проф. Г. М. Цѣхановецкаго; но проекты эти не осуществились. Не имѣя возможности создать самостоятельнаго печатнаго органа, профессоры отдавали часть своего труда мѣстнымъ періодическимъ изданіямъ, сначала Губернскимъ Вѣдомостямъ, насколько это было возможно при узкомъ характерѣ этого officialнаго органа и его руководителей изъ чиновниковъ канцеляріи губернатора. Въ концѣ 70 годовъ издавалась частная, маленькая и, какъ впоследствии выяснилось, очень плохая газета «Харьковъ», подъ редакціей нѣкоего Сталинскаго. Она нашла поддержку въ профессорахъ, давшихъ ей безъ гонорара много статей, между прочимъ, большія статьи покойнаго профессора Каченовскаго по исторіи искусства, которыми редакция, въ лицѣ Сталинскаго, пользовалась крайне небрежно, печатая съ пропусками и опечатками. Въ 1881 г. возникла большая ежедневная газета «Южный Край», при чемъ издателемъ ея А. А. Іозефовичемъ въ редакторы были приглашены профессоры А. Н. Стояновъ, въ роли главнаго редактора, и Л. Е. Владиміровъ, въ роли его помощника. Цензоромъ одно время былъ бывшій ректоръ А. И. Паломбецкій. Такъ продолжалось около двухъ лѣтъ, и «Южный Край» за это время можетъ служить довольно вѣрнымъ отраженіемъ главныхъ университетскихъ теченій и образа мыслей выдающихся профессоровъ того времени. Тутъ было напечатано множество профессорскихъ статей, не считая редакторскихъ, передовыхъ, были статьи и замѣтки профессоровъ Потебни, Морозова, Кирпичникова, Дринова, Надлера, Петрова и мн. др. Въ началѣ 80-хъ годовъ выходили небольшой журнальчикъ, литературный и общественный, «Миръ», редакторомъ котораго былъ проф. А. П. Шимковъ, и бойкій содержательный «Статистическій Листокъ» подъ ред. проф. И. П. Сокальскаго. Перу Сокальскаго принадлежитъ здѣсь много статей, изъ которыхъ весьма цѣнной для исторіи Харьковщины представляется обширная его статья «Куда идемъ».

1) Протоколъ сов. 1868 г. авг. 16.